

Хелег Харт, Яна Левская

Мгновение

Научно-фантастическая повесть

16+

Яна Левская
Хелег Харт
Мгновение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45867479

SelfPub; 2023

Аннотация

В 23 веке у человечества не осталось причин для страха. Войны позади, экология восстановлена, новые технологии решили проблемы перенаселения и недостатка ресурсов. На Земле установилось относительное спокойствие. Прогресс даровал людям уверенность в завтрашнем дне. Но не случится ли так, что он же её и отнимет? В засекреченном научном комплексе ведутся разработки технологии, которая способна перевернуть существующие порядки с ног на голову. На очередной стадии исследований туда прибывает Рун Этингер – учёный, приглашённый в проект на роль аналитика. И с самого первого дня он начинает подозревать: в комплексе происходит что-то очень нехорошее. Впрочем, было бы странно ожидать, что вокруг столь важного изобретения не заведётся интриг и хитроумных подковёрных игр...

Яна Левская, Хелег Харт

Мгновение

1

Рун коснулся пальцами экрана, подтвердив завершение поездки и оплату. Раздвижная дверь электромобиля открылась, и в салон толкнулся августовский жар. Ветер пах солью и водорослями. Вдалеке галдели чайки. Ослепительно синее небо растеклось светло-голубой дымкой по линии горизонта. Подхватив портфель, Этингер вышел. Дверь с тихим щелчком встала на место, шашечки на крыле такси засветились зелёным, и электромобиль уехал на следующий вызов. Проследив за серебристой каплей, быстро скользящей к материку по стальной дуге моста, Рун отвёл взгляд и, недоумевая, осмотрелся.

Он стоял на полукруглой площадке парковки, поднятой на сваях выше уровня прилива, временами достигавшего здесь – на французском побережье Бискайского залива – пяти метров. Внизу над волнами виднелись россыпи камней. Солнце высветлило мелководье до бирюзово-зелёного – вода убывала. Чайки металась над морем, поднимая суматошный гвалт, хватали не успевших уйти на глубину рыб. Этингер с наслаждением вдохнул – он давно не был у моря. Но ему хотелось, чтобы поездка оправдала себя чем-то более суще-

ственным, чем приятное времяпровождение. Пока же предпосылки к этому было мало.

В конце вытянутой парковки начинался спуск к типичной морской ферме, с тремя уровнями смещённых кольцевых террас, уходящих в воду, и с дюжиной колонн, обвитых трубками фитобиореакторов. Рун уже потянулся к наручному коммуникатору, чтобы проверить адрес, стоявший в приглашении, но сдержался. Вместо этого он провел пятернёй по коротким непослушным волосам, растрепав их больше прежнего, и бодро зашагал через площадку. Чем быстрее разберётся с явным недоразумением, тем меньше времени потратит. В письме упоминались некие исследования, и Рун не сомневался, что здесь они проводятся в том или ином масштабе, но каким боком микробиология могла соотноситься с историей, чтобы к работе привлекли его – доктора исторических наук – Этингер даже представить не мог.

Замедлив шаг перед входом, Рун подивился размаху надписи, составленной из огромных отполированных до блеска стальных букв: “Agens corp”. Амбициозно, как для посредственной фермы, одной из многих, специализирующихся на производстве косметики и пищевых добавок.

“Что ж, заглянем”. – Этингер кивнул и шагнул к двери.

Одежда едва успела выровнять баланс температур соответственно погоде, как Рун уже вошел в здание, и датчики снова отправили по телу еле ощутимые импульсы, измеряя теплообмен. Просторный холл пустовал. В противовес на-

глухо закрытому фасаду, встречавшему посетителей со стороны парковки, стена внутреннего периметра оказалась полностью остеклена и открывала вид на залив. В центре зала из пола вырастали нитевидные ярко-зеленые водоросли, которые сплетались и расплетались, струясь в водном потоке. Датчики отреагировали на посетителя, и голограмма вышла из режима заставки. Вместо водорослей появилась молодая женщина, сквозь вежливую улыбку которой потёк малоинтересный рассказ о заслугах конкретной фермы в производстве омолаживателей. Рун отвернулся и отыскал взглядом приёмную стойку. словно только и ждал, когда на него обратят внимание, замерший за ней андроид вышел навстречу и произнёс:

– Мы рады приветствовать вас. Пожалуйста, назовите цель своего визита.

– У меня назначена... встреча, – уже сказав это, Этингер понял, что интонация получилась скорее вопросительной, чем утвердительной.

К счастью, робот распознал ответ верно. Он приблизился, активировал сенсорный экран на груди, и Рун, не дожидаясь просьбы, коснулся ладонью очерченного поля.

– Добро пожаловать, доктор Этингер. Доктор Флагстад извещён о вашем прибытии. Прошу, пройдите в зону ожидания.

“Флагстад, – припомнил Рун, опускаясь в одно из эластичных кресел. – От его имени и пришло письмо. Значит, ника-

кой путаницы нет, и я оказался здесь не по ошибке”.

Это открытие ещё больше сбило Этингера с толку. Он снова глянул на не в меру улыбчивую голограмму, которая не зная усталости нахваливала продукцию “Эйдженс корп”, и усмехнулся. Уж не хотят ли они заказать фальшивое историческое исследование косметологии, чтобы потом использовать его в качестве рекламы? Если так, то их ждёт горькое разочарование. Сильнее заказных статей Рун ненавидел только умышленное перевираание истории.

Время шло. Принимать гостя, умамливать посулами и посягать на его принципы никто не торопился. Заскучав, Рун активировал коммуникатор и начал просматривать новости.

– Уже лет пятнадцать не видел таких, – раздалось вдруг за спиной.

Этингер оглянулся, поднимаясь.

Мужчина в светло-серых брюках и белой рубашке, стоявший в двух шагах от кресла, кивнул на браслет коммуникатора на запястье Руна. По виду ему было около пятидесяти, светло-русые с проседью волосы зачёсаны назад, лицо почти без морщин, как бывает у людей, редко смеющихся.

– Не доверяю современной технике, – сдержанно улыбнулся историк, выключая голографическую проекцию экрана и протягивая ладонь. – Рон Этингер.

– Вы хотели сказать, Рун? – светлые, почти бесцветные глаза едва заметно сузились.

Рун поморщился и пояснил:

– Привычка, извините. Люди проще воспринимают имя “Рон”, поэтому им я обычно и представляюсь.

Мужчина кивнул, пожимая руку.

– Йонас Флагстад. Знаете, Рун, вы больше похожи на актёра большого экрана, чем на учёного.

– Приму за комплимент, – кивнул Этингер.

Внешность историка уже не в первый раз выделили подобным образом: от родителей Руну достались нордические черты и глубоко посаженные глаза, что придавало его взгляду некоторую твёрдость и даже резкость. Склонность одеваться броско ещё больше приближала Этингера к образу человека, привыкшего к объективам телекамер. И только те, кто хорошо его знал, понимали, насколько это впечатление обманчиво.

– Это он и был, – на лице Флагстада мелькнула улыбка. – Если не возражаете, перейдём сразу к делу. Одна из переговоров сейчас как раз должна быть свободна.

– Конечно.

Они покинули приёмную, миновали широкий светлый коридор и вошли в небольшую комнатку без окон, оснащённую переговорной системой псевдоприсутствия. Флагстад занял ближайшее свободное кресло и жестом пригласил Руну сесть напротив.

– Уверен, у вас много вопросов, – учёный потёр глаза, будто не выспался. – Но хочу сразу предупредить, что смогу ответить не на все. Проект, в котором вам предлагается участ-

зовать, засекречен.

– Вот оно что, – протянул Рун.

Он попытался вспомнить хоть один случай, когда слышал или читал о секретных проектах, но выудил из памяти лишь пару сплетен и обрывки статей в не очень-то популярных изданиях. Ничего удивительного – после технологического скачка двадцать второго века секретность вышла на новый уровень вместе с науками.

– Да, – Флагстад развёл руками. – Я просто не имею права рассказать вам что бы то ни было конкретное, пока вы не согласитесь хранить предстоящий разговор в тайне.

– Не поймите меня неправильно, – сказал Рун, глядя в полуприкрытые глаза собеседника, – но главный вопрос я просто не могу не задать. Не сомневаюсь, вы знаете, что в наш век история как наука почти выродилась. Сейчас почти у каждого человека есть встроенный прямо в мозг Ассистент, дающий круглосуточный доступ к большинству знаний, накопленных человечеством. Профессия историка сегодня устарела почти так же, как некогда устарела профессия хрониста. На плаву держатся только те, кто умеет видеть историю под необычными углами и творчески этим видением пользоваться. Мы теперь ближе к литераторам, которые, к слову, тоже почти исчезли. Я пришёл сюда только потому, что вы написали в своём письме, цитирую: “Нам пригодилась бы помощь такого специалиста, как вы”. Так чем может помочь динозавр от науки корпорации, которая продвигает

самые передовые технологии?

Флагстад выслушал речь спокойно, даже слишком – его глаза почти закрылись, из-за чего Рун подумал, что учёный вот-вот заснёт. Но как только Этингер умолк, Флагстад улыбнулся одними уголками губ и ответил:

– Специалиста определяют не только знания, но и умение правильно их применять. С этой точки зрения вы, как историк, один из лучших в мире специалистов.

“Не так уж трудно быть лучшим среди дюжины коллег”, – мысленно хмыкнул Рун.

– Я читал некоторые ваши статьи, – продолжал Флагстад. – Вы превосходно анализируете ситуацию, исходя из имеющегося исторического опыта. Выводы, к которым вы приходите, впечатляют своей точностью. Ваша прозорливость и свежий взгляд – как раз то, что нам нужно. Мы приглашаем вас как эксперта-аналитика, и работа ваша будет заключаться в исследовании исторических данных.

– Исторических? – Этингер изобразил скепсис, хотя его интерес к таинственному проекту только возрос.

– Это не история в полном смысле слова, но почти.

– Значит, ваш проект никак не связан с этой фермой?

– “Эйдженс” занимается не только производством омолаживателей, если вы об этом.

– Можете сказать что-то ещё?

– Только то, что несколько веков назад любой историк душу бы продал за возможность поучаствовать в таком проек-

те, – снова едва заметная улыбка. – Я не обязываю вас соглашаться на предложение, только выслушать. Но для этого вы должны подписать договор о неразглашении.

Флагстад достал из нагрудного кармана наладонник, снял блокировку и положил на стол. Этингер взял устройство в руки и сделал вид, что читает условия договора, хотя на самом деле и так прекрасно представлял, что в них написано. Просто хотел потянуть время и подумать.

С одной стороны предложение выглядело привлекательно, с другой – Рун лучше многих знал, как вредны для здоровья чужие секреты. Тем более, секреты огромных корпораций. От них следовало держаться подальше, и в то же время страсть к разгадыванию загадок тянула историка окунуться в них с головой.

Этингер глянул на Флагстада, надеясь увидеть в его поведении подсказку к правильному решению. Тот всё больше походил на сомнамбулу и, казалось, игнорировал не только затянувшуюся паузу, но и вообще присутствие собеседника. Вид учёного напомнил Руну лишь давно прочитанную статью с заголовком “Нарколепсия”. Ничего, что могло бы облегчить выбор.

“Да что это со мной? – пронеслось в голове историка. – Мне что, каждый день выпадает возможность поработать над чем-то помимо ковыряния в давно известных фактах?”

Этингер уверенно пролистал соглашение до конца и приложил палец к полю подтверждения. Наладонник тихо пи-

ликнул; этого оказалось достаточно, чтобы вывести Флагстада из полусна.

– Надеюсь, вы внимательно прочитали соглашение, – сказал он, убирая устройство обратно в карман. – Потому что даже если не согласитесь, вы до конца жизни будете обязаны хранить эту тайну.

– Я это осознаю.

Флагстад кивнул, и сонливость с него будто рукой сняло.

– Тогда перейду к главному, – он сомкнул руки в замок и положил их на стол. – Наш проект называется “Хронос”. Это устройство реверсивного воссоздания пространства. Говоря простым языком, с его помощью мы собираемся заглянуть в прошлое. В любую точку времени и пространства.

Рун ошарашенно молчал. Флагстад терпеливо ждал, пока смысл сказанного дойдёт до адресата.

– Насколько я знаю, – наконец сказал Этингер, – любые путешествия во времени невозможны. Это доказали ещё в начале двадцать первого века.

– Путешествия – это фантастика, – согласился учёный. – Речь идёт о воссоздании участка реальности. Используя принцип ретропричинности, при помощи сложных гравитационных воздействий мы можем заставить антиматерию двигаться назад во времени и создавать стереоизображения нужных мест. В это сложно поверить, не разбираясь в тонкостях, но мы уже добились определённых результатов. Ваша экспертиза нам нужна для их улучшения.

– То есть... у вас уже есть снимки прошлого?

– Несколько сотен. Но, как я уже говорил, “Хронос” нуждается в серьёзной доработке. Иногда изображение получается точным, даже если обозреваемый миг был несколько лет назад. А иногда снимок вчерашнего дня выходит “засвеченным”.

От последнего слова в мозгу Руна всплыли древние чёрно-белые снимки, которые человечество называло фотографиями и проявляло в специальных комнатах.

– О какой засветке идёт речь?

– Белые пятна. Выглядят, как дыры в стереоизображении. Иногда они имеют формы различных предметов, иногда просто похожи на облака. Мы достаточно долго пытаемся понять, откуда они берутся, но пока безуспешно. Поэтому руководство решило привлечь экспертов извне.

– Так есть и другие? – Рун скрестил руки на груди.

– Двоих мы уже наняли до вас, – Флагстад плавно, как в замедленной съёмке, моргнул. – Но они – технические специалисты, поэтому занимаются в основном анализом самого устройства. Проверяют конструкцию, формулы преобразования, алгоритмы. Оба – специалисты мирового уровня, как и вы.

– Мне придётся работать с результатами экспериментов?

– Да. Вам предоставят всё необходимое.

– А оплата?

Флагстад довольно улыбнулся. Понял: раз речь зашла о

деньгах, главное решение уже принято. Рун, к своему ужасу, даже не заметил, как внутренне согласился участвовать в этом фантастическом проекте. Да что говорить – он согласился чуть ли не с первых слов! “Заглянуть в прошлое? Да я ещё сам за это заплачу!”

– Вы сами понимаете, какие перспективы открывает этот проект, – веско сказал Флагстад. – И так же понимаете, почему он засекречен...

– Потому что если “Хронос” заработает как надо, секретов больше не останется, – нетерпеливо перебил Рун. – Если со временем вы сможете извлекать не только изображение, но и звук, придётся выдумывать новые законы, потому что старые точно работать перестанут. Да, я понимаю.

Он, как историк, лучше остальных представлял себе ценность устройства, которое позволит заглянуть под каждый камень. Буквально: можно, например, живьём увидеть Гая Юлия Цезаря. Или как Леонардо да Винчи рисовал Мону Лизу. Как заложили первый блок в основание Великих Пирамид... Да, заглянуть под каждый когда-либо существовавший камень. Раскрыть каждый нераскрытый секрет. Узнать правду об истории, о каждом её мгновении. Что может быть интереснее?

– Пока нам выделяют столько средств, сколько мы попросим, – продолжал Флагстад. – Финансирование более чем щедрое. Но есть ряд условий, которые нужно соблюдать.

– Надеюсь, мне не придётся жить на ферме, – пошутил

Этингер, но, посмотрев на невозмутимого до безразличия учёного, встревожился. – Или придётся?

– Не совсем. Для вас есть квартира неподалёку отсюда. В том же здании поселены другие эксперты.

– Выглядит не так уж страшно. Какие ещё условия?

– В основном рабочие моменты, – Флагстад лениво отмахнулся. – Доктор Этингер, мне нужно знать ваш окончательный ответ.

Рун хотел было взвесить все за и против, но как только на чашу весов упали возможности “Хроноса”, выбор стал слишком очевидным.

– Где нужно подписаться?

Флагстад снова улыбнулся.

– Это всё потом. Когда вы готовы приступить?

– Хоть завтра.

– Отлично, – кивнул учёный и встал. – Я улажу все формальности, чтобы не терять времени. Сегодня соберите всё необходимое. Завтра уже будете ночевать на новом месте. Встретимся здесь, скажем... в десять?

– Без проблем, – Рун тоже поднялся, но замер на полпути к двери. – Подождите. Здесь?

Ответом ему был лишь понимающий взгляд и короткое:

– Вы всё увидите сами.

Рун прибыл на полчаса раньше назначенного. Войдя, он сразу отметил у знакомого по вчерашней встрече андроида, и, даже не посмотрев в сторону кресел, начал прохаживаться вдоль стеклянного фасада. При всём желании Рун не высидел бы сейчас и минуты.

Сегодня кто-то отключил рекламную голограмму, и в тишине холла шаги Этингера казались слишком громкими. Он остановился и окинул взглядом террасы, спускавшиеся к воде. В разграниченных мембранами отсеках под защитой полимерной плёнки цвели разнообразные водоросли. Двое работников станции как раз проводили предусмотренные планом замеры, передвигаясь по узким мостикам между бассейнами.

“Хронос” где-то здесь, – думал Рун, скользя взглядом по плантации. – Судя по вчерашнему разговору, иначе и быть не может. Эта местность – самое обычное захолустье. Очень удобно. Да и ферма выглядит достаточно посредственно. На первый взгляд здесь просто негде разместить научный комплекс, и именно поэтому “Эйдженс” спрятали его тут. Провалиться мне, если это не так!”

Размышления историка прервали чужие шаги. Он с готовностью обернулся на звук.

Увидев, что его заметили, Йонас Флагстад остановился. – Доброе утро, – он вяло кивнул подошедшему Этингеру. – Вы готовы?

Аккуратно одетый, лицом физик выглядел так, словно

утро не только не доброе, но и не началось.

– Да.

– Ваши вещи?

– Прибудут в новую квартиру, как только я узнаю адрес.

– Хорошо, – уже отворачиваясь, Флагстад едва заметно пошатнулся. Рун заметил, как на манжете его рукава мелькнул оранжевым датчик – сработал иньектор. Поморщившись, доктор бросил на Этингера прояснившийся взгляд и попросил следовать за собой.

«И правда, нарколептик».

Ступая в двух шагах позади Флагстада, Рун по деталям собирал перед мысленным взором его портрет: мешки под глазами, тяжёлые веки, то и дело норовящие сомкнуться, безразличный вид, время от времени проскальзывающие сонно растянутые реплики.

«Сколько психостимуляторов он принимает, чтобы сохранить свою должность?»

Поравнявшись с мужчиной, Рун спросил:

– Какова ваша роль в проекте, если не секрет?

– Я научный руководитель, – Этингер едва удержался от того, чтобы в упор уставиться на Флагстада. Тот обернулся, кривовато улыбнулся и добавил: – По совместительству ваш непосредственный начальник.

“Похоже, суточная доза стимуляторов и впрямь небольшая”, – подумал историк, покосившись на невозмутимого учёного.

Они остановились у лифта. Флагстад пропустил Руна вперёд, а сам задержался у сенсорной панели. Оставив отпечаток ладони, он ввёл код и чётко произнёс:

– Уровень Октагон.

Дверь подъёмника закрылась, и Рун ощутил, как пол уходит из-под ног – единственный признак сумасшедшей скорости, с которой кабина понеслась вниз. За шесть секунд, что успел отсчитать Этингер, лифт точно спустился гораздо ниже уровня последней видимой с парковки террасы.

Когда подъёмник остановился, Флагстад, не выходя на площадку распределителя, кивнул на одну из дверей, объяснив, что Руна встретят, а сам набрал новый код и произнёс название другого уровня, которое Этингер уже не расслышал, потому что как раз вошёл в небольшой бокс за указанной дверью. Это был шлюз сканирования. Шагнув на выделенное подсветкой место, Рун замер в ожидании, пока система считывала генетические маркеры, идентифицировала его личность, проверяла тело на наличие незарегистрированных имплантов и собирала данные о физическом состоянии. На выходе из этого шлюза Этингера, как и обещал Флагстад, встретили и препроводили в следующий, где выдали рабочий костюм с минимальным набором функций: терморегуляция, мониторинг жизнедеятельности, передатчик местоположения. Пока Рун переодевался, его данные внесли в базу и закрепили за ним камеру хранения.

Оформление шло до того быстро, что Этингер не успел

опомниться, как уже сидел в переговорной и отвечал на вопросы местной трудовой анкеты, подозрительно напоминая тест на вшивость. За следующий час он успел ознакомиться с положением об информационной безопасности, подписался под признанием за «Эйдженс-корп» исключительного права на продукты интеллектуального труда сотрудников научного центра, прочёл свод правил поведения в рабочих зонах, устав корпорации и ещё несколько документов из той же серии.

С тяжёлой головой и растущим вместе с усталостью раздражением Рун наконец-то покинул отсек службы безопасности. Следуя полученным указаниям, он спустился на лифте до девятого уровня, где его уже поджидал Флагстад.

– Поздравляю с зачислением в штат “Миллениума”, – проговорил он, пожимая руку новоиспечённому сотруднику, и обернулся к стоявшему рядом пожилому мужчине. – Знакомьтесь.

– Клод Венсан. Лаборант, – старик, стиснув протянутую ладонь сухими узловатыми пальцами, бодро встряхнул её. Рун подивился силе, скрывавшейся в этом хрупком худощавом теле, и назвал своё имя.

– Месье Венсан покажет вам комплекс, – объяснил Флагстад, после чего откланялся.

Лаборант проводил его взглядом и повернулся к Руну.

– Что ж, пойдёмте, – сказал он, приглашающе махнув рукой.

Они вышли из распределителя в коридор, срезанной трубой уходивший влево и вправо. За противоположной стеной, сделанной из ударопрочного стекла, застыл океан. Освещение станции выхватывало из тёмно-зелёного марева прозрачные силуэты медуз, невесомо скользящих в воде.

– Вы родом с севера? – спросил Клод и тут же пояснил: – Этингер – что-то скандинавское.

– Мой отец из Швеции. Мать – англичанка. А я... я успел много где пожить.

– У нас бывали раньше? Во Франции я имею в виду.

– Четвёртый год живу в Орлеане, – улыбнулся Рун.

– О! – Венсан посмотрел с любопытством. – Так вы наверняка *parlez francais*?

– *Oui, bien sûr.*

Старик выглядел очень довольным.

– У вас отличное произношение.

Они миновали несколько секций коридора. Когда проходили первую переборку, Клод обратил внимание спутника на кольцевой блок со сложным механизмом лепесткового затвора и показал, как активировать его вручную, на случай если в центральной системе блокировки случится сбой. Три стальных «лепестка» выскользнули из пазов на внутренней поверхности кольца и вращательным движением сомкнулись в центре, перекрыв коридор.

– В ваш Ассистент уже закачали коды активации? – спросил Венсан, когда они продолжили путь.

– Нет, – Рун немного замешкался с ответом, решив пока не говорить, что обходится вообще без импланта.

– Странно. Советую вам поскорее разобраться с этим. Не будете же вы запоминать их все.

Этингер сдержанно кивнул, посматривая на изредка проплывающих за стеклом рыб. Именно это он и собирался сделать – запомнить все коды, едва ему их выдадут.

Клод остановился у ответвления трубы, перекрытого уже знакомой гермодверью.

– Здесь рабочая зона отдела физики и механики. Дальше – биоинженерный комплекс.

Отперев дверь, лаборант оглянулся на Руна.

– Добро пожаловать.

В сравнении с безлюдным коридором внешнего периметра здесь было оживлённо. Многие из работников центра, проходившие мимо Этингера с его провожатым, приветливо кивали Венсану.

– Вы знаете столько людей, – отметил Рун.

– Просто очень давно здесь работаю, – старик улыбнулся, и его взгляд стал задумчивым.

Пару минут шли в молчании. Миновали четыре двери с не поддающейся расшифровке аббревиатурой. Венсан не уделил им внимания, и Этингер предположил, что это были технические и подсобные помещения.

– На первом уровне расположены два зала для семинаров, – заговорил лаборант, – несколько профильных лабора-

торий, IT-отдел, комната отдыха и столовая. Здесь мы пройдемся на обратном пути. А сейчас прошу сюда.

Они спустились лифтом на следующий уровень. Клод прошёл очередную переборку с герметическим щитом, сейчас открытую, и остановился на застеклённом смотровом мостике.

– Наше чудо техники, – с гордостью объявил он. – “Хронос”.

Рун приблизился и заинтересованно проследил направление его взгляда.

В центре зала стоял куб с гранью не меньше пяти метров. Перед ним развернулся пульт управления и диагностики со множеством экранов, датчиков и панелей. Из верхней плоскости куба выходили толстые жгуты силовых кабелей. Часть из них была заведена к люкам в полу (“там располагается генератор” – пояснил Венсан), часть тянулась к дальней стене зала. За блоком управления стоял человек, который просматривал показания приборов и заносил данные в планшет. Справа от куба, открыв ревизионную панель, ковырялись в проводах и схемах электромеханики. Один из них заметил Венсана и взмахнул рукой, приветствуя. Клод помахал в ответ, Этингер же ограничился кивком.

– Это Юрий Воронцов, эксперт-конструктор и ваш новый сосед. За приборной панелью – Этан Лебронн. Он из старой команды. В проекте с самого начала. Если возникают вопросы по физике – это ваш человек, лучше него “Хронос” знает

разве что герр Флагстад.

Замолчав, лаборант взглянул на Руна.

– Как вам эта штуковина?

В голосе француза явно слышалась усмешка. Ещё бы! И ежу понятно, что Этингер, как историк, вряд ли смог бы оценить всю гениальность технической составляющей “реверсивного воссоздателя пространства” и уж едва ли был тронут внешним видом устройства.

– Размерами впечатляет, – ответил Рун. – Где мне предстоит работать с полученными данными? Здесь?

– Нет-нет. Пойдёмте.

Они покинули мостик и вернулись в коридор. В двадцати шагах от зала с “Хроносом” обнаружился отдел, как значилось на табличке, “обработки и анализа экспериментальных данных”. Им оказалась небольшая вытянутая комната, со смотровым окном во всю стену и терминалом управления перед ним.

– Сейчас время обеда, – заговорил Клод. – На рабочих местах шаром покати. Те трое, которых мы видели – не в счёт. У них своё расписание. Доступ к “Хроносу” строго регламентирован.

Рун покосился на два офисных кресла, стоящих “локоть к локтю” перед терминалом.

– Здесь только одно рабочее место?

– Аналитик занимает его, когда появляются новые материалы. Сейчас генерирование слепков приостановлено. Так

что пока это целиком ваш офис. Кроме тех редких случаев, когда вам двоим придётся работать одновременно... Сегодня после обеда Рэми введёт вас в курс дела, объяснит управление, а пока взгляните лучше сюда.

Венсан отворил дверь в смежное помещение, куда выходило смотровое окно. Это оказался просторный и совершенно пустой зал, с восемью проекторами, расположенными по углам.

– На терминал поступают для изучения и последующей архивации оцифрованные слепки пространства, которые генерирует “Хронос”. А здесь слепок можно детально рассмотреть в 3D-проекции. В натуральную величину и в масштабе.

Рун почувствовал, как в груди зажглось нетерпение, почти что мальчишеский азарт. Он хотел бы приступить прямо сейчас. В голове уже начал оформляться список исторических эпизодов, в которые Этингер с удовольствием бы заглянул и изучил на предмет возможных несоответствий с официальной версией, но здоровый скепсис подсказывал ему, что работать придётся с тем, с чем позволяют.

– Вижу, здесь вам нравится больше, чем на мостике, – Венсан верно истолковал оживившийся взгляд историка.

– Просто здесь, наконец, стало проясняться, как будет выглядеть рабочий процесс.

– Уверен, вы быстро освоитесь, – Клод сдвинул рукав и посмотрел на часы.

У Руна бровь поползла вверх, когда он увидел дис-

плей-браслет. Эта модель была ещё старше его коммуника-
тора!

Узнав время, лаборант предложил подняться обратно на
девятый уровень и пройтись до зоны отдыха.

– Думаю, там мы встретим ваших будущих коллег, заодно
представлю вас друг другу.

В кафетерии Рун взял себе чай и пару фруктовых галет.
Они с Клодом нашли свободные места за одним из длинных
столов и, негромко разговаривая на отвлеченные темы, при-
нялись за еду.

Этингер справился раньше и теперь сидел, неспешно до-
пивая чай и осматриваясь. Благодаря выбранной цветовой
гамме, помещение казалось весьма просторным. Белые сте-
ны, деревянная обшивка, напоминавшая борта старинной
яхты, цветовые акценты от морского синего до светлого пет-
ролевого, под потолком растянута канатами “парус” с под-
светкой.

В столовой в это время было людно. Едва место рядом с
лаборантом освободилось, его тут же снова заняли. В оче-
редной раз проскальзывая взглядом по предметам и лицам,
Рун заметил худощавую брюнетку, сидевшую за этим же
столом через два человека от Венсана. У неё были густые
мягко выющиеся волосы до плеч с выкрашенной в красный
цвет прядью, смуглая кожа, и до странности знакомая манера
хмуриться: когда одна бровь изгибается, а уголок губ слегка

уходит в сторону. Уникальная мимическая композиция, которую Рун, как и множество других хоть однажды отмеченных им деталей, помнил совершенно чётко.

– У вас всё в порядке? – Клод проследил взгляд Этингера и оживился. – Ах, надо же! Госпожа Канзи!

Брюнетка вздрогнула, отвлекаясь от планшета, на котором что-то читала, так неповторимо и забавно хмурясь.

– Месье Венсан, – она улыбнулась, и ямочки на щеках окончательно развеселили Руна, примерявшего образ угловатой девчонки, учившейся с ним пару семестров, к привлекательной женщине, в которую она превратилась. – Добрый день.

– Подсаживайтесь к нам, – позвал Клод и обратился к соседу: – Не могли бы вы поменяться местами с дамой? Большое спасибо.

– Это Амина Канзи, – представил он сотрудницу центра, когда она заняла освободившийся стул. – IT-специалист и приглашенный эксперт.

– Мы знакомы, – кивнул Рун и, видя, что Амина растерялась, поспешил сгладить неудобство: – Рун Этингер. Мы вместе учились в университетском колледже Бирмингема. Второй и третий семестры. Потом ты перевелась. Куда-то...

Лицо Амины просветлело, и она подалась вперёд, с интересом разглядывая бывшего однокурсника.

– Руннигер! – радостно выдала она. – Тебя не узнать!

Этингер усмехнулся, вновь переживая почти позабытое

чувство – смесь досады и смущения.

– Да, ты меня так называла, хотя мне...

– Не нравилось.

– И я просил...

– Этого не делать.

– И...

– Не перебивать тебя.

Рун умолк. Он смотрел на разительно изменившуюся Амину Канзи, как он её определил для себя в годы учёбы – “вечную пацанку”, – и думал о том, что характером эта бес-тия осталась прежней. Правда, её подколы больше не раздражали Этингера. Повзрослел, наверное. Его губы сами собой растянулись в улыбке.

– Теснота этой планеты не перестаёт меня удивлять, – покачал головой Венсан.

Амина одарила Руна тёплым взглядом и поднялась.

– Мне пора бежать. Но мы ещё обязательно встретимся и поболтаем, Рун.

– Конечно.

– Месье Венсан, герр Этингер, хорошего дня! – Канзи присела в шутовском книксене.

– И вам, мадемуазель. И вам.

Рун поглядел ей вслед, в три глотка допил остывший чай и отставил чашку. Лаборант смотрел на него, лукаво щурясь.

– Я предполагал, что вы быстро освоитесь. Но вы прямо рекордсмен.

Историк пожал плечами.
– Сам от себя не ожидал.

3

Едва Рун получил ключи доступа, работа поглотила его с головой. Следующие несколько дней он засиживался допоздна, просматривая уже готовые слепки. В выделенную корпорацией квартиру он возвращался затемно и чуть свет покидал её наутро. Этингер почти не видел соседей и коллег, просто потому что большую часть суток проводил в смотровой. Да, ему очень нравилась новая работа.

Поначалу смотреть на картинки прошлого было не то что непривычно – дико. Проекторы последней модели давали картинку настолько точную, что при включении очередного слепка смотровая словно перемещалась в другое измерение. В подлинность этих снимков не верилось хотя бы из-за их качества.

Однако несколько часов спустя историк добрался до калибровочных слепков и перестал удивляться чёткости изображения. Настало время удивляться точности самого “Хроноса”.

Каждый экспериментальный снимок имел две даты: настоящую (время создания снимка) и изображаемую. Рядом с ними фиксировались условные координаты заснятого места. Рун нашёл два снимка, отличавшихся только одним из

этих трёх параметров – настоящей датой. Слепки выглядели абсолютно одинаково и даже размер самих изображений совпадал с точностью до байта. При всём недоверии Этингера к столь сомнительным технологиям, вывод был очевиден: “Хронос” идеально откалиброван.

Если, конечно, никто не подтасовал результаты экспериментов.

Флагстад говорил правду: один снимок имел изображаемую дату аж десятилетней давности и выглядел отлично. Другие, более свежие, шли пятнами.

Рун быстро установил закономерность: “недавние” запечатлённые моменты получались намного чаще, чем находящиеся в далёком прошлом. Это походило на погружение в морскую пучину – чем глубже, тем хуже видимость. Исторiku даже показалось, что “Хроносу” попросту не хватает мощности, чтобы заглянуть дальше в прошлое.

На третий день Рун решил доложить о своих наблюдениях Флагстаду. Тот терпеливо выслушал историка, вздохнул и сказал:

– Это уже давно не новость. Зависимость качества снимка от дельты по времени мы установили ещё на стадии первичного тестирования.

– А нехватка мощности?

– Такая версия тоже уже была. Её выдвигал месье Венсан. Ни вы, ни он не являетесь физиками, поэтому можете не знать, но у “Хроноса” нет такой характеристики, как мощ-

ность. Он затрачивает одинаковое количество энергии при возврате на секунду и на миллион лет назад.

– Так может в этом и проблема?

– Вы не понимаете. Не важно, как далеко по временной шкале лежит конечная точка, успех зависит не от этого. Иначе качество снимков ухудшалось бы равномерно, а не случайным образом, как сейчас. Поверьте, знай вы теорию, отметили бы эту мысль с порога.

– Я думал, мы – эксперты – здесь как раз для того, чтобы предполагать самое невероятное. Помочь посмотреть на все детали под другим углом.

Руководитель проекта холодно улыбнулся.

– Мы пробовали изменить некоторые физические параметры, чтобы удостовериться. Это привело только к необходимости заново провести калибровку, потому что все настройки сбились. В итоге качество экспериментальных данных не изменилось, зато возросла цена обслуживания. Так что проблема не в мощности, доктор Этингер.

После этого разговора запал Руна поугас. Стало ясно, что для обнаружения дефектов “Хроноса” придётся проявить недюжинное терпение, а оно, к сожалению, не было сильной стороной историка. И всё же возможность прикоснуться к тайнам прошлого стоила любых усилий. Поэтому Рун, глубоко вздохнув, начал рассматривать снимки внимательнее.

В тех, как назло, не было ничего, за что придиричивый взгляд историка мог бы зацепиться. Какие-то уличные

кадры, на первый взгляд абсолютно случайные; фрагменты пустого пространства; комната, в которой от снимка к снимку менялись местами расставленные на полу предметы; несколько кадров с морского дна; фрагменты разных предметов, не полностью помещённых в “кадр” и много ещё чего. Большинство этих данных Рун не мог проверить потому, что они устарели: не существовало никаких вещественных доказательств того, что всё выглядело так, как изображено на снимке. Недостаток информации ещё больше усложнял и без того непростую задачу.

Как следует покопавшись в виртуальном каталоге, историк обнаружил детальные отчёты по некоторым экспериментам, но они ничем не помогли – белых пятен на тех снимках не было. По самым интересным кадрам информации не обнаружилось. Мысленно обругав корпоративных работников за бардак в документах, Рун открыл один из интересующих его снимков и выловил из дополнительной информации имя ответственного за опыт инженера.

“Арджун Крипалани”.

Этингер полез в директорию персонала, намереваясь связаться с этим человеком и спросить, что вообще изображено на снимке и почему этой информации нет в отчёте. Но на его запрос система вдруг выдала: “По данному имени совпадений не найдено”. Историк хмыкнул, перепроверил введённое имя и запустил более гибкий поиск. Тот же результат. “Наверное, какая-то ошибка”, – подумал Этингер и взялся

за другие снимки.

Но имя несуществующего инженера всплыло ещё несколько раз, и Рун насторожился. Получалось, что этот человек достаточно долго работал с “Хроносом”, но в базе “Миллениума” о нём не было ни слова. Во всяком случае, Этингеру так и не удалось ничего накопать. Историк ещё не успел как следует вникнуть в бизнес-процессы “Эйдженс корп”, но у него в голове не укладывалось, как такое может быть. Чувствуя во всей этой ситуации какой-то подвох, Рун решил пока не торопиться с выводами и работать по другим направлениям.

Остаток рабочего дня и следующее утро историк потратил на попытки выявить причину появления белых пятен. Он осматривал их так и эдак, составлял хронологию, сопоставлял координаты испорченных снимков и вообще применял все известные ему способы анализа, но так ничего и не добился. Каждая новая идея рано или поздно возвращала Этингера к исходной неизвестности. Тайна загадочных дефектов оставалась неприступной, и чем дальше, тем сильнее Руном овладевало ощущение, что он идёт по лабиринту, в котором есть только тупики – и ни одного выхода.

4

Когда настало время обеда, Этингер закрыл очередной снимок и в глубокой задумчивости поплёлся в столовую. Бо-

своей настрой был подорван, но сдаваться историк по-прежнему не собирался. Напротив, на место адреналиновых взрывов пришла холодная сосредоточенность, и если организм Руна нуждался в обеденном перерыве, то мозг его не прекращал работать ни на секунду. Даже во время еды историк мысленно изучал отсмотренные снимки – благо, его память позволяла делать ещё не такое.

Он не замечал никого и ничего вокруг, пока не получил ощутимый толчок в плечо.

– Клянусь Великой Виртуальностью, ты ничуть не изменился, – сказала Амина. – Начал что-то вспоминать – и всё, “мы его потеряли”.

Канзи сидела рядом и смотрела на Руна, изогнув бровь. Тот сразу же переключился на недавние воспоминания и понял, что айтишница подседа с полминуты назад и всё это время пыталась его дозваться.

– Извини, – смутился Рун, сам не зная почему. – Ничего не могу с этим поделать.

– Ещё не лишился своей суперпамяти? – Амина отхлебнула из кружки. – По-прежнему помнишь всё?

– Каждую секунду. – Историк скривил рот в подобии улыбки. – И это не суперпамять, а...

– Гипертимезия, да, – отмахнулась Канзи. – Вот так же ты и в колледже всех поправлял.

– А ты так же всех перебивала, – ядовито ответил Рун. – Знаешь, как это бесит?

– А то! – Амина откусила от яблока и продолжила с набитым ртом: – Если бы ты видел своё лицо в такие моменты, сам бы себя перебивал!

Этингер собрался было ответить очередной колкостью, но в последний момент рассмеялся. Несмотря на некоторую беспардонность, Амина была скорее непосредственной и забавной, нежели стервозной. Правда, в юности Рун не мог оценить этого качества по достоинству – гордость мешала.

– А что случилось с твоей роскошной рыжей шевелюрой? – продолжала Канзи. – Как будто инеем покрылся!

– Я рано начал седеть.

– Ого. И до такой степени? Время беспощадно.

– Да к чёрту время. Как только седые волосы стали видны невооружённым глазом, я обесцветился.

– Свежее решение. Обычно седину наоборот закрашивают.

– Потому что обычно её считают признаком старости. А я ещё хоть куда! – Рун демонстративно расправил плечи.

На этот раз рассмеялась Амина. На её щеках на несколько секунд появились милые ямочки.

– Тебе всего тридцать восемь, обалдуй! Никто и не подумал бы называть тебя старым!

– Вообще-то пока тридцать семь. И я намерен выглядеть на тридцать с хвостиком как минимум до семидесяти.

– Самонадеян, как всегда, – Канзи покачала головой. – Скажи мне, белоголовый, как продвигается твоя работа над

“Хроносом”? Чем ты вообще тут занимаешься?

Мысли Руна вернулись к работе, и поднявшееся было настроение тут же упало до прежней отметки.

– Я аналитик. Анализирую экспериментальные данные.

– Как и я, ищешь, откуда эти дырки на снимках. – Амина вздохнула. – И что, получается?

– Пока не особо. Сплошные тупики.

– У меня то же самое. Нашла несколько недочётов в коде хроносовского софта, но на этом всё. Результаты не улучшились. Софтинка-то не из самых сложных, я видала и запутаннее системы... Так что мне чем дальше, тем больше кажется, что проблема не в программном обеспечении.

– Меня касательно экспериментальных данных такие же мысли посещали. Была одна зацепка, интересный снимок, но отчёта по нему нет, а ответственного инженера я в базе не нашёл. Как будто его и не существовало вовсе.

– Арджун Крипалани?

Рун с удивлением посмотрел на собеседницу.

– Да, он. Откуда...

– Я тоже натыкалась на это имя в технической документации, – снова перебила Амина и задумчиво добавила: – И тоже ничего про него не нашла.

– И тебе тоже это кажется странным?

– А то! Информация по другим бывшим сотрудникам хоть и закрыта другим уровнем доступа, но есть, а по нему вообще ничего. Как будто его аккуратно из базы... вычистили.

– Но имя-то в документах осталось.

– А что имя? Думаешь, есть только один Арджун Крипалани на весь белый свет? Без личного файла невозможно сказать, кто этот человек.

– А жаль, – угрюмо вздохнул Рун. – Судя по всему, он мог бы чем-то помочь.

– Я бы на твоём месте не стала задавать о нём вопросы, – осторожно сказала Амина.

– Тёмная история, согласен. Но как тогда заставить “Хронос” работать правильно?

– Тебе это так важно?

– А тебе – нет?

– Да я в основном из-за денег нанялась. Но и интересно было чуть-чуть, это да.

– А я – историк, и потому согласился только из-за перспектив “Хроноса”, – Этингер чуть повысил голос и даже начал жестикулировать от волнения. – Представь, сколько всего мы можем выяснить о прошлом человечества. И не только человечества – планеты, вселенной! Мы воочию увидим всё, что раньше было лишь домыслами! Прошлое будет у нас как на ладони, протяни руку – и прикоснись. Любое мгновение, любое место. А уж какой рывок вперёд совершат науки... Это же стоит всех чудес вместе взятых!

Амина смотрела на Руна задумчиво и даже будто понимающе.

– Вижу, тебя всё это и впрямь вдохновляет.

– Не то слово, – сказал Этингер, успокаиваясь.

Ему стало немного неловко, что он так распалился перед старой знакомой. “Как бы она не сочла меня чокнутым фанатиком, – подумал Рун, одёргивая себя. – Как-то совсем не здорово оставлять такое мнение о себе после первого же разговора”.

Этингер украдкой глянул на собеседницу: та невозмутимо доедала обед и казалась разве что чуть более задумчивой, чем прежде. И всё же он решил сменить тему. На всякий случай.

– Ты живёшь прямо надо мной, – сказал Рун, и, поймав на себе растерянный взгляд Амины, пояснил: – Заметил надпись на звонке.

– Так вот кто въехал в те апартаменты! – Канзи хлопнула себя по коленке. – Если бы не зажигающийся по вечерам свет, я бы до сих пор думала, что они пустуют.

– С головой ушёл в работу, – историк виновато пожал плечами. – Да и беспокоить тебя лишний раз не хотел. Я всё-таки приходил поздно, уходил рано и...

– Ну и напрасно! – Амина фыркнула. – В этом захолустье из развлечений только старинный бар, да и тот закрывается в полночь. За всем остальным нужно ехать как минимум в Кемпер.

– А ты, значит, любительница оторваться?

– Вообще-то не очень, но скука творит с людьми удивительные вещи.

– Видимо, не со всеми, – подхватил Рун. – Все кто здесь работает как будто...

– Гики, – кивнула Канзи, от чего её ярко-красная прядь соскользнула на лицо. – Говорят только о работе, как помешанные. Нормальных шуток никто не понимает. Разве что этот русский, который тоже эксперт, но он какой-то зажатый.

– Вот и мне так показалось. А ещё Венсан выглядит весёлым дедулей.

– Да, он душка. Но с ним тоже на равных не пообщаешься. Так что я очень рада, что у меня – наконец-то! – появился сосед с чувством юмора.

Амина легко улыбнулась, и Руну почудилось, что её взгляд задержался на его лице чуть дольше необходимого.

– Я тоже рад. Не терпится узнать, где ты пропадала все эти годы.

– Обязательно поговорим об этом в нерабочее время, – Канзи поспешно поднялась. – Мне уже пора. Если что, ты знаешь, где меня найти. Чао!

И она ушла, а Рун, сам того не заметив, улыбнулся ей вслед.

Он покончил с едой и пошёл обратно в смотровую, но уже без особого желания. Разговор с Аминой вернул историка в реальность. При мысли об ещё одном дне в безликой комнате с голографическими проекторами Руна передёрнуло. За последние несколько суток он вглядывался в слепки так долго, что пресытился этим занятием. Поэтому, желая потянуть

время, Этингер замедлил шаг и начал оглядываться по сторонам.

В дверях столовой ему встретился Юрий – Рун поздоровался, но тот в чисто русском стиле лишь хмуро кивнул в ответ и прошёл мимо. У гермодвери в рабочий сектор о чём-то спорили два молодых инженера, которые перешли чуть ли не на шёпот, когда историк приблизился. Он уже привык к недоверию со стороны персонала “Миллениума”, но не удержался и пошёл ещё медленнее. Инженеры замолчали, дожидаясь, когда заторможенный эксперт покинет зону слышимости. Боковым зрением Рун видел, что они провожают его взглядами, и внутренне усмехнулся. “Как будто мне есть дело до их секретов”.

Этингер повернул за угол и нос к носу столкнулся с Этаном Лебронном и офицером Ноа Валлтери, которые беседовали вполголоса, неспешно прогуливаясь по коридору. Физик посмотрел на Руна исподлобья, натянул излишне вежливую улыбку и поздоровался. Глава службы безопасности ограничился одним долгим взглядом, от которого по спине историка пробежал холодок. Так всегда происходило, когда их взгляды пересекались. Несмотря на внешнее спокойствие, Ноа чем-то походил на голодного тигра, готового к прыжку. Пожалуй, он был единственным в “Миллениуме”, с кем Этингер не желал встречаться ни по какому поводу.

Рун поспешил к лифту, и тут его нагнал месье Венсан, который вошёл в кабину почти одновременно с историком.

– А, герр Этингер! Добрый день, – лаборант приятно улыбнулся. – Как прошли первые рабочие дни? Всё ли вас устраивает?

– Спасибо, всё замечательно, – Рун пожал протянутую руку. – Мне здесь нравится.

– Наверное, даже больше, чем в новых апартаментах, – сказал Венсан и, заметив вопросительный взгляд историка, добродушно пояснил: – Вчера вы ушли с работы затемно.

– Да, есть такое дело, – рассмеялся Рун. – Но дело не в квартире, нет. И, сказать по правде, сегодня я собираюсь уйти пораньше.

– Вы не первый, кого этот проект настолько увлёл, – лаборант понимающе кивнул. – Но делу время, а потехе час. Всем нужно отдыхать.

Двери лифта открылись на нужном этаже и мужчины вышли.

– Но если в пределах “Миллениума” вам что-то понадобится, то можете смело обращаться ко мне, – сказал Венсан после короткой паузы. – Герр Флагстад поручил мне помогать новым работникам с любыми запросами.

Рун тут же вспомнил о таинственном инженерере, имени которого нет в базе. Сам историк ни за что не заговорил бы о нём, но тут просто грех было не воспользоваться случаем.

– Знаете, вообще-то есть кое-что, – сказал он, когда лаборант уже развернулся, чтобы уйти. – Я копался в экспериментальных данных и наткнулся на одно имя... Аржун Ка-

рипани, кажется?

Разумеется, Этингер точно помнил имя и ошибку сделал нарочно. Но реакция месье Венсана тут же избавила его от необходимости притворяться дальше.

Лицо лаборанта приобрело печальное выражение, и весь он как будто ссутулился, от чего наружу проглянул его истинный возраст. Месье Венсан был очень стар.

– Арджун Крипалани, – поправил он. – Это бывший руководитель проекта. Он стоял у самых истоков “Хроноса”. Его, к сожалению, уже нет в живых.

– Вот как?! – Рун удивился не так сильно, как показал. – Что случилось?

Лаборант нахмурился, будто сомневаясь, стоит ли рассказывать подробности.

– Его убила аневризма, – сказал он, помолчав. – Во всяком случае, так говорят. Его смерть не стали афишировать, сами понимаете... Такие новости деморализуют людей. Герр Флагстад сказал, что у господина Крипалани было редкое генетическое заболевание, о котором тот предпочитал молчать. Якобы оно истончало сосуды, и летальный исход был только вопросом времени...

“Летальный исход – всегда вопрос времени” – подумал Рун, но вслух сказал другое:

– Вы говорите так, будто сомневаетесь в этой версии.

– Не знаю, герр Этингер, – Венсан сокрушённо покачал головой. – Несмотря на высочайшую степень защиты, мы ра-

ботаем не в самом безопасном месте. “Хронос” – это ни больше, ни меньше, чем дверь в новую эпоху, и поэтому многие хотели бы обладать его секретами, – старик вдруг понизил голос, и в его глазах мелькнул испуг. – Я просто не хочу строить никаких предположений.

Рун не совсем понял, что Венсан хотел сказать последней фразой, но прозвучала она жутковато.

– Всё, что я знаю – господин Крипалани был сам не свой в последние пару дней, – продолжал лаборант. – Засиживался допоздна, почти ни с кем не разговаривал... Может, и правда чувствовал приближение смерти.

– Давно это случилось?

– Недель за пять до вашего появления здесь. Он был замечательным человеком. Приветливым. Честным... – голос старика дрогнул, и на него стало вовсе жалко смотреть.

– Простите, месье Венсан, я не хотел вас расстраивать, – совершенно искренне сказал Рун, не ожидавший от лаборанта такой ранимости. – Простите моё любопытство. Я надеялся, что разговор с господином Крипалани кое-что прояснит в моей работе. Видимо, придётся искать другие пути.

– О да, если кто-то и знал о “Хроносе” всё, так это был Арджун Крипалани, – кивнул Венсан и вздохнул. – С его уходом работа над проектом почти встала и не сразу вернулась в прежнее русло. Но, может быть, вам сможет помочь герр Флагстад? Он ведь был главным помощником господина Крипалани.

– Я обязательно обращаюсь к нему, спасибо, – улыбнулся Рун, отметив про себя, что новый руководитель проекта и словом не обмолвился о своём предшественнике. – И ещё раз простите, месье Венсан.

– Да, не берите в голову, – старик махнул рукой и печально улыбнулся. – Это я стал излишне чувствительным. Годы берут своё, знаете ли. Всего хорошего, герр Этингер.

– До свидания.

Лаборант ушёл, а Рун продолжил путь в смешанных чувствах. Разговор с Венсаном встревожил его – теперь историку казалось, что в “Миллениуме” совершенно точно происходит нечто подозрительное. Внезапная смерть инженера, о которой даже местный завхоз не знает подробностей – это, по меньшей мере, странно. Со слов лаборанта выходило, что Крипалани был главным специалистом и чуть ли не идейным вдохновителем всего проекта. И ещё подозрительнее, что его личные данные исчезли из базы, будто он никогда тут и не работал.

“Амина права, – подумал Этингер. – Лучше не лезть в это дело. Уж слишком дурно от него пахнет. Да и вообще, надо отвлечься. Уйду-ка и впрямь пораньше, выплюсь как следует и завтра подумаю обо всём этом на свежую голову”.

5

Старинный поезд нёсся вперёд, стучали колёса на стыках

рельс, поскрипывали деревянные панели обшивки. Рун сидел на самом носу и наблюдал, как исчезают под локомотивом шпалы. Они мелькали так быстро, что не было ни малейшей возможности отличить одну от другой, всё сливалось в размытое полосатое полотно с направляющими рельс. Рун знал, что так будет всегда – потому что этот поезд никогда не замедлит ход.

Казалось, это продолжается целую вечность. Новые участки железной дороги выныривают из тумана и исчезают под локомотивом, дым из котельной обволакивает состав, хвост которого теряется всё в том же мутном мареве. И стук, равномерный, ритмичный, так похожий на удары разошедшегося сердца, настойчиво лезет в уши, добирается до самих мыслей.

К этому звуку невозможно было привыкнуть. Рун вслушивался в него, надеясь расслышать нечто скрытое, сакральное, но добился лишь того, что негромкое постукивание стало отдаваться в ушах оглушительным грохотом. Истина так и не открылась ему. “Может и нет никакой истины?” – подумал он, глядя перед собой. Локомотив пожирал шпалы, грохотали колёса, а поезд мчал и мчал всё дальше, стремясь настигнуть отступающую полосу тумана.

Со стороны пустой кабины машиниста вдруг раздался пронзительный свист, Рун резко обернулся и...

Глаза распахнулись и уставились в кромешную темноту. Рука Этингера стискивала простыню, а сердце ухало в груди,

как сумасшедшее.

Ледяные мурашки ещё бегали по спине, пока он приходил в себя и пытался понять, откуда взялось навязчивое чувство тревоги. Внезапно его осенило – уже четвёртый раз срабатывает звонок дверного коммуникатора. Рун посмотрел время: пол третьего ночи. “Чтоб вас каждую ночь так поднимали, террористы коридорные” – зло подумал он, садясь в кровати. Датчики отреагировали на движение, и в углах комнаты зажглась тусклая ночная подсветка. Потерев лицо, Этингер нехотя поднялся и направился к двери, на ходу поправляя пижаму. Он ещё тешил себя надеждой, что незваный гость не дождался ответа и ушёл, но звонок снова запиликал. “Вот и выспался”. Рун скрипнул зубами и провёл ладонью по двери, делая её прозрачной со своей стороны. По ту сторону стояла Амина. Она переступала с ноги на ногу и нервно теребила рукав рубашки. Хмыкнув самому себе, раздражённый историк отворил дверь со словами:

– А ты решила не откладывать встречу в долгий ящик, да?

– Услышал! Фух, – Канзи облегчённо выдохнула. – Надо поговорить.

И она вошла без спроса. Этингеру не оставалось ничего, кроме как пропустить гостью и закрыть дверь. Подавив раздражение, он извлёк из себя остатки вежливости:

– Пить что-нибудь будешь?

– Ай, нет, – отмахнулась Амина, но тут же передумала: – Хотя кофе не повредил бы, пожалуй.

– Кофе? – Рун усмехнулся. – Ты и без него искришь. Может, чашечку молока с мёдом?

Канзи одарила историка тяжёлым взглядом и простонала:

– Издеваешься? Я ещё не ложилась. Молоко с мёдом – это как раз то, чего мне не хватает до отключки.

Этингер сдался, подумав мимоходом, что издевается здесь точно не он. Через минуту айтишница получила свой кофе и села за стол, а Рун занял место напротив.

– Говори, с чем пришла, – потребовал он, откидываясь на спинку стула. – Жутко интересно, что по твоему мнению дороже моего сна.

– Уж поверь, это – дороже, – с нажимом ответила Канзи. – Я сегодня попыталась найти нашего таинственного Крипалани, и...

– Стоп, – прервал её Этингер. – Ты же сама говорила, что лучше не задавать о нём вопросов. Что изменилось?

Амина пожала плечами.

– Просто я подумала, раз уж мы участвуем в таком потрясающем проекте, преступлением будет уйти ни с чем. И если этот Арджун Крипалани может как-то сдвинуть дело с мёртвой точки, то надо хотя бы попробовать его разыскать. В общем, убедил ты меня сегодня... то есть вчера, – Канзи умолкла и уткнулась носом в чашку, избегая смотреть на историка.

Рун скрестил руки на груди, возмущенно глядя на авантюристку. Это кто теперь будет виноват, если её раскопки вый-

дут боком? Но на самом деле ворчать Этингеру резко расхотелось, потому что внутри у него заворочался тёплый пушистый комочек от этой коротко изложенной мотивации, настолько подкупающей своей созвучностью с его мыслями.

– Мне продолжать? – Амина поставила чашку на стол.

Историк повёл плечом.

– Валяй.

– Надо же, сколько пренебрежения! Ты просто не представляешь себе, что я нарыла. Иначе не выпендривался бы, – пробурчала она. – В общем, я решила, раз ничего не удаётся найти в “Миллениуме”, то стоит поискать “в миру”. В базе миграционной службы уж точно что-то должно было быть, раз Крипалани бывал на территории Франции. Я ограничила поиск пятьюдесятью годами – так, на всякий случай, чтобы нужный нам Арждун не ускользнул. Выборка по имени дала тучу результатов... – Канзи осеклась и с угрозой в голосе спросила: – Что это за взгляд, Руннигер?

– Ты еще и хакерством промышляешь, – Этингер покачал головой, старательно пряча улыбку. Он понятия не имел, какой там взгляд почудился Амине.

– И что теперь? Как я, по-твоему, стала востребованным специалистом?

– Молчу и слушаю, – Рун поднял руки в знак капитуляции, совсем не желая злить хакершу, но от колкости всё равно не удержался: – Кофе точно был лишним.

– Что-то мне подсказывает, что я сейчас попрошу вто-

рой, – с прищуром сказала Амина.

Рун уже было открыл рот, собираясь осадить нахалку, когда поймал себя на том, что продолжает эту пикировку из чистого удовольствия. Выводить людей из себя всегда было коньком Амины, но едва поменявшись с ней местами, Этингер быстро вошел во вкус. К тому же ему нравилось наблюдать за реакциями Канзи. Чем дальше, тем больше. Её подвижное лицо, отражавшее малейшую смену настроения, притягивало взгляд Руна.

Задумавшись, Этингер не сразу обратил внимание, что Амина продолжила рассказ.

– Я проредела список: отсекала всех, кто не подходил по возрасту и роду занятий. В конце отбора остались четверо. К ним я уже присмотрелась внимательнее, искала в общедоступных источниках инфу: образование, карьера, место проживания... И тут он попался мне прямо в руки, упал, как спелое яблочко. Физик-испытатель, две научные степени, фанатик от науки. Оставалось только подтвердить его связь с “Миллениумом”. Или хотя бы вероятность такой связи. Я начала сколачивать по нему досье: чем живёт, где живёт, как живёт, есть ли родственники; пробила банковские счета и страховки... Потом присмотрелась ко всему вкуче – и вот тут проступили странности. Из семьи у него только родители и младший брат, живут они за границей. Сам Крипалани давно прописан в Нанте, но годами там не появлялся. При этом с одного его счёта исправно отчислялась квартпла-

та, взносы в городскую коммуны и страховой фирме. Средства ежемесячно пополнялись в первых числах – он получал зарплату. До недавнего времени. Около месяца назад счета закрыли. Новых, как ты уже, думаю, догадался, Крипалани не завёл.

Рун слушал Амину, не перебивая, хотя уже знал, к чему она в итоге придёт.

– Я помучилась ещё некоторое время за поиском хоть каких-нибудь следов его общественной, сетевой – личной жизни, наконец! – ничего. И тогда я открыла международный список пропавших без вести. Угадай, чьё имя там появилось несколько дней назад?

Этингер нахмурился. Такого поворота он не ожидал. Получалось, что «в миру» о смерти учёного вообще не знали.

– В общем, все эти открытия не оставили мне выбора, и я решила осторожно взломать информационную базу центра, – Канзи поморщилась, будто вспомнила о чем-то неприятном, но тут же продолжила: – Вычистить все следы пребывания Крипалани в “Миллениуме” сам чёрт не смог бы, хотя кибер-команда эсбэшников свой хлеб ест не зря. Но ведь на месте любой стёртой инфы остаётся дырка. Вот по этим дыркам я и вышла к следующему пункту. Среди отчётов о движении персонала мне попался свеженький приказ о назначении Флагстада руководителем проекта “Хронос”. Представь себе – датированный двумя днями позже того, когда встали счета Крипалани. А на месте информации по прежнему глав-

ному инженеру в базе данных красовалась пустота... Пони-
маешь, к чему я веду?

Рун очень даже понимал.

– Арждун Крипалани руководил проектом до Флагстада и
недавно умер. Как говорят, от аневризмы, – сказал он.

Амина молчала какое-то время, неотрывно глядя на
Этингера, и в итоге лишь разочарованно вздохнула.

– Ну и засранец же ты. Сидела, распиналась тут... А ты-
то об этом откуда знаешь?

– Венсан сказал. Вернее, пересказал то, что ему сказал
Флагстад, когда Крипалани пропал. Мне показалось, он сам
не очень верит.

– Что ещё он выдал?

– Что Арджун был очень увлечён работой последние дни.
Ходил сам не свой.

Амина вздохнула.

– Два плюс два – четыре.

– Н-да. В свете того, что ты разузнала, история с исчез-
новением человека, больше всех знавшего о Хроносе, стала
выглядеть ещё неприятнее.

– Ну, хотя бы, не совсем зря я сегодня так дико подстави-
лась. Меня чуть за руку не поймали.

Рун поперхнулся от неожиданности.

– Чуть? – переспросил он, холодея.

– Пока я ковырялась в базе “Миллениума”, пропустила
парочку “антител”, – сказала хакерша, морщась от досады. –

Они нащупали мой инфоканал и подняли тревогу. Главный сервер тут же отключился на физическом уровне, а система безопасности взбесилась как бык на корриде. Но я вроде бы успела вовремя свалить и подчистить за собой.

Этингер хмуро смотрел на Амину, серьёзно встревоженный этим “вроде бы”. Чёрт побери, оно того не стоило! Вообще не надо было им в это дело лезть. А теперь выходит, что Канзи то ли попалась, то ли не совсем попалась за взломом базы данных “Миллениума”, а сам Рун накануне интересовался инженером, вокруг которого в этой базе сплошные дыры и туманности.

Айтишница молчала. Рун тоже не рвался комментировать прозвучавшее. Вздохнув, он встал из-за стола и отправился заваривать чай.

– Ты будешь? – бросил он через плечо.

– Что?

– Чай. С жасмином.

– Да.

Этингер едва не просыпал заварку – руки начали дрожать. Кое-как совладав с собой, он вернулся к Амине и поставил перед ней вторую чашку. Хакерша отпила немного и шумно выдохнула.

– Да что же он натворил, что Эйдженс для него так расстарались?

Рун посмотрел на Канзи и медленно качнул головой.

– Если мы это узнаем, для нас тоже расстараются. Так что

давай подумаем, как теперь быть. Валттери после взлома системы поднимет службу безопасности на уши. Уже поднял – не сомневаюсь. Если тебя или меня, или нас обоих подвергнут допросу с пристрастием, мы должны лгать одинаково, рассуждать так, будто этого разговора не было, будто бы я тебя не переубедил вчера за обедом, и тебе ничего не захотелось узнавать про Арджуна Крипалани.

– Мне надо ещё придумать, как объяснить синяки под глазами, – слабо улыбнулась Амина.

Рун подхватил её улыбку, искренне желая хоть немного подбодрить.

Закончив рассказ об аванюре, которую закрутила тем, что взломала сервера центра, Канзи будто бы, наконец, осознала, каких размеров яму себе вырыла, и теперь выглядела по-настоящему напуганной. IT-отдел станут проверять с особым тщанием, а приглашённого эксперта – ещё и в первую очередь. И как бы ни хотел Этингер ей помочь, это было не в его силах.

Во всём произошедшем Рун видел только один плюс: Амина сразу же пришла к нему. Она не отстранилась, испугавшись всемогущей корпорации. Не стала юлить и прощупывать почву. Не ограничилась удобной полуправдой. Она просто пришла и... рассказала.

Да, быть втянутым в такого рода авантюру – удовольствие сомнительное. Вероятно, Амина просто не смогла удержать всё в себе и искала с кем разделить ношу чужих секретов. И

тем не менее историка грела мысль, что Канзи без сомнений – или почти без сомнений – доверилась именно ему.

Она сидела напротив, сжимая в ладонях горячую кружку, и задумчиво смотрела куда-то в сторону. Рун снова вспомнил угловатую девчонку, которую в юности не жаловал за острый язык, и улыбнулся. Прошлая Амина терялась на фоне нынешней, но всё ещё была на сто процентов узнаваема. И эта крохотная деталь делала их тревожную ночную встречу чуточку приятнее.

6

Неспокойный утренний сон не принёс отдыха. Просыпаться не хотелось. Когда в комнате заиграл “Полёт валькирий”, Рун проклял себя за идею использовать эту мелодию как будильник. Эпично-торжественные трубные перебивы сделали и без того неприятное утро совсем невыносимым – теперь историку казалось, что музыка Вагнера звучит как его личный реквием.

С трудом уговорив себя встать, Этингер принял душ и выпил кофе, но легче не стало. От недосыпа болела голова, мысли путались, Рун не мог успокоиться и сосредоточиться на своей легенде, а оттого раздражался ещё больше. Из дома он вышел взвинченным до предела и смог взять себя в руки только когда дошёл до берега – бриз и утреннее солнце подействовали. А может дело было в том, что он подошёл

вплотную к месту, куда отчаянно не хотел заходить.

Первое, что бросилось Руну в глаза – на парковке у фермы стояло несколько незнакомых электромобилей. Они не отличались друг от друга ничем, кроме идентификационного знака. Покосившись на подозрительный транспорт, Этингер подошёл к двери и едва не столкнулся с человеком в форме: тот вышел так быстро, что чуть не сбил историка с ног, но даже не извинился. Чуть позже то же самое произошло у лифта. Рун видел этих людей впервые, как и их форму, но выглядели они внушительно и даже устрашающе.

Историк вёл себя как обычно – или очень старался так себя вести. Спустился, переоделся, запер шкафчик. Ему даже стало казаться, что он справляется, пока не пришла пора войти в рабочий сектор. Там, едва открылись двери, навстречу Этингеру шагнул андроид службы безопасности.

– Пожалуйста, подтвердите свою личность, – прошелестел он, активируя сенсорный экран.

Рун знал, что в ПО этой модели специально встраивали упрощённые речевые модули, но даже с “пожалуйста” фраза прозвучала, как приказ. Возмущаться в любом случае было бы опрометчиво, поэтому историк как мог скорчил изумление и коснулся ладонью сенсора.

– Доктор Этингер, пожалуйста, следуйте за мной, – сказал металло-пластиковый болван и зашагал по коридору.

Рун усилием воли подавил волнение и пошёл за роботом. По дороге он отметил, что внешне центр выглядит как

всегда – большинство рабочих на своих местах, оборудованные работает в штатном режиме, и даже вооружённые люди в коридоре попадаются не так уж часто. С одной стороны это обнадеживало, с другой – Рун не знал, куда его ведут и для чего.

Он попытался расспросить андроида, но тот отмолчался. Этингер чувствовал, как потеют его ладони. Что, если Амину выследили? Что, если его ведут, чтобы арестовать за соучастие?

Они покинули сначала сектор, а потом и ярус. Вскоре перед ними открылась гермодверь с надписью “Служба безопасности” – и Руна бросило в жар.

“Спокойно. Главное – не накручивать себя раньше времени”.

Несколько шагов по коридору. Поворот. Двое офицеров безопасности проходят мимо. Вежливые кивки. Ещё несколько шагов. Андроид останавливается. Дверь. “Старший офицер службы безопасности Ноа Валттери”.

Сердце подкатывает к горлу и проваливается в пятки.

– Пожалуйста, входите, – бесстрастный синтетический голос скрипит у самого уха.

“Была не была”.

Рун легко толкнул дверь и вошёл.

Прямо напротив него за столом сидел начальник службы безопасности. Он смотрел на историка спокойно, как всегда, и ни один лицевой мускул не выдавал его намерений.

– Садитесь, – ледяным тоном сказал он.

И тут Этингера будто окатили из ведра. Он отчётливо понял: Валттери ничего не знает. Этот жутковатый финн – явно бывший военный, и сейчас он использует одну из мягких техник допроса. Неожиданная встреча у входа, молчаливый андроид, кабинет, в котором любой нормальный человек будет чувствовать себя неудобно, холодный приём – всё это делается, чтобы выбить собеседника из равновесия. Вращающееся кресло, в которое Руну предложили сесть, стояло ровно через стол от старшего офицера, будто тот вёл приём в порядке живой очереди. Историк был почти уверен, что Ноа сегодня заставил понервничать каждого вошедшего сюда сотрудника.

“Он пугает людей, потому что на самом деле у него нет зацепок, – догадался Рун, садясь напротив Валттери. – Значит, Амина и впрямь крутой хакер?”

– Я до сих пор не знаю, что делаю здесь, – сказал Этингер, пряча облегчение поглубже. – Я спрашивал андроида, но...

– Ночью сервера “Миллениума” подверглись атаке, – прервал его Ноа. – Вы знаете что-нибудь об этом?

– Нет, – Рун широко раскрыл глаза и негодуя добавил: – Вы думаете, это я?! Я не владею навыками... взлома. Я же историк, а не хакер!..

Даже он сам понимал, что эта сцена выглядела жалко.

Валттери затянул с ответом, не моргая глядя на собеседника, и Этингера вполне естественно передёрнуло.

– Я не говорил, что это вы. Но вы можете знать того, кто это сделал, – с нажимом сказал военный. – Кого-то, кто обладает навыками взлома. И это вовсе не обязательно посторонний хакер.

У Руна перехватило дыхание; он решил отмолчаться, воспользовавшись отсутствием вопроса. Ему показалось, Валттери доволен его реакцией, и это не предвещало историку ничего хорошего.

– Вы же понимаете, что это обычная в таких случаях процедура, – медленно сказал военный, не сводя глаз с лица Этингера. – Мы должны в первую очередь проверить всех своих. Потому что если кто-то в центре саботирует исследования, то мы обязаны от него избавиться.

– Что вы имеете в виду? – внезапно охрипнув, спросил Рун.

– Увольнение, разумеется, – губы офицера дрогнули в подобии улыбки. – С последующей передачей дела в суд. Нарушивший подписку о неразглашении обязан будет понести наказание. А если учесть суммы, которые затрачиваются на “Хронос”, то под удар попадёт и вся семья нарушителя. Если у него будут сообщники, наказание понесут все, кто хоть как-то с ними связан.

– Я понял вас, – сказал Рун твёрдо. – Извините, если выразился слишком резко. Мне ничего не известно.

Валттери снова помолчал, прежде чем ответить.

– Если что-то узнаете...

– Да, – быстро вставил историк, которому не терпелось оказаться подальше от этого кабинета. – Непременно. Я знаю свои обязанности.

– Вот и отлично, – Ноа моргнул, кажется, впервые за весь разговор. – Тогда не смею больше задерживать. Хорошего дня.

Рун едва сдержался, чтобы не вскочить и не броситься к двери бегом. Он чувствовал тяжёлый взгляд Валттери у себя на затылке до тех пор, пока не оказался в коридоре. Андроида-проводжатога и след простыл, но Этингер был вовсе не против найти обратный путь самостоятельно.

“Корпорация ревностно хранит свои тайны, – думал он по дороге. – “Эйдженс” не останавливается даже перед запугиванием собственного персонала. Они ищут среди своих, потому что иначе им придётся признать, что их секреты – уже вовсе не секреты”.

По мере того, как отступал страх, в душе Руна нарастала злоба. Каменное лицо Валттери всё ещё стояло перед глазами пугающей маской, но теперь историк уже не замирал перед ним, как кролик перед удавом.

“Он даже не пытался воззвать к моей порядочности, сразу перешёл к завуалированным угрозам. А это его “избавиться”? Увольнение, как же! Как вы уволили Крипалани? Интересно, за какие такие заслуги он получил разрыв аневризмы в качестве выходного пособия? И чем всё кончится для Амины, если правда вдруг всплывёт?”

От последней мысли на сердце Этингера заскребли кошки. Ему стало до того жаль подругу, что он не устоял и изменил маршрут, чтобы пройти через IT-отдел. В тот миг для Руна это было жизненно необходимо – убедиться, что с Аминой всё в порядке.

Историк миновал сектор, который отделял его от вычислительного центра, и, притворившись, что заблудился, остановился в кабинете, где согласно каталогу персонала работала Канзи.

Её место оказалось в углу, но Рун без труда разглядел хакершу, сидящую к нему спиной. На голоэкрane перед ней с невероятной скоростью мелькали какие-то данные – очевидно, Амина была поглощена работой. Этингеру этого хватило. Он спросил у проходящего мимо инженера дорогу до своего сектора и ушёл, едва дослушав ответ.

По пути напряжение и тревога понемногу отступили. Амине каким-то чудом удалось отвертеться. Сам Рун тоже отделался лёгким испугом. Корпорация теперь вряд ли найдёт кого-то подходящего на роль преступника – разве что Валттери выберет козла отпущения, чтобы отчитаться перед начальством. И как бы то ни было, Рун крайним становиться не собирался. “Главное – придерживаться того же курса. Вести себя как остальные и ни во что не ввязываться... хотя бы в ближайшее время”.

Зайдя в смотровую, историк откинулся на кресле и глубоко вздохнул. Мысли наконец перестали метаться как мячик

в трёхмерном арканоиде и потекли более стройно. Он даже заставил себя поработать – посмотрел и запомнил несколько новых слепков – но настрой на научные подвиги быстро иссяк. Внимание начало рассеиваться, перелистывание файлов превратилось в чисто механическое действие. Со стороны могло показаться, что историк пристально вглядывается в проекции в поисках зацепок, но на самом деле всё было не так.

Этингер смотрел на снимки и не видел их. Ему хотелось забыть всю эту историю с мёртвым инженером, как страшный сон. Никогда он не любил корпоративные интриги, никогда не жаждал стать соучастником преступления. Сегодняшние события пугали историка и вызывали отторжение, если не сказать – отвращение. Он бы дорого дал за то, чтобы просто взять и навсегда выкинуть их из головы. Была лишь одна проблема.

Рун просто *не мог* ничего забыть.

Многие считают, что помнить каждую секунду своей жизни – это величайший дар, доступный лишь избранным. Их можно понять. Ведь обладая такой памятью, ты никогда не забудешь про чей-нибудь день рождения или про назначенную встречу. Не нужно ничего записывать или снимать – любое событие, любой однажды увиденный пейзаж доступны тебе во всех красках и в любой момент. Самые приятные воспоминания никогда не сотрутся и не померкнут, ты можешь просматривать их как кино, даже не закрывая глаз, сто-

ит только захотеть...

Всё это так. Но на деле в гипертимезии плюсов ничуть не больше, чем минусов.

Дни рождения не забываются, они пропускаются умышленно: то, чего не делает милосердная память, совершает разум. Вперемешку с прекрасными пейзажами лежат грязь и ужасы, от которых бросает в дрожь, и запоминаются они ничуть не хуже. А что до приятных воспоминаний... Убегая от реальности, ты прокручиваешь их так часто, что они набирают оскомину и перестают быть особенными. Просто потому что каждая их деталь со временем превращается в ничем не примечательную серость.

Рун не питал иллюзий относительно своей избранности. Его исключительная, въедливая, жадная до каждой мелочи память ни разу не дала ему поблажки. Этингер точно знал: стоит хоть раз переступить через свои убеждения, и память будет при каждом удобном случае нахально тыкать в лицо: “На, полюбуйся! Вот что ты за человек!”.

Так и в деле с Крипалани. Если Рун закроет глаза на убийство, то каждое утро он будет просыпаться с мыслью, что корпорация может убить любого, и любой – в том числе и сам Рун – может промолчать. А жить с этим станет... слишком омерзительно.

Нет, Этингер не был настолько глуп, чтобы развязывать войну с могущественной корпорацией. Он отлично знал историю и понимал, что такое противостояние закончится, не

успев начаться. Но и просто сделать вид, что ничего не случилось, он тоже не мог.

Так и не сумев сосредоточиться на работе, Рун ушёл на обед. По дороге в столовую он заметил, что встречные странно смотрят на него – будто знают, что именно Этингер повинен в сегодняшнем переполохе. Поначалу историк пытался не замечать этого, но потом в мозгу холодными червячками зашевелились сомнения: вдруг произошло что-то, о чём не знает он один?

Едва эта мысль оформилась, Рун одёрнул себя и заставил не коситься на прохожих. “Я превращаюсь в параноика. Так и выдать себя недолго... Но ведь я не вор и не преступник, даже не злоумышленник, так почему на мне вот-вот шапка загорится?”

Как ни странно, эти мысли немного отрезвили Этингера. Он присмотрелся: люди в принципе казались чем-то озабоченными и косо смотрели не только на историка, но и друг на друга.

“Конечно! – осенило Руна. – Сегодня ведь у всех день начался не очень. И почему я сразу об этом не подумал? Ох, пора брать себя в руки...”

Отчитав самого себя за излишнюю нервозность, Этингер взял обед и повернулся к ближайшему столу. За него, как назло, как раз сиделся Венсан. Меньше всего Рун хотел попасться ему на глаза – если излишне ответственный лаборант свяжет их вчерашний разговор с сегодняшними проверками.

ми и доложит куда следует, доказать что-либо питбулям из службы безопасности будет очень трудно. Историк уже от-вернулся, чтобы уйти в другой конец столовой, но его тут же настиг возглас старика:

– А, доктор Этингер! Садитесь к нам, здесь как раз есть место.

Мысленные проклятия на голову слишком внимательно-го деда не испортили добродушную улыбку, расплывшуюся по лицу Руна. Он коротко поздоровался со всеми, кто собрался за столом, и сел рядом с лаборантом, заняв последний свободный стул. Напротив историка расположился Этан Лебронн, по левую руку от него – Юрий Воронцов. Оба выглядели хмуро и неприветливо, но если для русского это было в порядке вещей, то физик явно был сам не свой.

– Сегодня всё с ног на голову, – пожаловался Венсан, покачав головой. – С этими проверками напрочь сбивается рабочий ритм.

– Вот уж не говорите, – проворчал Лебронн. – Я уже шесть часов на ногах, а поработать успел – чуть. То с тем поговори, то с другим. То одно отключи для проверки, то другое. В моём отделе каждого допросили! Я думал, что проработал здесь достаточно, чтобы не подвергаться подозрениям!

Пожилой физик вонзил зубы в синтетическое мясо и оторвал от него кусок так, будто ел настоящую конину, хотя стейк буквально сам таял во рту. Мужчина явно хотел высказать что-то ещё, но, пожевав немного, только раздражён-

но махнул рукой.

“Ого, – подумал Рун, глядя на соседа. – Да мне ещё повезло”.

– А долго вы здесь работаете? – спросил он.

– Семь лет. Долгих семь лет, за которые я ни разу не нарушил корпоративных правил!

– Эх, голубчик, – вздохнул Венсан. – Я здесь вдвое дольше, но и меня проверяют. Право, не думаю, что стоит из-за этого так переживать. Службе безопасности должно быть виднее, как вести расследование.

– Я не против расследований, – буркнул Лебронн. – Мне не нравится, что они мешают тем, кто уж точно не причастен к нарушениям.

– То есть вы уверены, что это кто-то из “Миллениума”?

Физик, как раз отправивший в рот новый кусок, перестал жевать и посмотрел на Этингера так, будто тот спросил, холодно ли в космосе.

– Чтобы взломать сервер “Миллениума”, нужно знать устройство его виртуального щита, – пояснил Юрий. – Система уникальна, так что её особенности знают только те, кто здесь работает.

– А как насчёт тех, кто спроектировал её и запустил в эксплуатацию?

– Они все работают здесь.

– Насколько я слышал, тех инженеров подняли прямо посреди ночи и к утру всех уже отпустили, – сказал Лебронн,

успокаиваясь. – Да и вряд ли кто-то из них решился бы... так поступить. Все понимали, что на создателей подумают в первую очередь.

Рун собирался спросить ещё кое-что, но, побоявшись завратиться, промолчал. И не напрасно: не озвученный им вопрос тут же задал лаборант:

– Тогда получается, что это один из наших коллег? Но кто вообще способен на такое?

“Амина способна”, – с какой-то злорадной гордостью подумал Рун, не забыв изобразить на лице тревогу. Над столом повисло молчание.

– Я сегодня случайно услышал диалог двух агентов, – вдруг сказал физик. – Они упоминали некоего Синклера.

Лебронн замолчал, словно сомневаясь, стоит ли продолжать. Три пары глаз уставились на него, и когда тишина стала совсем неудобной, её нарушил Юрий:

– И?

– Из их разговора выходило, что это – агент другой корпорации, – тихо сказал физик и уткнулся носом в тарелку. – И что он работает в “Миллениуме”.

Эта новость озадачила собравшихся ещё больше. Всех, кроме Юрия – тот пожал плечами и продолжил есть.

– Речь о промышленном шпионаже? – на всякий случай уточнил Рун.

Лебронн досадливо поморщился, будто произошло как раз то, чего он пытался избежать. Венсан удивлённо покачал

головой и тоже ничего не сказал.

– Обычное дело для таких проектов, – ответил Юрий с набитым ртом. – Проявление здоровой конкуренции.

– И вас это нисколько не беспокоит?

– От нас мало что зависит. Мы можем только держать ухо остро и соблюдать правила.

– Юрий прав, – кивнул Лебронн. – Соблюдающий правила сотрудник не пойдёт на поводу у злоумышленника – такова политика службы безопасности. Корпорация не может объявить во всеуслышание: “Среди вас прячется шпион”. Если они расскажут об этом, начнутся ненужные волнения, а Синклер улизнёт. – Физик замолчал и ворчливо добавил: – Им стоило действовать увереннее. Может, тогда и взлома бы никакого не было.

– Получается, никому нельзя доверять, – с печалью в голосе сказал лаборант.

– Определённо не стоит доверять тому, кто просит вас нарушить правила или сам их нарушает, – с видом знатока сказал Лебронн. – Остальные вполне заслуживают доверия. Разве не очевидно?

– А вот и нет, – флегматично возразил Юрий. – Подыграть злоумышленнику можно и не нарушая правил. Если этот Синклер – опытный манипулятор, ты незаметно для самого себя выроешь яму, спустишься в неё, а очнёшься только когда тебя начнут закапывать.

– Говоришь со знанием дела! – огрызнулся физик, кото-

рый явно не ожидал, что с ним не согласятся.

– У меня был опыт работы с тренированными агентами, – невозмутимо ответил инженер. – Поверьте, вы даже представления не имеете, на что они способны. Это совсем не тот уровень, что был двести-триста лет назад. Судя по тому, что Синклера до сих пор не поймали, он как раз из профи. Хитрый, хладнокровный мастер-лжец. Если бы такие же хитрецы из нашей службы безопасности не мешали ему действовать...

Юрий махнул рукой, не договорив.

– Что-то они не сильно помешали ему взломать наши сервера, – вздохнул Венсан.

– Значит, он ещё опытнее, – Воронцов пожал плечами. – Если он смог обойти спецслужбу “Эйдженс”, мы при всём желании не сможем ничего ему противопоставить. Любое действие, даже направленное против лазутчика, может выйти для вас боком. Так что, как я уже сказал, мы можем только держать ухо востро и соблюдать правила.

На этом разговор заглох. Учёные уткнулись в свои тарелки, обдумывая положение, в котором оказался каждый из них. Пребывание в постоянной опасности при полной невозможности что-либо с этим поделать. Вряд ли кто-то из присутствующих – кроме непробиваемого Юрия, конечно, – при зачислении на работу был готов к такому повороту событий. А ведь уволиться теперь – значит навлечь на себя дополнительные подозрения.

“Никуда не денешься, – думал Рун по дороге к рабочему месту. – Все, кто здесь работает – лишь беспомощное стадо, в котором бродит замаскированный хищник. Даже пастухи не могут разглядеть его среди остальных. Венсан прав – никому нельзя верить, ведь Синклером может оказаться даже тот, кому ты веришь больше всех. Даже Амина”.

Этингер усмехнулся своей последней мыслью, настолько глупой она ему показалась. Но уже в следующую секунду стало не до смеха.

Вчера Амина взломала базу “Миллениума”. Она рассказала об этом так, будто не сомневалась, что ей поверят – и Рун поверил. Больше того, он по своей воле встал на её сторону и сегодня солгал в лицо Валттери, чтобы её защитить.

“Вы даже представления не имеете, на что они способны”.

Между тем ей каким-то чудесным образом удалось отвести от себя подозрения и продолжить работу в комплексе, где спецслужбы с ног сбились, пока искали хакера. Здесь только два варианта. Или ей невероятно повезло, или всё было спланировано заранее.

Она сказала, что искала информацию по Крипалани, но кто знает, что было её целью на самом деле? Неужели то, что Рун вчера принял за проявление симпатии, – это всего лишь хитрый ход опытного манипулятора?

Историк вдруг осознал, что стоит перед дверью в свой кабинет и тупо смотрит на неё уже какое-то время. Он поспешно вошёл, сел в кресло и глубоко вздохнул. В памяти про-

неслась вчерашняя встреча – от звонка в дверь и до короткого прощания на пороге. Ни одним жестом, ни одним словом Канзи не выказала скрытых намерений. Она была на сто процентов искренна.

“Хитрый, хладнокровный мастер-лжец”.

Может ли ложь звучать натуральнее, чем правда?

“Да бред это всё, – пронеслось в голове Этингера. – Скорее всего, нет никакого Синклера, а Лебронн всё не так понял. Или того проще – выдумал. Я снова накручиваю себя на пустом месте. Хватит!”

И он заставил себя не думать обо всех этих взломах, шпионажах, службах безопасности и прочем. Паранойя так утомила его, что для этого почти не пришлось прилагать усилий. До самого вечера Рун сосредоточенно листал кадры, сделанные “Хроносом”, и хотя ничего нового в них он так и не увидел, голова мало-помалу перестала пухнуть от напора мыслей.

Подходя к коттеджу, в котором жил, Этингер поймал себя на том, что вглядывается в окна Амины. Они были непроницаемо черны. Рун отвернулся, успокоив себя мыслью, что хакерша просто задержалась на работе или уже легла спать.

Вечер выдался приятным – прохладным, но безветренным – так что историк постоял ещё немного у крыльца, дыша полной грудью. Солнце уже кануло в океане, и на место контрастных дневных красок пришла сумеречная однотонность. Деревья постепенно теряли объём и силуэтами всё

больше напоминали каких-то невиданных существ. На улицах городка зажглись тёплые ночные огни, а сверху, на темнеющем градиенте неба, одна за другой проявлялись мерцающие точки, холодные и вечные. “Сколько бы всего не менялось здесь, внизу, там всегда всё остаётся по-старому, – расслабленно подумал Рун. – Нам никогда не надоест смотреть на звёзды, ведь в них заключено постоянство, которого порой так не хватает на Земле”.

Он нехотя развернулся и пошёл к себе, сожалея, что не может простоять так всю ночь – в тишине и безмятежности, вдыхая прохладный воздух с лёгким запахом моря. Историк как никто понимал, что вечность – роскошь не для людей, но не проходило и дня, чтобы он не мечтал прочувствовать её всю без остатка, хотя бы на мгновение.

Его благостный настрой улетучился без следа, стоило только открыть дверь в квартиру.

По гостиной неспешно перемещался механический уборщик – домРоботник. Влажные щётки скользили по полу, вычищая любое загрязнение, которое смог обнаружить сенсор. Одна механическая рука по очереди поднимала стоящие на столе предметы, пока другая мягкой губкой удаляла пыль со всех поверхностей.

Квартира выглядела чистой. Всё было на своих местах. Кроме одного: Рун помнил, что отключил робота ещё два дня назад, и своей памяти он доверял больше, чем науке, которой занимался. У этих домашних помощников есть на-

страиваемое расписание, согласно которому робот включается, выполняет заданную программу и выключается, поэтому в обычном случае никто бы и не заметил подвоха. Но Рун полностью очистил расписание, чтобы потом настроить под себя, да так этого и не сделал. Незванный гость включил робота принудительно, полагая, что тот работает в штатном режиме. Если бы не эта мелочь, историк не придал бы значения этому происшествию.

Обошёл все углы – никого. Этингер устало опустился в кресло и задумчиво уставился на хлопчущую по дому машину.

В квартире кто-то побывал. Кто бы это ни был, он спокойно вошёл, сделал что хотел, включил робота, чтобы замести следы, и ушёл. Чтобы попасть внутрь, неизвестный либо воспользовался заводским электронным ключом, либо взломал охранную систему настолько искусно, что не оставил никаких следов. Отсюда два варианта: либо это сделали “Эйдженс”, у которых должен быть ключ, либо... взломщик, которому ничего не стоит взломать домашнюю сигнализацию.

Рун и раньше не чувствовал себя в безопасности в этом доме, но теперь он даже не сомневался, что здесь за ним внимательно наблюдают.

Этингер не спеша поужинал, разделся и лёг в постель, хотя сна не было ни в одном глазу.

Робот, подсвечивая себе ультрафиолетовым фонариком, всё ещё копошился в соседней комнате.

“Значит, остаться в стороне уже не получится, – подумал Этингер, прислушиваясь к едва слышному жужжанию сервоприводов. – Молодец, Рун, вляпался по самое не могу. Как вот теперь выбираться из этой заварушки? И спросить-то не у кого... Но выбираться нужно как можно скорее. Пока не стало ещё хуже”.

7

К утру в голове Руна худо-бедно оформился план дальнейших действий, хоть историк и не был в нём уверен: во-первых, потому что план получился рискованным, а во-вторых, потому что придумывался он в тревожной дрёме, которая заменила Этингеру сон. Сказывались нервное напряжение и отсутствие полноценного отдыха – Рун просто не смог успокоиться и сосредоточиться.

Этингер не преодолел и половины пути до “фермы”, а его уже начало знобить. Напряжение подкатывало к горлу волной тошноты, вчерашнее намерение не поддаваться паранойе пошло прахом. Все вокруг казались лжецами: Флагстад, молчавший о своём предшественнике; Амина, которая без труда взломала базу Миллениума, якобы проникшись воодушевлением Руна в отношении проекта; Лебронн, так удачно «подслушавший» – или всё же придумавший? – в случайном разговоре имя какого-то агента.

«Синклер. Ну да, ну да. А есть ли вообще этот Синклер?»

И «он» ли это...»

Рун крепко зажмурился и открыл глаза, шумно выдыхая. Мысли свернули к самому болезненному из подозрений. Подруга юности, весёлая и задиристая девчонка Амина Канзи, которая, даже повзрослев и став мягче, не утратила ни одну из своих озорных улыбок, ни один из запомнившихся Руноу и присущих только ей жестов; которая всегда просто сходилась с людьми и так же легко принимала сложнейшие решения, бросаясь в омут с головой. Вернее, это Руноу всегда казалось, что она кидается во всякие авантюры очертя голову, а на самом деле она, может, успевала мгновенно просчитать все варианты и выбрать верный ход...

Если Амина ведёт двойную игру, то зачем ей так понадобился Рун, что она постаралась расположить его к себе с первой же встречи в Миллениуме? Какой ей прок от историка? Проблему “Хроноса” Этингер так и не раскусил, и у него почти не осталось идей; то есть, видимо, он уже и не расколлет этот орешек, не доберётся до ядра. Если вообще есть до чего добираться.

«Стоп. А с чего ты решил, что Амина копает под тебя одного?» – Рун сглотнул, поражённый простой мыслью.

С тем же успехом она могла быть милой с любым из полезных ей сотрудников центра. С каждым из приглашённых экспертов в том числе. Этингер так явно представил себе Канзи, с улыбкой говорящей тому же Воронцову: «Они тут все гики, только о работе и твердят», – что у него даже дыхание спёр-

ло. К щекам прилила кровь, когда он вспомнил себя, в мальчишеском запале вещавшего хакерше о потенциале проекта. На мгновение обида захлестнула его, и Рун со злостью пнул подвернувшийся под ноги камешек.

“Ложь, кругом ложь! – думал он, не зная куда девать взгляд. – Наш мир состоит из неё на сто один процент. Куда ни ткни пальцем, всюду, присмотревшись, обнаружишь враньё – потому что именно на нём, вечном и незыблемом, всё держится. Как же это осточертело! Мы лжём из злости и лжём, когда желаем добра, а правду, самую что ни на есть, никто и не знает. Ещё бы – ведь суть лжи в том, чтобы прикидываться правдой; спустя все тысячелетия, прожитые человечеством, можно быть уверенным только в одном: если ты поверил, то ты уже обманут. Да, история – вот подлинная королева вранья! Не потому, что в ней нет ни слова правды, а потому, что реальность и фальсификации в ней совершенно – ну никак! – нельзя отделять друг от друга, иначе она просто осыплется ворохом бессмыслицы. Ох, как прав был Оруэлл... Тот, кто получит власть над “Хроносом” и всеми его возможностями, станет повелителем будущего – потому что сама ложь будет служить ему беспрекословно. И тогда он либо станет править миром, продолжая лгать, либо попытается очистить его от лжи – и разрушит до основания”.

Взвинченный до предела, Этингер достиг парковки, и здесь – по какому-то издевательскому замыслу вселенной, не иначе – увидел Амину. Та стояла в стороне от входа и с

кем-то разговаривала по комму, перебирая вещи в сумке. С тех пор, как изобрели беспроводные переговорные устройства, а после и импланты, люди стали до того замкнуты на себе и безучастны к окружающему, что, если лет триста назад вид человека, говорящего в никуда, вызвал бы у наблюдателя беспокойство, то теперь – ничуть. Даже если по улицам станет бродить настоящий псих, бросаясь обрывками случайных фраз, никто не заподозрит неладного.

Жалея, что встретил не одного из них, Этингер прошёл к дверям. Впрочем, Канзи его, казалось, вовсе не замечала, стоя вполоборота и продолжая разговор. Всего два дня назад Рун подошёл бы к ней, не раздумывая, но сейчас не мог и головы повернуть в её сторону. Он не умел разыгрывать добродушное настроение, когда хотелось плевать ядом от досады и разочарования. Его таким трюкам не обучали.

Уже шагнув в холл, историк услышал за спиной: «Рун! Подожди минутку!» – и поморщился, оборачиваясь. Амина, спешно попрощавшись с собеседником, махнула Этингеру рукой.

– Привет, – она улыбнулась, подходя. – Рада тебя наконец-то увидеть.

– Ты вся прямо светишься, – стараясь удерживать ровный тон, отметил Рун. Вышло у него отменно, потому что Канзи, не заметив обвиняющего подтекста, заулыбалась ещё шире:

– Это был Надим.

– Мгм.

– Мой брат, Рун... Не помнишь? – её лицо снова приняло фирменное уморительно удивлённое выражение.

– Я помню всё, – отрезал историк и пояснил уже мягче: – Ты не говорила, как зовут твоих братьев.

– А. Ну, может быть. – Амина опустила глаза и заправила алую прядь за ухо. – Как ты?.. – спросила она, посерьёзнев, и торопливо добавила: – В смысле, как работа?

– Ничего нового. Пойдём, нам пора, – Рун отвернулся и зашагал прочь, не проверяя, идёт ли Амина следом.

Возле лифта уже собралось несколько человек. Двери как раз открылись, Рун пропустил всех и вошёл последним. Оглянувшись на Канзи, он хотел было посторониться, но понял, что она не собирается заходить. Наверное, надо было что-то ей сказать, только Этингер не смог разжать зубы. Когда створки сомкнулись и скрыли его от вопросительного взгляда, он ощутил почти облегчение.

По дороге к смотровой Рун машинально кивал, не заостряя внимания на лицах. Хотелось поскорее запереться и в тишине вновь обдумать дальнейшие действия. Остановившись перед дверью, Этингер едва начал набирать код, как та открылась, и из смотровой вышел Рэми Гренье – аналитик, которого Рун не видел с того дня, как получил от него подробные инструкции по работе. Нацепив дежурную улыбку и увидев на лице мужчины точно такую же, историк ответил на ничего не значащий вопрос «о делах» ничего не значащей репликой про «полный порядок»; и лишь когда за-

шёл, задался вопросом поважнее: «Зачем этот Гренье приходил? Неужели “Хронос” запустили и сделали новые слепки?» Проснувшийся азарт вытеснил все посторонние заботы, и Рун поспешил к терминалу.

Спустя четверть часа он в недоумении откинулся на спинку кресла. Ничего нового в архивах не появилось. Мысли о том, что тут делал аналитик, мгновенно обрели другой окрас. Рэми мог просмотреть данные о работе Этингера, что-нибудь из истории поисковых запросов – а там было немало натоптано вокруг имени Крипалани – или добавить что-то, чего раньше не было, что-то, чем заинтересовалась бы служба безопасности. Если это вообще не сам Валттери подослал человека, чтобы слепить пресловутого козла отпущения из самого бесполезного эксперта. Да. Рун уже допускал мысль о своей несостоятельности на фоне других, привлечённых к проекту специалистов. Из всех он единственный ни на йоту не разбирался в «Хроносе»: ни в принципе работы, ни в механической, ни в программной начинке. Задачей Руна было просматривать снимки и думать. Судя по тому, что ничего путного он до сих пор не надумал, уникальность его, как эксперта, в глазах Корпорации, должно быть, сошла на нет. И вообще, Рун уже почти разуверился в том, что «Хронос» заставят работать как надо. Более того, ему стало казаться, что приближение к разгадке белых пятен напрямую сопряжено с риском попасть под увольнение а-ля Эйдженс. Бывший главный инженер знал о «Хроносе» очень много; воз-

можно ли, что в один прекрасный день он узнал о нём больше, чем нужно?

Когда-то Рун посмеялся бы над собой, таким дёрганным и подозрительным, но сейчас было не до смеха. Человек, которому везде мерещатся враги и заговоры, внушает жалость и опасение. К несчастью, Этингер не мог по щелчку пальцев перестать быть этим человеком.

Запустив пятерню в волосы, он привычным жестом растормошил серебристые вихры, склонил голову влево, вправо – потягивая шею – и выдохнул. В конечном счёте, нет смысла переживать о том, на что ты не в силах повлиять. Можно лишь попытаться не двигать ручками-ножками так, как хочется кукловоду. Как вариант – не двигать вообще. Не вести на сплетни, ни с кем не сближаться, ничего не обсуждать... и покинуть ряды сотрудников центра, едва представится возможность.

8

Следующую половину дня Рун точно так же провёл в смотровой, прервавшись на обед чуть раньше, чтобы успеть перехватить что-нибудь до появления знакомых лиц. Вынуждая себя по кругу изучать уже вдоль и поперёк проштудированные снимки, бродя по эфемерному пространству голографических проекций, Рун всё чаще застывал на долгие минуты, с тоской глядя в одну точку. Понимание того, что

придётся отказаться от работы в проекте, угнетало. Рун болезненно переносил отказы и от менее заманчивых перспектив, чем те, которыми поманил его Флагстад, уговорив связаться с этой адовой машиной. Чёртов «Хронос» оказался историку не по зубам. Ощущение ускользающего времени и ускользающей вместе с ним Возможности захлёстывало Руна настоящим отчаянием. Бессмысленное перебирание устаревших кадров всё больше походило на пытку. На исходе дня Этингер не выдержал бездействия и направился к Флагстаду.

Нароклептик попеременно пребывал в двух состояниях: полусонного насекомого и проглотившего кол удава. В обоих случаях сотрудников Миллениума встречал безжизненный взгляд воспалённых глаз, и отличить, как давно главрук проекта принял стимуляторы, можно было лишь по степени припухлости его век. Тем не менее, при всей неадекватности внешнего вида Флагстад каким-то чудом ухитрялся сохранять ясность ума, и при любом раскладе можно было рассчитывать на вдумчивость и обстоятельность его реакций.

Рун поздоровался и затворил дверь, проходя вглубь кабинета и занимая кресло напротив голографического суперорганайзера, за которым сидел главрук.

– С чем пришли, герр Этингер? – пробубнил Флагстад, не отрывая взгляда от проекции.

– Хочу обсудить план проведения экспериментов на «Хроносе».

Флагстад вяло поморщился, но ничего не ответил.

– Я уже по многу раз изучил архивные снимки, – уверенно продолжил Рун, – но для систематизации и анализа мне не хватает то одних, то других данных. Поиски занимают много времени и часто заканчиваются ничем. Информация по исходникам слепков предоставлена в виде словесного описания, но этого недостаточно. Оно упускает множество деталей. Мне не с чем сопоставить слепки. Я переливаю из пустого в порожнее то, что и до меня уже было не раз «перелито»...

– Верно, в этом и заключается работа аналитика, – учёный сцепил пальцы и наконец посмотрел на собеседника. – Я понимаю, к чему вы клоните. К сожалению, я уже предоставил вам максимум условий и информации, какой только допустим.

Этингер поднял бровь, подумав: “Максимально удобный для тебя максимум, надо полагать”, – но вслух сказал другое:

– Если дослушаете, я поделюсь с вами идеей, как немного увеличить этот максимум.

Флагстад равнодушно кивнул, мол – валяй, попробуй меня переубедить. Рун начал думать, что выбрал неудачное время для беседы – руководитель проекта явно не был настроен на диалог. Историк ещё раз перебрал в голове аргументы и продолжил чуть спокойнее:

– Вам известно, что у меня гипертимезия, – учёный снова кивнул. – Я способен восстановить по памяти картину любого места, включая те мелочи, на которые в момент события

вовсе не обратил внимания. То есть я могу пройтись по слепку буквально «с лупой», выявить малейшее несоответствие или искажение, могу сказать, что именно скрыто за белым пятном, что происходило с засвеченным объектом в момент съёмки. Возможно, пропадающие области подвергались воздействию какого-то одинакового набора внешних факторов. Это же совершенно другой уровень анализа! – Рун умолк, заметив, что снова распался, как это было недавно с Аминой.

– Вы хотите новых слепков? – спросил Флагстад после недолгого молчания.

– Да. Мне нужны слепки, параметры для которых задам я сам.

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому что каждый слепок проходит цензуру ещё до того, как запускается “Хронос”. Это сложная и долгая процедура, и инициироваться она может только с подачи высшего руководства. Исключение составляют только калибровочные снимки, но их параметры строго регламентированы.

– Но ведь вы – и есть высшее руководство, – с нажимом произнёс Этингер. – Как мне убедить вас в том, что только новые слепки могут сдвинуть исследование с мёртвой точки?

Флагстад помолчал, раздумывая. Побарабанил пальцами по столешнице. Заговорил:

– Рун, каждый эксперимент – это очень дорогостоящее

мероприятие. Меня уволят, если я буду расточать проектные средства попусту. В последнее время мы и так скорее держимся на плаву, чем идём к прорыву. Я не должен этого говорить, но топ-менеджеры “Эйдженс” начинают смотреть на “Миллениум” косо, потому что деньги уходят, а результатов нет.

– Значит, при сохранении текущего курса закрытие проекта – всего лишь вопрос времени? – Рун ухватился за подвернувшуюся соломинку. – Стало быть, нужно этот самый курс менять?

Физик вздохнул, поняв, что сам себя загнал в ловушку.

– Да, и делать это нужно обдуманно, а не цепляясь за любые возможности...

– Бросьте, – прервал его вошедший в раж Этингер. – Я даю вам не любую возможность, а очень даже перспективное направление. Я предлагаю использовать мой потенциал на всю катушку, а не на жалкие десять-пятнадцать процентов, как сейчас. Мне нужно всего несколько снимков, чтобы наши белые пятна стали прозрачнее.

Флагстад смотрел на историка с величайшим скепсисом, какой только могла изобразить скудная мимика нарколептика.

– Я передам вашу инициативу наверх, – проговорил он наконец. – Но отвечать за неё не буду. Если она найдёт какой-либо отклик, отвечать за всё будете сами. Как за успех, так и за провал. Думаю, не нужно говорить, что будет, если

ваши начинания не оценят.

– И что же? – спросил Рун, внутренне съёжившись.

– Скорее всего, меня вынудят вас уволить, – пожал плечами Флагстад. – И вычтут часть расходов из вашего оклада. Это обычная...

Он не договорил: дверной коммуникатор миганием разноцветных огоньков и ненавязчивой мелодией оповестил учёных о том, что кто-то ожидает приглашения у порога. Флагстад то ли медленно моргнул, то ли просто закатил глаза, и выговорил отчётливо:

– Войдите.

В кабинет, едва приоткрыв дверь, неловко протиснулся Венсан. Виновато потупившись, он извинился за вторжение и протянул начальству планшет с какими-то срочными документами. Бесстрастное лицо физика вовсе затвердело в камень, степенью безэмоциональности превзойдя даже дверной косяк. В его случае это несомненно означало крайнюю степень раздражения: прежде чем принять устройство из рук подчинённого, он посмотрел на лаборанта так, что даже историк невольно втянул голову в плечи.

Пока Флагстад изучал документы, Венсан повернулся к Этингеру и со слабой улыбкой кивнул в знак приветствия. Рун ответил тем же.

– Эти акты должны были прийти три часа назад, – обронил физик, и добродушное выражение сползло с лица лаборанта, уступив место опаске. – Месье Венсан, не потрудитесь

ли объяснить...

Ему снова не дали договорить: замигали лампочки, замурлыкал дверной коммуникатор, из-за чего Флагстад буквально вскочил с места с криком:

– Да вы издеваетесь!

На сей раз никто даже не ждал приглашения. Мелодия замолкла, магнитный замок открылся сам собой; в кабинет шагнули двое в форме службы безопасности, а следом за ними на пороге показался Ноа Валттери собственной персоной.

– Йонас, – произнёс он сухо, и Рун узнал эту интонацию: так же бесцветно военный рассказывал ему об “увольнении”.

В запале Флагстад не ощутил температуры голоса Валттери, а потому рявкнул по инерции:

– В чём дело?

Молодцы из службы безопасности тем временем зашли к нему справа и слева, один из них отчеканил:

– Господин Флагстад, – физик посмотрел на него с непониманием – мол, ты-то с чего ко мне обращаешься? – прошу пройти с нами.

Второй амбал зашёл к руководителю проекта за спину и ловко стянул его запястья блокиратором. Венсан охнул. Флагстад медленно повернулся к Валттери.

– Это ещё что значит? – прошипел он, выкатив налившиеся кровью глаза, отчего впервые стал похож на нормального человека.

– Ты арестован, – сказал военный, не сводя взгляда с ру-

ководителя “Хроноса”. – По подозрению в промышленном шпионаже.

Флагстад скрипнул зубами и дал себя увести, больше не проронив ни слова. У Руна на шее поднялись волоски. Не решаясь покинуть кресло, он продолжал сидеть, чувствуя, как немеет спина.

– Доктор Этингер.

Историк, вздрогнув, повернулся. Финн смотрел на него с очень неприятным выражением – всего пару секунд – но у Руна уже закололо в пятках.

– Хорошего дня, – отрывисто бросил Валттери и вышел вслед за подчинёнными, небрежным жестом отеснив с дороги остолбеневшего лаборанта.

Дверь закрылась, и в кабинете повисла свинцовая тишина.

– Да что же это? – потрясённо пробормотал Венсан. – Что же это творится?

Этингер промолчал. Даже если бы захотел, он не знал, что ответить.

9

Вернувшись в смотровую – свою надёжную одиночную камеру с замком изнутри – Рун как в тумане провёл час, оставшийся до конца рабочего дня, и поспешил в отель. Выходя из здания фермы, он всё ещё ощущал холод между лопаток, будто в спину ему продолжал ввинчиваться взгляд прокля-

того финна. Этингер не представлял, как заставит себя прийти сюда завтра.

Прилив поднял яхты, пришвартованные у берега, и Рун немного отвлёкся, рассматривая цветные флажки с именными знаками владельцев – некоторые даже были нарисованы вручную старинными красками. В любой стране найдётся немало любителей архаики и рафинированного экстрима вроде морских прогулок на открытом всем ветрам деревянном корабле, но Руну казалось, что здесь, в Пенмарше, этих чудаков собралось в разы больше. Бухта между двумя рукавами пирсов была просто усеяна разномастными яхтами и лодками, которые, покачиваясь на волнах, дважды в сутки садились на мель и вновь поднимались вместе с приливами. Напротив башни старого маяка вытянулось современное здание береговой охраны с тремя арками небольших эллингов, откуда выглядывали оранжевые носы служебных катеров. По берегу прогуливались люди, в открытом кафе звучала музыка; ветер разносил вокруг обрывки разговоров, тихое жужжание проезжающих по набережной электромобилей и крики вездесущих чаек. Жизнь здесь текла совершенно обыденно, даже с некоторой ленцой и негой – а ведь всего в миле отсюда в подводном комплексе велись совсем не банальные разработки и далеко не безопасные игры. Этингер пожалел, что знает об этом.

Смеркалось. Над водой зажглась световая маркировка путей, в городе включились фонари. Рун как раз подошёл к оте-

лю и отыскал взглядом окна Амины, подумав, что это действие скоро войдёт в привычку. Канзи была дома. Проглотив странную смесь досады и облегчения, историк направился к себе.

Уже в лифте он мрачно проследил, как съехались дверцы, и вспомнил утреннюю сцену на ферме. Лучше бы не вспоминал – от неё внутри заколобродило чувство вины, предвещавшее долгие часы бессонницы. Под влиянием мгновения он набрал этаж Амины и, сам себе поражаясь, пришёл к её номеру. Датчик на двери светился зелёным. Рун потянулся к звонку, но огонёк тут же мигнул и стал тусклым синим – в апартаментах выключили свет. Вздохнув, Этингер отступил. Может быть, это и к лучшему. Он представления не имел, о чём стал бы говорить.

Раздосадованный больше прежнего, Рун двинулся по коридору обратно. Чтобы не ждать лифт, решил воспользоваться лестницей, но не успел пройти и половины пролёта, как на площадку второго этажа, где находился его номер, из-за угла выехал, чуть слышно жужжа, коридорный дом-Роботник. Этингер едва не попятился, но вовремя спохватился. Камера “жужжалки” уже запечатлела его, и пытаться скрыться было бы крайне неумно. Сохраняя невозмутимый вид, историк спустился, прошёл мимо робота и неторопливым шагом достиг своих апартаментов. Оказавшись внутри, Рун отыскал взглядом мелкого комнатного уборщика – тот неподвижно стоял в углу на поле зарядки – и с минуту хмуро

рассматривал его. В голове всё вертелась какая-то неоконченная мысль, но из-за утомления историк никак не мог на ней сосредоточиться, поэтому лишь озадаченно моргал, забыв даже о том, где находится.

Очнувшись, он вяло отметил про себя, что это уже не первый мозговой сбой за сегодня. Рун вдруг вспомнил, что в последние дни практически не отдыхал – не мог отдохнуть. Подойдя к зеркалу, он столкнулся со стеклянным взглядом покрасневших глаз. Собственный измождённый вид воскресил в его памяти историческую статью о второй половине XXI века и синдроме нервного истощения, очень распространённого в то время.

Переживая за свою нервную систему, Рун поспешил лечь в постель, но, вопреки жгучему желанию забыться, снова не смог заснуть. Он долго бултыхался в беспокойной душевной дрёме, то ныряя в вязкое онемение, то всплывая к волнам гротескных образов, исторгнутых его воспалённым разумом.

Этингер видел себя сидящим в кресле Флагстада, а сам физик лежал рядом, мёртвый, с широко раскрытыми глазами, красными от лопнувших капилляров. Потом мерещился полутёмный зал совета директоров “Эйдженс”, в котором председательское место занимал огромный домРоботник. Амина, весело игравшая ямочками на щеках, вдруг разбилась на осколки, а вместо неё остался жуткий человек с гладким, как коленка, лицом. На “Хроносе”, на нижней его грани, шли в обратном направлении электронные часы – точ-

но таймер. Снимки исчезали, съедаемые изнутри белыми пятнами – словно плавилась плёнка в старинном кинопроекторе.

На весы падают звонкие монеты. Дно океана устлано людьми, из которых растут водоросли. Вращаются стрелки на пустом циферблате. Крупницы внутри песочных часов застревают в воздухе. Таймер останавливается: “00:00”. Волна Большого Взрыва катится назад.

В самом конце этого сумбура единственным островком порядка мелькнуло знакомое окружение: старые железнодорожные пути, тянущиеся сквозь туман. Этингер стоял на шпалах и смотрел, как прямо на него несётся истошно свистящий локомотив. Нужно было отпрыгнуть в самый последний момент, потому что иначе – Этингер знал – рельсы снова окажутся под ногами. Сзади послышался перестук колёс; Рун обернулся – и обнаружил себя стоящим в центре калейдоскопа, на самом стыке всех до единого возможных путей.

После того, как поезд влетел в него со всех сторон сразу, снов больше не было. До самого пробуждения.

10

Если накануне Этингер думал, что не сможет больше прийти в “Миллениум”, то к утру эта проблема решила сама собой. После блаженного бездумья возвращение к реальности стало настоящей пыткой – из-за страха и бессилия пе-

ред ним. Рун припомнил свой полночный бред и с содроганием подумал, что тот не так уж далёк от истины. Флагстад уже вполне может быть мёртв, а на его место вот-вот сядет какой-нибудь Лебронн... Корпорация “Эйдженс” теперь выделась Этингеру гигантской бессердечной машиной и своим безнаказанным могуществом внушала более чем неприятный трепет, если не сказать – ужас.

И всё же именно этот глубинный страх заставил историка подняться, затолкать себя в одежду и выйти из дома. Потом парализующий страх помешал ему свернуть на единственном перекрёстке между отелем и фермой, не дав сбежать на ближайшую станцию скоростного монорельса. Едкий, как кислота, страх вытравил на лице Руна вежливую улыбку, когда тот кивками приветствовал до судорог надоевших ему сотрудников исследовательского центра. Наконец, коварный страх усадил своего носителя в кресло смотровой и заставил думать о рутине, а сам на время удалился – словно опасаясь свести жертву с ума раньше срока и тем самым испортить всю забаву.

Рун проработал несколько часов, несмотря на острое ощущение бессмысленной траты времени. Ему казалось, что проект летит ко всем чертям: исследование откровенно застряло, никаких перспективных идей давно не было и не предвиделось, из-за чего верхушка корпорации уже начала пересматривать целесообразность дальнейшей поддержки “Хроноса”. Что уж говорить обо всех этих внутренних

расследованиях, убийствах и арестах, которые окончательно свергли “Миллениум” в хаос? Если даже руководитель арестован по подозрению в шпионаже, то какие у проекта вообще могут быть перспективы?

И всё же историк работал, потому что для него смерть “Хроноса” означала спасение. Он поймал себя на том, что больше не волнуется за судьбу проекта. С самого начала было ясно, что “устройство реверсивного воссоздания пространства” своей потенциальной угрозой человечеству сравнимо с гигатонной термоядерной бомбой (в буквальном смысле – тоже), но Рунухватило и тех неприятностей, что случились ещё до окончания работ над “Хроносом”. Историк разочаровался, перегорел; возможность заглянуть в самое что ни на есть реальное прошлое уже не волновала так, как раньше, вдохновение иссякло. Теперь он мог думать только о том, как выбраться из промышленно-политической передрыги, в которую угодил.

С большим сожалением Рун пришёл к мысли, что не готов ради фантастической мечты пожертвовать своей жизнью или благополучием. Он был готов бросить всё в любой момент. Конечно, просто встать и уйти было нельзя, но оставался другой, менее рискованный и более неприятный вариант.

“Создавать видимость работы и ждать. Тогда рано или поздно проект либо вопреки всему завершится, либо закроется – в любом случае без моей помощи. Если учесть вче-

рашние события, ждaть придётcя совсем недолго”.

Рассуждая таким образом, историк пошёл на обед. Дошагал до лифта, спустился на этаж столовой, вышел... и нос к носу столкнулся с Йонасом Флагстадом.

Физик был вполне жив. Эта новость стала для Руна настолько внезапной, что на какое-то время отняла способность думать. Глава проекта выглядел уставшим – ещё более уставшим, чем всегда – но спокойным. Тяжёлый взгляд скользнул по историку и вдруг задержался на его лице.

– Герр Этингер, у вас всё в порядке?

Голос Флагстада заставил Руна вздрогнуть. Этингер вдруг осознал, что таращится на физика, как на привидение, и смешался.

– Я... э-э-э... всё хорошо, спасибо. Извините.

Историк спешно и даже немного нервно обогнул руководителя и направился дальше по коридору.

– Рун, – донеслось сзади, – подождите.

Этингеру не оставалось ничего, кроме как остановиться и обернуться.

– Я поговорил о вашей инициативе с руководством, – сказал, приближаясь, Флагстад. – Мне ответили в том смысле, что у вас всё же есть одна попытка показать состоятельность своего плана. Поэтому выберите несколько точек пространства-времени, которые вы хотели бы увидеть, и расположите их в приоритетном порядке. Список пришлите мне. Если эти слепки пройдут цензуру, первый из них вы получите уже

завтра.

– А сколько всего будет слепков? – спросил Этингер, просто чтобы спросить что-нибудь.

– Я бы на вашем месте не рассчитывал больше, чем на три, – Флагстад ещё раз пристально посмотрел историку в глаза и повернулся, чтобы уйти. – Всего хорошего.

– Спасибо. И вам, – пробормотал Рун в спину руководителю, и понял: вряд ли тот услышал.

По дороге в столовую Этингер пытался логически определить, какое из событий ему привиделось: вчерашний арест Флагстада или встреча, которая состоялась только что? Выходило, что ни то, ни другое. Однако эти эпизоды ни в какую не хотели стыковаться между собой, и родившийся диссонанс не на шутку дезориентировал историка.

Лишь сев за стол и уловив разговор между двумя другими сотрудниками, ведущийся вполголоса, Рун смог худо-бедно увязать противоречивые факты в нечто осмысленное.

Оказалось, арест руководителя не остался незамеченным сотрудниками, поэтому сегодняшнее его появление обсуждалось с самого утра. По слухам, служба безопасности получила анонимную наводку на Флагстада, и, обыскав его домашний мейнфрейм, обнаружила тщательно спрятанный архив с редкими и строго запрещёнными хакерскими эксплоитами. Его немедля заподозрили во взломе, которого он, конечно, не совершал, но выяснилось это только когда эксперты подтвердили: найденным набором программных средств

взломать систему “Миллениума” невозможно. Сам Флагстад говорил, что не то что не скачивал эти эксплоиты, но даже не знает как ими пользоваться. Спецслужба копнула глубже. Через пару часов в виртуальном пространстве обнаружился цифровой след, который вёл от компьютера физика к прокси-серверу с наивысшей степенью анонимности. Тогда-то учёного и отпустили – правда, случилось это уже утром.

Разумеется, Флагстада пытались подставить, и пусть замысел не удался, злоумышленник так и остался неизвестным. Рун тут же подумал на Амину, но быстро отбросил эту мысль – эксплоиты подбросили после взлома, когда за Канзи уже следили в оба глаза, и у неё не было возможности даже прогноз погоды посмотреть без ведома “Эйдженс”.

Эта информация сильно пошатнула небоскрёб умозаключений, который Рун воздвиг на почве своей паранойи. Получалось, что либо у Амины был сообщник, либо она вообще не имела отношения к шпионажу – а с Этингером всю дорогу была честна.

От этой мысли Руна захлестнул жгучий стыд. Вешая на айтишницу таблички с надписями “шпионка”, “манипуляторша”, “лгунья”, он даже как-то не особо сомневался в своей правоте – в плохое ведь верится легче. Теперь же, когда совесть довольно ощутимо хлестнула Этингера по лицу, он словно увидел себя со стороны – жалкого, порабощённого собственными выдумками, шарахающегося от каждой тени.

“Прямо как один из психов, о которых я недавно вспоминал, – с усмешкой подумал Рун. – Вместо правила “ни с кем не сближайся”, стоило установить другое: “руководствуйся фактами, а не домыслами”. Оно хотя бы не входит в лексикон любителей шапочек из фольги”.

Иронизируя над собой таким образом, историк не заметил, как вышел из столовой и на очередное приветствие незнакомого коллеги ответил искренней улыбкой. Легче задышалось; в голове сам собой выстроился дальнейший план действий. Рун всё ещё испытывал тревогу, но в то же время понимал, что его дела не настолько плохи, как совсем недавно рисовало ему воспалённое воображение.

Он вернулся в свой кабинет и тщательно отобрал слепки, которые очень хотел бы изучить. Их получилось одиннадцать – на случай, если какую-то часть всё же завернёт цензура. Рун приоритизировал список так, чтобы из любых трёх слепков можно было извлечь максимум пользы, и отправил его Флагстаду. На это ушло без малого два часа. Потом столько же времени историк потратил на сочинение отчёта по своей работе за последнюю неделю – чтобы было что предъявить, если вдруг затребуют результаты. Закончив, Этингер покинул смотровую и направился к выходу. В вестибюле он остановился и, сделав вид, что решил почитать новости на коммуникаторе, уселся в кресло.

Ждать пришлось долго – больше часа. Сотрудники, жившие вне комплекса, потянулись домой. Рун тайком погляды-

вал на них и тут же снова утыкался в голограмму коммуникатора. На него тоже странно смотрели, но в этом скорее была заслуга техники позапрошлого поколения, чем необычного поведения – люди с имплантами могли вовсе остановиться прямо посреди улицы, глядя в пустоту, пока осмысливали последнюю скачанную информацию или отвечали на ментальный “звонок”.

Наконец, спустя полсотни человек и два десятка прочитанных статей, из лифта вышла та, кого Рун в действительности ждал. Амина заметила старого знакомого, но, очевидно, решила не отрывать его от занятия – хоть оно и было насквозь притворным. Этингер дождался, пока она выйдет, встал, потянулся и тоже пошёл к двери.

На улице он окликнул айтишницу; та обернулась и подождала, пока Рун её нагонит. Он точно знал, что говорить и как говорить – их разговор был расписан по пунктам. Однако когда он приблизился и столкнулся с выжидающим взглядом тёмных глаз, случилось странное: слова, которые историк вращал в голове во время сидения в вестибюле, вдруг завызались узлом и застряли где-то на пути к голосовым связкам. Пауза грозила стать неловкой, поэтому Этингер решил сказать хоть что-то.

– Уже домой? – ляпнул он и тут же дал себе мысленный подзатыльник за столь очевидный вопрос.

– Нет, – будничным тоном отозвалась Канзи. – Топиться. Рун улыбнулся шутке и несколько расслабился.

– Что-то случилось?

– Случилось “надоело”. Устала я, Руннигер.

– Да, есть такое.

Они, не сговариваясь, прогулочным шагом двинулись к мосту.

– Правила работы после взлома ужесточили, – продолжала Амина тем же ленивым тоном. – Формальностей стало больше на порядок. Ещё эта слезка повсюду... напрягает.

Этингер с опаской оглянулся на здание фермы, от которого они отошли недостаточно далеко для таких разговоров.

– Не переживай, – сказала Канзи, уловив это его движение. – Они знают, что мы знаем о слезке. Это вполне логично. Только так они могут убедиться в нашей непричастности.

Рун снова усмехнулся, распробовав иронию. Он только сейчас восстановил в голове план разговора и незамедлительно озвучил первый пункт:

– Слышала? Говорят, в “Миллениуме” работает шпион.

– Да-а-а, и то, что им чуть не стал наш руководитель – тоже. Из-за него-то и переполох такой.

– Есть идеи, кто это может быть? – историк спрятал настороженность за очередной улыбкой.

Амина повернулась к нему и задумчиво прищурилась.

– Неужели, ты?

– Я?! – опешил Рун и добавил осуждающе: – Очень смешно!

– Да ладно тебе, – отмахнулась хакерша. – Сам небось то-

же на меня подумал.

“Это потому что ты сама мне призналась, что хакнула “Миллениум”!” – чуть было не выкрикнул историк, но вовремя понял, что его заносит, и попытался говорить так же безучастно, как собеседница.

– Мне есть чем оправдаться, – заметил он сдержанно. – Ведь шпион обладает исключительными знаниями в твоей профессии, раз смог взломать нашу базу.

На этот раз Амина посмотрела на него так, что Рун понял: не опасайся она слезки, прибила бы наглеца на месте.

– Какое счастье, что я не единственный айти-специалист в Солнечной, – почти прошипела она, но тут же её лицо приобрело лукавое выражение. – Вот мне очень не нравится, что из-за какого-то гада за мной везде следят. Поскорее бы они его поймали.

– Это точно, – вздохнул Этингер.

Он прекрасно понимал, что поимка Синклера не решит их проблем, потому что тот легко докажет, что не взламывал “Миллениум”, и охота за хакером продолжится.

– Если они не поймут его в ближайшее время, я скажу службе безопасности, что это ты шпион. А то уже никаких сил нет.

Этингер медленно повернулся, как бы говоря: “Я не ослышался?”

– Когда я успел тебе так надоесть?

– Вчера, когда вёл себя как бука, – Канзи скорчила злую

рожицу. – А сегодня сам намекаешь на то, что шпион!

Она показала Руна язык, и тот, глядя на неё, подумал: “Бестия. Как есть бестия”.

– Дорогуша, – сказал он с самой сальной улыбкой, на какую был способен, – даже если бы это было правдой – а это не так – у меня будет больше шансов обличить тебя в шпионаже. Хотя бы потому, что я – гуманитарий.

– Да ну тебя, – Амина разочарованно отмахнулась. – Бука. Какое-то время они шли молча.

– За вчерашнее извини, – сказал Рун совершенно серьёзно. – На меня тоже всё это давит, и...

– А, не объясняй. Я понимаю. Как-то не особо получается радоваться жизни, когда не можешь остаться наедине с собой ни на минуту.

Этингер с благодарностью кивнул и не стал продолжать.

День клонился к закату, так что тени Руна и Амины подходили на силуэты двух тощих инопланетян – один длиннее другого. Установившаяся вечерняя тишь располагала к неспешной прогулке, навевая благостную истому, но у историка была ещё одна причина не торопиться домой. Она шла рядом с Этингером, не ускоряя шага, и задумчиво глядела на гипертрофированную походку своего тёмного продолжения. Рун смотрел на неё и думал: кем бы она ни была, это не имеет значения. Ведь она – такая, именно такая, здесь и сейчас. Настоящая. А всё остальное – какая разница?

– Хочу на орбитальный курорт, – вдруг сказала Амина. –

На месяцок. А лучше – на два, чтобы с запасом.

– Я слышал, после него очень трудно возвращаться на Землю.

– Это уж точно.

– Ты там была?

– Пару раз.

Рун присвистнул.

– Неплохо же ты зарабатываешь.

Канзи вяло улыбнулась и развела руками – мол, чем богаты, тем и рады.

– И почему же так тяжело лететь домой? – спросил Рун с искренним любопытством.

Он никогда не покидал Землю.

– А потому что не хочется. Ты туда прилетаешь, как в будущее. Или даже нет – как будто в другое измерение, – Амина помолчала, тщательно подбирая слова. – Как в другой мир, где всё было, есть и будет хорошо, правильно, приятно. Никуда не хочется спешить, да и незачем – повсюду светло, тепло, красиво. Его не зря называют “Эдем”, там и вправду сущий рай. Но самое удивительное – это наблюдать Землю со стороны. Постепенно тебя перестаёт волновать то, что на ней происходит или происходило, ты как будто находишься в стороне от человечества и просто наблюдаешь за всем извне. Там ты понимаешь, что Земля – это парящий в пустоте Бог, который создал и по сей день поддерживает жизнь целого мира. Ты смотришь на Бога и чувствуешь, что

являешься его частью.

Канзи повернулась к спутнику и с досадливым прищуром спросила:

– Звучит как бред, да?

– Немного, – согласился Рун.

– А вот там так не кажется. Наоборот, к этой мысли приходишь легко и естественно, так что если ты побывал на орбитальном курорте и ни на секунду не ощутил привкуса безвременья – что-то с тобой не так.

– Прямо какая-то лёгкая версия nirваны.

– О, не лёгкая, поверь! Там тебя ублажают до полного отсутствия желаний. Сам понимаешь, возвращаться на бренную Землю и лишаться блаженного всеосвобождения не хочется никому. Многие достаточно богатые люди там попросту селятся.

– Если всё так, как ты говоришь, то я бы тоже не отказался там побывать, – сказал Рун. – Хотя, наверное, моя память испортит половину впечатления.

Канзи задержала взгляд на его лице и вдруг выпалила:

– День, когда мы познакомились!

– Пятое сентября 2242 года, – без запинки ответил Рун, принимая игру. – Понедельник. Утром шёл дождь, к обеду он превратился в промозглую морось. Я выглянул в окно и увидел, как ты заходишь в кампус. На тебе был укороченный комбинезон моды 2150-х и, почему-то, римские сандалии. За тобой шёл гружёный андроид-носильщик и волочил-

ся смазливый второкурсник.

– В чём дело, забыл его имя? – улыбнулась Амина.

– Мэтт Уоренсби. Не забыл, просто менее интересного человека представить трудно. Если бы не специфичная внешность, выделить его из толпы было бы невозможно ни по какому признаку.

– Ха-ха, точно! Прицепился ко мне прямо на въезде – хотел познакомиться. Мне стало тоскливо уже через полминуты!

– Это потому что он не говорил, а гундел. А ещё мне иногда казалось, что у него нет ни одной своей мысли. Он был неутомимый рассказчик вчерашних новостей, борода-тых шуток и популярных медийных афоризмов. Как только появлялась новая мода – он тут же начинал ей следовать.

– Да-да! Чёрт возьми, он у меня сейчас как живой перед глазами возник! – Канзи звонко рассмеялась. – Если бы ты не сказал, в жизни бы его не вспомнила! Но ты подожди. Вопрос же был про наше знакомство, я всё ещё...

– Вечер того же дня, – продолжил Рун, прокручивая в голове тот день как киноплёнку. – Половина кампуса собралась в патио. Бирмингемский “первый ужин”. Ты была среди семидесяти шести новых студентов. Сине-чёрное платье. Чёрные широкие браслеты. Туфли на среднем каблуке. Причёска “неуклюжая домохозяйка”...

– Эй!

– Прости, но так и было!

– Ла-адно. Может и так. Я тогда ещё не очень-то походила на женщину.

– Но ты была хороша. Я помню, как от тебя досталось Веб-стеру – не знаю только, за что.

– Да... Он был под кайфом, кажется. Сказал мне что-то хамское.

– Ты ударила его в лицо. Кулаком. Бедняга сломал “хрустальную пирамиду” при падении.

– Два старших брата. Что поделаешь!

– Ну и нравы у вас в семье!

– Салим занимался классическим боксом. Он поставил мне удар, – Амина гаденько ухмыльнулась, пристально поглядев на Руна. – Где про знакомство?

– После потасовки тебя попросили уйти, – кивнул Рун. – Ты с жутко недовольным видом направилась к выходу и по пути врезалась в меня плечом. Разумеется, не извинилась и даже будто бы не заметила.

– Твоя голова походила на полыхающий факел, тебя нельзя было не заметить. Наверное, я просто была очень зла, а ты стоял на дороге.

– Я после твоей выходки тоже разозлился. Мне и так в тот вечер много что не нравилось, а эта грубость стала последней каплей. Мы с моей тогдашней приятельницей прогулялись полчаса и уже затемно вернулись в кампус.

– Приятельницей, значит? Я думала, вы пара.

– Эммм, нет. У нас были слишком похожие вкусы на де-

вушек.

– Хм, – Канзи непонимающе нахмурилась, но через уже секунду просветлела: – А-а-а!

– Да. Она жила в другом крыле, поэтому до своего этажа я добрался уже в одиночестве. Вот там-то мы и познакомились. Ты сидела в коридоре, прямо напротив своей двери, в том же платье, потому что замок...

– Проклятая охранная система записала меня в нарушители, поэтому дверь в мою комнату закрылась наглухо. А ты, проходя мимо, пробормотал что-то вроде “мгновенная карма”!

– О, так ты и сама помнишь?

– А то! От второго удара по лицу меня удержал только страх вылететь из гимназии!

Рун внутренне задыхался от смеха – он прекрасно помнил перекошенное лицо пятнадцатилетней Канзи и помнил, как торжествовал, увидев эту гримасу.

– И всё же вместо битья ты окликнула меня и попросила о помощи, – Этингер посерьёзnel. – Попросила так искренне, что мне сразу стало не до обид.

– О, Рунни, ты так романтичен, – проворковала Канзи.

Она точно пыталась свести всё в шутку, но в её долгом открытом взгляде явственно читалось приятное удивление.

– Просто не смог отказать героине вечера, – улыбнулся Рун. – Ты просидела в моей комнате до тех пор, пока охрана, наконец, не сняла блокировку двери. Мы мило пообщались.

– Да, – покивала Амина. – Даже странно, что между нами не получилось особой дружбы.

– А я могу сказать, почему не получилось, – Этингер с видом знатока посмотрел на спутницу. – Потому что в тот вечер ты была слишком измотана, чтобы острить и доставать меня, зато в последующие дни наверстала упущенное с лихвой.

Он ожидал очередной колкости в ответ, но Канзи вдруг вздохнула и сказала:

– Наверное, ты прав. Я почувствовала себя увереннее. И хотя я была тебе благодарна, не сумела эту благодарность как следует выразить. Юность, она такая юность... О, да мы уже пришли!

В самом деле – за разговором Этингер даже не заметил, как они оказались у крыльца дома-отеля. На улице уже стемнело и заметно посвежело, но ни он, ни она не обращали на это никакого внимания.

– Спасибо, Рун, – с улыбкой сказала Амина. – Ты поднял мне настроение.

– Это взаимно, – историк остановился перед дверью и впустил хакершу первой. – Спокойной ночи?

– Да... хотя, нет. Нужно всё-таки поужинать и ещё перенастроить домРоботника. Расписание сбилось, два дня уже забываю с этим разобраться. Но тебе приятных снов!

Амина махнула рукой и вошла в лифт, а Рун, глупо улыбаясь самому себе, пошёл в свою квартиру.

Он знал наверняка: сегодня ночью он будет спать, как младенец.

11

Флагстад не обманул – на следующее утро в хранилище данных действительно появился новый слепок. На нём стоял заголовок: “22.12.2264 / 03.09.2265 / GT192D0012&OG26V74909&EL884RE5455”. На последний параметр историк даже не посмотрел – всё равно не знал, как его расшифровать – и проверил даты. Вышло, что снимок сделали несколько часов назад, а изображался на нём прошлогодний день рождения Хелге Этингера. Рун тогда приехал в фамильное имение, чтобы поздравить отца, и целый день не выходил из дома.

Историк специально выбрал локацию, в которой прожил много лет, знал каждый уголок и каждого человека, который там бывал. Даже с учётом неточности координат и временного сдвига Рун наверняка попал бы в точку, которую помнил сам. “Хронос” в очередной раз не разочаровал его: снимок пришёлся на гостиную, где сервировался праздничный стол.

Сам Рун не попал в стереоизображение, но он находился в той же комнате и видел, как андроид-гувернёр расставлял блюда, а отец разливал сливовое вино по бокалам; над столом парил воздухоочиститель, который в тот день наполнял домашнюю атмосферу запахами хвойного леса после дождя,

хотя снимок, конечно, их не передавал. Только сейчас историк заметил, что “Хронос” делает слепок несколько больше, чем пять на пять метров, а потом масштабирует, чтобы границы изображения казались мягче.

Этингер вошёл в комнату с проекторами и стал прохаживаться по в точности воссозданной комнате, изучая самые тонкие её детали. Родинку на руке отца. Потёртый фартук андроида. Скол краски на старом деревянном стуле, оставшийся ещё со времён проказливого детства Руна. Настенный органайзер, часы которого показывали двадцать одну минуту третьего пополудни. Едва заметный узор на столешнице. Историк увидел сотни знакомых мелочей, но чего ему не удалось найти – так это отличий от своих воспоминаний.

Не успел он разобраться с первым слепком, как в углу голограммы появилось оповещение: “Банк экспериментальных данных пополнен”. Рун полез в соответствующую директорию и обнаружил второй снимок из отправленного Флагстаду списка: “08.08.2260 / 03.09.2265 / TS881E8911&LO092V7154&Y10801A150”. Тут же забросив снимок отчего дома, Этингер взялся за новое изображение.

Здесь Рун рассчитывал именно на точность “Хроноса”, потому что надеялся увидеть конкретное мгновение: он шёл по улице и как раз посмотрел на часы, когда позади него раздался взрыв – разгерметизировался генератор в одном из зданий.

Снимок оказался засвеченным чуть больше, чем наполовину. Большое белое пятно сожрало середину снимка, несколько пятнышек поменьше было разбросано по краям – словно кто-то взял лазерные ножницы и вырезал всё, что не хотел видеть. Рун снова вошёл в голограмму и осмотрелся изнутри слепка. Он узнал нескольких прохожих, которых видел в тот день, фрагмент тротуара, уцелевшие от засветки рекламные щиты, и заключил, что тут ошибки тоже нет – “Хронос” запечатлел верную точку пространства-времени. Единственное, что мешало как следует проанализировать картинку – проклятое белое пятно в центре, формой похожее на...

Этингер вздрогнул. Он догадался, что перед ним не что иное, как несколько расплывшийся силуэт обернувшегося человека. Человека, который только что услышал взрыв.

С некоторой долей паники в голове Руна пронеслись мысли о том, почему он стал причиной засветки снимка. Ведь после того, как историк узнал на снимке себя, стало очевидно, что белое облако просто пошло в стороны от его фигуры: оно словно тянулось к ближайшим предметам и начало пожирать их. У прохожего, оказавшегося ближе всех, белизна откусила верхнюю половину туловища и почти полностью поглотила собаку, которую мужчина вёл на поводке; с другой стороны она растеклась по тротуару и зацепила основание разметочного столбика. А Рун был её сердцевиной. Теперь он совершенно точно восстановил в памяти то мгновение и понял, что на сей раз это не его паранойя – это факт.

Он пялился на бесцветную кляксу до тех пор, пока не зарябило в глазах. Потом, резко опомнившись, растерянно потёр лицо, вернулся к терминалу и упал в кресло. Азарт, разыгравшийся во время просмотра первого снимка, перемешался со смутной тревогой и поутих. Чтобы снова не надумать себе лишнего, историк решил пообедать – тем более что на часах доходило четыре часа вечера, а он с самого завтрака не ел.

Это решение оказалось правильным. Вернувшись в смотровую, Этингер обнаружил в хранилище третий слепок из своего списка. “09.10.2263 / 03.09.2265 / VS88T09122&L43A6763E2&N00337A72501”. На нём пятен не было, а Рун – был. Он сидел в холле лондонского филиала “Свободной информации”, ожидая своего выступления, и самым беспардонным образом зевал во весь рот. Нет, историк не хотел попасть именно в то мгновение, когда любой желающий мог без труда рассмотреть его миндалины – просто часы в его коммуникаторе, видимо, несколько отставали от атомных часов “Хроноса”.

В тот день Этингер читал лекцию о рассекречивании исторических тайн: о времени, которое должно пройти перед тем, как правда станет известна широким массам и о последствиях утаивания ключевых исторических событий. Из-за организационных накладок его выступление перенесли, так что Рун успел здорово утомиться ничегонеделанием. В холле было полно народа: сновали репортёры и верстальщи-

ки, слонялись слушатели, ходили от экрана к экрану простые прохожие, желающие утолить информационный голод. Первым делом историк начал изучать людей, сверяя картинку с воспоминаниями – и снова не обнаружил ничего интересного. Обратился к окружению – и там ничего. Даже пристальный осмотр себя ненаглядного не дал никаких результатов: всё выглядело точно так, как запомнилось Руну.

Начиная всерьёз опасаться, что так и не сможет представить Флагстаду хоть сколько-нибудь значимые результаты, Этингер ещё раз внимательно прошёлся по предыдущим двум снимкам. Всё без толку: зацепки, которые старательно изобретало его воображение, не тянули даже на отдалённо правдоподобные.

Уже поздним вечером, когда большинство сотрудников “Миллениума” разошлись по домам, Рун, борясь с желанием всё бросить, снова взялся за третий снимок. Он досадовал на промах с выбранными снимками и ругал себя за самонадеянность. От отчаяния он даже начал читать новости на экранах холла – и тут заметил нечто интересное.

“Космическая станция Сириус-1 уничтожена в результате неудачной бомбардировки астероида SAT67. Данные получены с крейсера “Навуходоносор”, производившего бомбардировку...”

Дальше Рун прочитать не смог, потому что упёрся взглядом в край экрана. Новость имела рейтинг С – критическая – и выглядела очень тревожно. В основном потому, что всего

пять месяцев назад прошла новость о том, что с Сириуса-1 успешно стартовал исследовательский зонд, имевший целью систему Проциона.

Не веря глазам, Этингер перечитал новостную строку. Разве мог зонд стартовать со станции, которая к тому времени уже полтора года, как не существовала? Но главное – разве такая новость прошла бы незамеченной?

На снимке Рун сидел спиной к экрану, а потому и не мог помнить, что на нём было. Другие люди поблизости тоже не смотрели в ту сторону. “Во имя всего святого, этого что, никто не заметил?! – лихорадочно подумал историк. – Сириус-1 была ключевой станцией в том направлении, на ней завязан столетний план освоения космоса! Да об этом должны были на каждом заборе писать!”

“А может, – перебил он сам себя, – новость была ошибочной? Её быстро опровергли, потому и шумихи не случилось? Да нет, бред. “Свободная информация” ни за что бы не выпустила такую статью без стопроцентной уверенности, это уничтожило бы их репутацию”.

“Пошутили? – зазвучала в голове новая версия. – Выпустили утку, чтобы послушать, закрикает ли в ответ народ? Если бы такие шутки не были запрещены со времён Орсона Уэллса, наверное, стоило бы рассмотреть эту версию. И, опять же, почему не было никакого резонанса?”

“Потому что новость изъяли, – прошептал кто-то внутри, и к горлу подкатил ледяной ком. – Как иначе? “Свободная

информация” публикует новости без цензуры, но если сильные мира сего чего-то захотят...”

Сорвавшись с места, Этингер направился к выходу.

Он даже не заметил, как пролетел всё расстояние до дома – потому что старался ни о чём не думать, хотя получалось не очень.

Размышляя о лжи, Рун даже не предполагал, что ему доведётся с ней столкнуться в настоящем. Этингер жил историей и слишком хорошо её знал, чтобы хотеть по-настоящему вернуться в прошлое. Его вполне устраивал моральный рывок, который совершило человечество, отказавшись от сопернических стратегий и бесконечных гонок. Более того, заглядывая в пучину прошлого, он сплошь и рядом видел подтверждения своему мнению, которое десятки раз озвучивал на выступлениях: “Современный строй – это единственное, что может хоть как-то оправдать багровые реки прогресса, текущие сквозь века”.

Этингеру нравилось расстояние в годах, которое отделяло его от последней войны. Нравилось, что годовая статистика убийств по всей планете теперь умещается в трёх-четырёх-страничный документ. Нравилось, что на Земле не осталось места, где дети вынуждены тяжело работать или воровать, чтобы не умереть с голоду. Да и вообще – что нет больше Голода и Нищеты. Но если существует большая наглая Ложь, то так ли далеко ушло человечество от своего тёмного прошлого?

Едва оказавшись в квартире, Рун бросился искать информацию по Сириусу-1. Поисковик выдал полную хронологию за семнадцать лет, с самого выхода станции на орбиту. По дате 09.10.2263 записи отсутствовали. Согласно официальным данным, Сириус-1 и по сей день нормально функционировал. Можно было даже посмотреть недавние снимки его экипажа.

Новости со снимка, разумеется, тоже нигде не было. Как и её опровержения. Если она и возникала на том экране, то никаких информационных следов не оставила.

Тогда историк полез в раздел спонсоров и застройщиков станции.

“FireGate systems и Agens corp.”

– Понятно, – сказал Рун, вставая с кресла. – Теперь всё понятно.

Этингер в задумчивости налил себе чаю, опустился на диван, отхлебнул, поперхнулся – вместо чая в кружке оказался чистый ром. Рун вздохнул, отхлебнул снова, поморщился.

“Переживать не стоит. Обе корпорации – мастодонты индустрии, им просто нет смысла лгать, потому что трудно вообразить силу более колоссальную и авторитетную, чем они. Одна специализируется на освоении космоса и занимается этим уже более ста лет. Вторая – флагман прогресса, почти каждый день патентует новые технологии, большинство из которых быстро выходит в массы. Взять, к примеру, единый банк информации: там же хранятся почти все знания, накоп-

ленные человечеством за многие тысячелетия. А ещё есть Ассистент, имплант, который подводит информацию единого банка прямо к мозговым синапсам носителя и порой даже преподносит её как личные воспоминания. Люди набивают свои мозги статьями из облака ежедневно, ежеминутно, иногда даже не осмысливая скачанное. Обновил персональное хранилище – и всё, “я в курсе последних событий”.

Нет, никто не говорит, что имеет место чудовищная, всеобъемлющая ложь, просто если бы составители банка вдруг захотели прибегнуть к обману, у них бы наверняка получилось. Но вряд ли стоит из-за этого переживать. Ведь и раньше обманывали, утаивали, манипулировали фактами – века напролёт, из эпохи в эпоху. Просто при нынешнем технологическом уровне делать всё это значительно проще. Ведь если подумать, сейчас можно пропихнуть на страницы истории – или наоборот, вырезать оттуда – любое событие, достаточно лишь придать результату налёт правдоподобности и залить на сервер. Разумеется, при склейке где-то могут остаться огрехи, которые не ускользнут от дотошного взгляда мирового сообщества. Вокруг ошибочной статьи тут же повиснут тонны комментариев от обеспокоенных пользователей: “Как же так, у меня совсем другая информация!” На что владельцы сервера преспокойно ответят: “Информация, полученная вами ранее, ошибочна, за это приносим свои извинения. Верить нужно тому, что написано сейчас”. Кто же не поверит столь авторитетному источнику? Встревоженный

пользователь успокоится, а если нет – заглянет в смежные статьи и убедится в том, что теперь факты и вправду сходятся. Выявлять нестыковки в писаной истории – долг любого сознательного гражданина, делать это можно и нужно. А переживать... переживать не стоит”.

Бутылёк рома показал дно, а Этингеру так и не удалось избавиться от ощущения, что он попал в худший свой кошмар. Мутный взгляд упал на открытый бар, где стоял непочатый бурбон. Пить больше не хотелось, но как будто было необходимо. Рун взял бутылку, упал на диван, включил развлекательный канал. Смысл происходящего на экране сначала улавливался, потом постепенно смазался, поблёк; стеклянные глаза тупо пялились в мельтешение объёмных фигур, лишь изредка опускаясь проверить, сколько осталось в бутылке.

Рука механически поднималась, горлышко ударяло по зубам, и по языку тёл жидкий огонь, который, казалось, растворял в себе все внутренности. Совсем скоро плавающий в алкогольном супе мозг не выдержал и отключился – чего Рун как раз и добивался.

12

Утром, несмотря на жесточайшее похмелье, Этингер почувствовал себя лучше. Как это обычно у него бывало, внезапно накотившее уныние так же быстро ушло, оставив по-

сле себя лишь гадкое послевкусие стыда за вчерашнюю слабость. Рун выпил антипохмельное средство, за каких-то полчаса поставившее его на ноги, и, глубоко вздохнув, отправился на работу.

Конечно же он не собирался делиться вчерашней находкой с Флагстадом – уж лучше признать, что переоценил свои силы. Тем более, что за провал могли уволить (без каких-либо вложенных смыслов), а большей удачи историк себе и представить не мог. Поэтому всё утро он с удовольствием валял дурака, размышляя о перепланировке своей лондонской квартиры и терзаясь вопросом: нужна ему отдельная кухня, или же стоит объединить её с гостиной?

Ближе к обеду Рун через корпоративный мессенджер оставил сообщение Амине и направился в столовую. Там они и встретились: Канзи выглядела слегка удивлённой, хоть и старалась не подавать виду.

– Есть планы на вечер? – сходу спросил Этингер.

– Смотря какие планы ты хочешь мне навязать, – уклончиво ответила хакерша.

– Хотел пригласить тебя на ужин. Прогуляться, поболтать... Расслабиться, в общем.

– Неужели? – Канзи улыбнулась и заправила прядь за ухо. – С чего вдруг?

– Мы давно собирались нормально пообщаться, – Рун пожал плечами. – Сколько можно тянуть?

– Подожди-ка, – Амина хитро прищурилась. – Это что,

свидание?

Этингер развел руками с видом “а что же ещё?” и спросил:

– Так ты идёшь?

– Ну, отшить тебя я всегда успею, – Канзи небрежно склонила голову набок.

Румянец при этих словах пробился даже сквозь её природную смуглость. Рун это заметил, но решил не заострять на этом внимание и принял игру:

– Звучит многообещающе. Ты каждое свидание начинаешь с подобных фраз?

– Нет, ты нарвался на эксклюзив. Нравится?

– Главное, что прозвучало как “да”. Ну так что, в семь?

– Да, нормально. У тебя какие-то конкретные планы?

Рун многозначительно улыбнулся и ответил:

– Пусть они пока побудут при мне.

Вечером он ждал её на крыльце дома-отеля, гладко выбритый, в выходной одежде, нацепленной слегка небрежно – как и полагалось в подобных случаях. Проверил коммуникатор: без пяти семь. Рун давно не ходил на свидания, но чувствовал себя уверенно. Общение с противоположным полом всегда давалось ему легко, а тут ещё и спутница подобралась давно знакомая, так что неловкости и вовсе были исключены заранее.

Амина вышла с небольшим опозданием, одетая в белое платье, напоминающее греческую тогу, но более утончённое

и пошитое на современный лад. Волосы Канзи собрала на затылке и пустила вниз несколькими отдельными локонами. От ушей к плечам тянулись длинные тонкие кристаллы сережек, которые изящно покачивались при ходьбе. Этот образ настолько выбивался из представления Руна об Амине, что он непроизвольно окинул её оценивающим взглядом с головы до ног.

– Никогда не видел тебя такой женственной, – сказал Этингер, не сводя глаз со спутницы. – Я восхищён.

– Спасибо, – отозвалась Канзи и вымученно улыбнулась.

– Что-то не так?

– Просто немного устала. Итак, куда мы теперь?

Вместо ответа Рун подставил спутнице локоть, и когда она приняла приглашение, они неспешно направились по дороге к монорельсу.

По пути Этингер пытался развлекать Амину разговорами, но она была до неприличия рассеянная и толком не поддерживала ни одну из тем. Рун даже подумал, что так на неё повлияла атмосфера свидания, хотя сам в эту версию не верил: Канзи никогда не отличалась робостью. Она периодически оглядывалась, резко дёргая при этом головой, от чего её волосы перелетали на плечо, и каждый раз Амина машинально отбрасывала их назад. На взгляд историка она уж слишком нервничала.

Они сели в скоростной “первый класс”, идущий в Кемпер. Едва они вышли с вокзала, как начал накрапывать дож-

дик, поэтому запланированную прогулку вдоль набережной пришлось коротать в крытой беседке, из которой открывался вид на естественное водохранилище. Так вышло даже лучше: в определённый момент закатное солнце вынырнуло из-за сгустившихся над городом туч и повсюду расплескало золото. Водная гладь тут же превратилась в переливающуюся парчу, все светлые поверхности приобрели оттенки от лимонного до апельсинового, а редкие капли дождя, попадая в почти горизонтальный луч, вспыхивали точно крохотные искорки. На улице было полно других людей, но все они или шли куда-то, или просто гуляли, и будто совсем не замечали пару, пристроившуюся на скамейке под округлым навесом.

В девять Этингер привёл спутницу в кафе, где заранее забронировал столик. Они не торопясь ели, пили вино и говорили о ерунде. Рун совершенно не думал о том, чтобы произвести впечатление – им с Аминой было так комфортно в компании друг друга, что любые романтические игрища выглядели бы выхолощенными и натужными. Канзи после прогулки немного расслабилась и искренне смеялась над шутками Этингера; тот в свою очередь с удовольствием слушал рассказы Амины и сам звук её голоса, иногда даже не особо вдаваясь в предмет разговора – всё равно ведь память сохранит каждое слово...

Уже затемно они, изрядно повеселевшие, вышли из кафе и снова пошли гулять. Амина раскраснелась и в глазах у неё запрыгали чёртики, а Рун подумал – как это здорово, как это

кстати, что они решили выбраться в мир именно сегодня. Он сказал, что у него появилась хорошая идея и повлѣк спутницу за собой. Та и не подумала сопротивляться, но начала допытываться – что же за идея такая? Рун, хитро улыбаясь, отвечал только: “Сама увидишь”.

Вскоре они ввалились в неприметный полупустой бар, где на стенах висели старые деревянные щиты, а за стойкой стоял бармен с густой, но опрятной бородой. К удивлению Амины они прошли и мимо него, и мимо всех столиков, а зашли в дверь с явно рукописной надписью “Have fun!”

В небольшой комнатушке стояли две лежачих кабинки – по аналогии с солярием, но с VR-шлемами и без ламп.

– Ого! – воскликнула Амина, едва не повиснув на плече Руна. – Да ты проказник! Не ожидала от тебя такого на первом свидании.

– А ты против?

– Ещё чего, – Канзи первой схватила виртуальный колпак. – Давай посмотрим, на что ты годишься.

Рун усмехнулся, повернул ручку на двери (индикатор тут же изменился на “занято”) и тоже лёг в кабинку. Едва он надел шлем и подключил нейронный интерфейс, из торцов “койки” поднялись ограничители – чтобы в процессе симуляции человек ненароком не свалился на пол.

Эти кабинки, изначально названные флекси-симами, появились на рынке в середине прошлого века, и поначалу служили исключительно ради психоразрядки. В те време-

на нервное истощение из-за перегруженности информацией было обычным делом – особенно в густонаселённых массах – и так как далеко не каждый мог позволить себе ежедневно выбираться в глушь, чтобы отдохнуть от скоростей городской жизни, народ скупал эти симуляторы. Нейронный интерфейс позволял перемещаться куда угодно и делать что угодно, не выходя из комнаты и вообще не вставая с места. Виртуальная реальность на лету подстраивалась под любую прихоть пользователя, что позволяло быстро сбросить напряжение.

Потом человечество догадалось искусственно ограничить и нормировать информационное воздействие, и популярность флекси-симов пошла на убыль. Появились более современные симуляторы с технологией псевдоприсутствия. Устаревающие морально и технически флекси-симы несколько раз переиначивались под разные цели – некоторые модели даже использовались для подготовки астронавтов – но со временем все они отправились на свалку истории.

Только одна модификация устройства столетней давности до сих пор находила какое-никакое применение. Её-то в народе и называли “койкой”. Суть была в том, чтобы соединить между собой два или больше флекси-симов, дабы их пользователи могли находиться в одной симуляции. И чаще всего это делалось во имя максимально реалистичного виртуального секса.

В раннем студенчестве Рун, пытаясь вписаться в новую

компанию, многое повторял за университетскими приятелями, а потому с принципом работы “койки” был знаком не понаслышке. Амина, судя по всему, тоже не впервые пользовалась нейронным интерфейсом флекси-сима; они быстро отрегулировали настройки симуляции и нетерпеливо нырнули в неё, затаив дыхание, точно искатели жемчуга – в море.

...Прямо по центру большой полутёмной комнаты стояла огромная квадратная кровать с балдахином. В углах тускло поблескивали зеркала, отражая свет сотен свечей. Здесь не было ни окон, ни дверей; вместо потолка в высоте застыл насыщенный звёздами и цветными туманностями космос.

Они оба были почти без одежды. Амина стояла напротив в одном лишь чёрном пеньюаре, который облегал её тело подобно тонкой дымке. Рун привлёк женщину к себе, обнял за талию, запустил руку в распущенные волосы – стараясь двигаться так, как если бы всё это было на самом деле.

– Даже не верится, – прошептал он, – что симуляция может быть настолько приятна.

Канзи хитро улыбнулась, приблизила свои губы к его губам, но не коснулась их, дразнясь. Рун попытался вырвать поцелуй, но Амина кошачьим движением уклонилась, уткнулась куда-то в сторону; после непродолжительной борьбы она упёрлась руками в грудь Этингера, с силой толкнула – и тот оказался сидящим на кровати.

Руну стало душно в собственном теле, но он недвижимо наблюдал за тем, как Амина медленно приближается, осво-

бождаясь от последней одежды. Нетерпение жгло его изнутри, кровь словно превратилась в раскалённый металл; Этингер знал, что видит лишь виртуальную копию, которая внешне немного отличается от оригинала, а тактильно вовсе ему не соответствует, но всё равно пожирал её глазами с жадностью первооткрывателя. Он и не подозревал, что может *так* хотеть человека, которого до недавнего времени даже не воспринимал всерьёз.

Мягким толчком Амина повалила Руна на спину, скользнула по нему, прижалась всем телом и, более не избегая его рук, промурлыкала на ухо:

– Самое приятное ещё даже не началось...

13

Они нежились в статичном море простыней и любовались звёздами. Балдахин за ненадобностью убрали, потушили свечи и камин, выключили все звуки окружения и слушали тишину. Симуляция не позволяла получить физическое удовлетворение, но со своей прямой задачей – доставить удовлетворение моральное – справлялась вполне.

Рун лежал на спине, голова Амины лежала у него на груди, и он жалел, что не может здесь почувствовать запах её волос. Странное было ощущение: Этингер надеялся, что всё случившееся в симуляции повторится в реальности, но категорически не желал в эту самую реальность возвращаться.

От одной только мысли о мире, где существует “Хронос” и всё с ним связанное, историка охватывала тоска.

Однако идея остаться в симуляции навечно ему тоже не нравилась.

– Думаю, свидание можно считать успешным, – сказала Амина, не сводя взгляда с искусственного космоса.

– Пожалуй, – задумчиво согласился Рун. – Но пока мы здесь, нужно ещё кое-о-чём поговорить.

Канзи помолчала и, вздохнув, отозвалась:

– Я знала, что должно быть что-то ещё.

Историк боялся услышать в её голосе разочарование или хотя бы удивление, но услышал только усталость.

– “Койки” изолированы от внешней сети, – пояснил он. – Если за нами следят, только здесь нас не могут слышать.

– Ты это заранее спланировал? – хакерша даже не повернулась.

– Да.

Ещё один вздох.

– Умно.

– Надеюсь, это между нами ничего не меняет? – добавил Рун поспешно. – Я тебе клянусь, всё получилось так хорошо не потому, что я спланировал. Всё было настоящим, я...

– Эй, – Амина приподнялась и повернулась, чтобы заглянуть Этингеру в глаза. – Ты поступил очень умно. Правда. Мне такое даже в голову не пришло. Просто... у меня тоже есть что рассказать. Но начинай ты.

Рун немного успокоился – больше всего на свете он не хотел, чтобы Амина посчитала их свидание фальшивым, потому что сам он никогда не чувствовал себя более полным и подлинным, чем в этот день. Во всяком случае так ему казалось.

Они сели друг напротив друга и Рун рассказал о том, что узнал о Сириусе-1. О том, что известно всем и о том, что показал “Хронос”. Историк пытался оперировать фактами, но чувствовал, что самими формулировками выдаёт свою предвзятость. Он умолчал о всех своих выводах, но они и так просочились между строк.

Лицо Амины по мере повествования всё сильнее каменело. Прежде чем Рун успел договорить, она спросила:

– Думаешь, это не первый случай? От нас что-то утаивают?

– Не знаю, – Этингер помотал головой. – Может, это вообще ошибка “Хроноса”...

– Да брось! Сколько ты видел ошибок на снимках? Вот то-то же... – хакерша в задумчивости закусил губу. – Может, новость просто прошла мимо нас?

– Я проверил. Все источники твердят одно и то же. Сириус-1 цел и функционирует.

Амина потрясённо молчала, переваривая услышанное. Этингер чувствовал себя отвратительно – потому что лишил подругу блаженного неведения, а заодно и покоя. Но лгать ей или умалчивать правду было выше его сил. Он понимал

смятение Канзи: весь мир давно привык доверять средствам массовой информации. За последний век это доверие стало таким же фундаментальным, как уверенность в том, что за днём следует ночь; сомневались только такие опытные параноики, как Рун.

– Нет, тут где-то ошибка, – Амина потрясла головой, словно пытаясь вытряхнуть оттуда крамольные мысли. – Мы что-то не учли.

– Я тоже на это надеюсь. Но подумай – ведь за такие тайны вполне могут убить. Если Крипалани узнал о таком грандиозном обмане и оказался слишком честным, чтобы молчать...

– Просто если это правда, – Канзи выглядела совсем по-детски растерянной, – то правды нет. Если это правда, то всё остальное – ложь.

Этингер обнял её, потому что не знал, что ещё сказать. Он и сам бы с радостью забыл о том, что увидел. Потому что для жителя безоблачной утопии резкий переход в антиутопию сравним разве что с падением в ад.

– Нам нужно уехать, – сказал Рун. – Бросить эту работу и улететь на другой край света. Пусть сами разбираются с “Хроносом”. Лично я больше не хочу в этом участвовать. От него одни беды.

– Было бы здорово, – тихо отозвалась Амина. – Но не получится.

– Думаешь, нам не дадут уволиться?

– Может и дадут. Но, видимо, моя очередь рассказывать...

Сегодня мне в ящик подкинули записку.

“Это не к добру”, – подумал Рун, но вслух спросил:

– И что в ней?

– В ней кусочек кода эксплоита, который я использовала при взломе базы “Миллениума”, и приписка: “Кажется, это твоё”.

Повисла тишина.

Такого Этингер не ожидал. Их с Аминой положение ухудшалось со скоростью падающего в гравитационный колодец метеорита. И всё же паниковать пока было рано.

– Тебя явно провоцируют, – сказал историк. – Видимо, ждут поспешных решений.

– Вот поэтому и нельзя увольняться, – вздохнула Канзи. – А если мы просто исчезнем, за нами тотчас спустят псов. И уж эти-то ребята нас даже из под земли достанут...

Рун помолчал, лихорадочно прикидывая варианты.

– А если такие письма разослали нескольким людям? Что-бы посмотреть на реакцию.

– Может быть. Я бы на месте службы безопасности “Миллениума” так и поступила. Но тогда стоит хоть кому-то обмолвиться о таком письме, и блеф раскроется, а рыбка ускользнёт. Мне кажется, дело не в этом.

– А в чём тогда?

Амина поёжилась, и Рун обнял её крепче.

– Я весь день об этом думаю. Если честно, понятия не

имею, зачем мне это прислали. Но я почти уверена, что это не “Эйдженс”. То, как всё это сделано – записка в почтовый ящик, без подписи, без требований, тайком...

– Синклер?

– Больше никому. Весь научный центр переполошили, да ещё и взлом базы на него повесили. Ему это, ясное дело, не понравилось – вот он и пытается обратить ситуацию себе на пользу.

– И это не шантаж. Он просто пугает тебя, даёт понять, что ты в его руках. Будто морально готовит к чему-то. Да, пожалуй это Синклер. Наверное, планирует тебя завербовать. Хакер, способный взломать “Миллениум” явно не помешал бы тем, на кого он работает.

– Мы не знаем кто он и на что способен. Вполне может быть, что он сам хакер не хуже. Ведь как-то он достал этот фрагмент кода.

– Достать код – не то же самое, что им воспользоваться. Нет, он не в состоянии самостоятельно взломать базу. Ты точно ему нужна – иначе бы он просто сдал тебя, выдав за себя, и обеспечил себе тем самым спокойствие.

Канзи задумалась.

– Наверное, ты прав, – она склонила голову на плечо Руна. – Но легче-то не становится. Чего вот ему надо? И что теперь делать мне?

– Не бояться. Делать вид, будто не было никакой записки. Пусть отправитель сам делает ход, раз не назвал. Зато если

кто-то заговорит с тобой об этом...

– ... то это либо ещё один получатель, либо сам отправитель. Да, понимаю. Но знаешь, что? Теперь я точно знаю, что этот таинственный некто делает ход. И боюсь, что странства для манёвра он мне больше не даст.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал Этингер.

Сказал, хотя придумать ничего не мог. И не представлял, что может сделать он – обычный человек на обычной должности, от которого ничего не зависит. Особенно если учесть недавние открытия... Рун знал только одно – их с Аминой уже затянуло на опасную глубину, и если совсем ничего не делать, затянет ещё глубже. И тогда непременно раздавит.

До принудительного свёртывания симуляции оставалось еще полтора часа, поэтому они снова забрались под одеяло. Даже говорить не хотелось – слишком уж угнетали перспективы. Поэтому они просто лежали молча, обнявшись.

– Как же мы дошли до всего этого? – спросила Канзи, словно размышляя вслух. – Прячемся в симуляции, чтобы иметь возможность открыто поговорить. А ведь пару недель назад и мысли такой не возникало! Как быстро всё встало с ног на голову...

Рун молчал. Он знал, что Амине страшно – и ему тоже было страшно. Он тоже не понимал, как можно было дать затянуть себя в эту интригу. Но чтобы ещё больше не расстраивать подругу, старался быть храбрее, чем есть.

– Есть вещи, которые от нас не зависят, – сказал Этин-

гер. – Куда приведёт нас кривая времени, например. Ты уж мне поверь как историку, лучше об этом не переживать. Время – оно как железная дорога. Будущее впереди, прошлое – позади, а настоящее – это несущийся на всех парах поезд, никем не управляемый. Мы все сидим в вагонах и не можем ни остановить состав, ни даже замедлить его. Только весело несёмся навстречу неизвестности... А однажды спрыгиваем с него. Прямо на полном ходу. И остаёмся лежать на обочине прошлого, пока настоящее уносит остальных всё дальше и дальше в туман...

– Как-то мрачновато. Неужели ты правда всё так и воспринимаешь?

– Нет. Я предпочёл бы что-то более оптимистичное, – Рун задумался и добавил: – Наверное, в этом и есть моя беда.

За всеми этими тревожными разговорами веселье и романтика утекли, как песок сквозь пальцы. Поэтому всю дорогу домой они оба молчали. Не так Рун хотел, чтобы заканчивались его свидания, но выбирать не приходилось. Глядя, как мелькает за окном вагона ночная люменисценция, он дал себе обещание, что если они выберутся из передраги – лишь бы только выбрались! – он костыми ляжет, но сделает так, чтобы Амина рядом с ним улыбалась.

Этингер проводил подругу до её номера, они обнялись на прощание, и Рун уже развернулся, чтобы уйти к себе, как вдруг услышал тихое:

– Может, останешься сегодня со мной?

Он обернулся: Амина смотрела на него так, словно сама не верила, что это сказала. И всё же под смущением и досадой Рун отчётливо разглядел умоляющий взгляд маленькой напуганной девочки. Если бы он не согласился, она бы не обиделась. Если бы он думал слишком долго, она бы сама отказалась от своих слов. Но он ответил:

– Конечно. Я останусь.

И получил в награду вздох облегчения.

На этот раз они легли вместе по-настоящему, но Руну всё равно казалось, что это уже не впервые. Раньше в такие моменты он волновался, а теперь будто вернулся к чему-то давно знакомому, изначальному. Большую часть жизни Этингер прожил один и не привык делить постель с кем-то ещё, но именно в ту ночь вместе с Аминой он, даже несмотря на тревогу и подавленность, спал как убитый.

14

Они проснулись ни свет ни заря.

Открыв глаза, Рун увидел совершенно новую Амину Канзи: босую, в халате, с чуть растрёпанными волосами и кружкой в виде мультяшного осьминога в руке. От горячего кофе глаза осьминога крайне забавно выпучились и покраснели; прихлёбывая из своей кружки, Рун косился на него и думал, что эта детская вещичка ну никак не вписывается в его

представление об Амине, и что за последние сутки хакерша предстала перед ним в большем количестве ипостасей, чем за всё их прежнее знакомство.

Словно на фоне рушащегося старого мира, прогнившего и лживого насквозь, Этингер открывал для себя новый – маленький и тёплый, существующий только вокруг определённой женщины. Казалось, отойди чуть подальше – и краски этого уютного мирка померкнут, растворятся в безграничности Вселенной, и тогда дорогу назад придётся искать наощупь. Сейчас же Рун просто сидел на этом крохотном островке жизни и ему очень нравилось место, где он нечаянно оказался.

Они сидели вдвоём на кухне, потягивая крепкий кофе, и в утренней тишине их рыхлые, сонные голоса звучали как нельзя кстати. За окном рассвет высвобождал Францию из мягких объятий ночи, просыпались птицы. По тянущейся в отдалении нити магистрали поехали первые машины. В умирающих сумерках постепенно меркли габаритные огни ветряных электростанций. Мир стряхивал с себя сонное оцепенение и готовился к очередному дню, а Рун и Амина глядели в окно и тихо, не торопясь говорили о чём угодно, лишь бы не о том, что будет дальше. Если бы время вдруг дало сбой и зациклилось на одной минуте, никто из них бы даже не удивился, потому что казалось, что это утро может и должно длиться вечно.

Но оно всё же заканчивалось. Рун, увидев первые лучи

солнца на верхушках деревьев, вдруг понял, что ему нужно зайти к себе и переодеться, прежде чем идти на ненавистную работу. Амина захлопотала по дому, занимаясь тем, что за- просто можно было доверить домРоботнику: мыла посуду, наводила порядок, переставляла голограммы на полке... Когда она достала из чулана чистящее средство, Этингер понял, что пора вмешаться. Подошёл, приобнял за плечи и сказал:

– Всё будет нормально. Нам просто нужно взять себя в руки и сделать всё правильно.

– А как правильно-то? – Амина опустила голову. – Как?

– Вести себя как ни в чём не бывало. Делать свою работу. Это ведь мы можем, правда?

Канзи, вздохнув, кивнула.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Рун, дивясь собственному спокойствию и бесстрашию. – Если не будем паниковать, что-нибудь обязательно придумаем.

И, сказав эту ободряющую чушь, он сам в неё поверил.

Когда Этингер уже вышел из квартиры, Амина высунулась и чмокнула его в щёку; Рун снова улыбнулся ей, и только после того как дверь закрылась, увидел, что по коридору идёт Юрий Воронцов, который жил в соседних апартаментах.

Тот, судя по понимающей полуулыбке, всё видел, но комментарии оставил при себе и только сдержанно поздоровался, когда они поравнялись. Правильно сделал – Этингеру было плевать, что он подумает, а вот привычку не лезть в чужие

дела историк в людях ценил. Они вместе прошли к лестнице и когда спустились, Юрий, словно решив заполнить паузу, вдруг спросил:

– У вас тоже нет хороших новостей? По “Хроносу”.

– Нет, – сказал Рун, останавливаясь возле своей двери. –

А что?

– Совсем никаких зацепок в слепках?

У историка тут же пересохло во рту.

– Нет, – ответил он. – Если бы что-то было, я бы сказал.

Что-то случилось?

Воронцов разочарованно цыкнул зубом и вздохнул.

– Не знаю, насколько это правда, – сказал он хмуро, – но ходят слухи, что наш проект не прошёл внутрикорпоративный аудит. Сейчас его судьбу якобы решает совет директоров.

– Вот это новости! – ахнул Рун. – И какие у нас перспективы?

Брови Юрия сошлись, лицо окаменело – Этингер отметил про себя, что в покер этот русский, должно быть, играет очень плохо. Любая эмоция запросто просачивается наружу.

– Ну, мы все запросто можем вылететь с работы в ближайшее время, – инженер сердито дёрнул плечами. – Нас разгонят, а в графе “предыдущее место работы” у всех будет красоваться дырка. Потому что разработка “Хроноса” так и останется тайной. А нам нельзя будет даже говорить о том, как так, мать его, вышло. Трудновато будет найти нормаль-

ную работу с такой хернёй в личном деле.

– И насколько это... точная информация?

– Пока только слухи. Но в свете последних событий не удивлюсь, если проект решат перезапустить или вовсе закрыть.

– Да, – согласился Рун. – Мне тоже приходило в голову такое. Всё-таки долгое топтание на одном месте плохо сказывается на финансировании, да и взломы систем ещё никому на пользу не шли.

– Вот и я о чём, – кивнул Воронцов. – Прорыв нам бы сейчас совсем не помешал.

– Ну, что ж, будем стараться изо всех сил! – подвёл черту Этингер, открывая дверь в квартиру. – До встречи в Центре.

– Угу, всего хорошего, – пробубнил Юрий и направился к выходу.

Рун посмотрел ему вслед и поспешно скрылся за дверью.

Он знал, что верить Воронцову не стоит – тот вполне мог оказаться шпионом, способным на любую ложь. Даже если кажется, что человек прямой, как лазерный луч, нельзя быть уверенным, что это не роль талантливой лицедеи. Куда более важными оказались две мысли, пришедшие в голову Руна во время разговора.

Первая, разумеется, заключалась в том, что “Да хоть бы этот треклятый проект закрыли ко всем чертям!”. Уж кто-кто, а историк точно не расстроился бы. Раньше он о таком исходе только мечтал, а теперь, с подачи Юрия, начал на него

надеяться. В их с Аминой положении перспектива оказаться без работы вообще не выглядела хоть сколько-нибудь пугающей. Наоборот – это был наименее болезненный исход из всех возможных.

Вторая же мысль, скользкая и неприятная, как угорь, задела в мозгу прочнее, чем первая. Рун вдруг понял, что заказанные им слепки увидел не только он. Это значит, что любой, кто открыл третий файл, тоже мог заметить новость о Сириусе-1, скользющую по экрану. И если это произошло, то молчание Этингера о такой важной детали будет выглядеть подозрительно. Получалось, что у него не осталось выбора, кроме как вытащить эту чудовищную ложь на свет божий.

Стоя под прохладными струями душа, Рун пытался продумать дальнейшие свои ходы в этой шахматной партии, но всюду наткнулся на угрозу мата. Он не рассчитывал на то, что всё разрешится само собой. Он полностью осознавал, что только от него самого зависит дальнейшая судьба его и той, что живёт этажом выше. Этингер старательно не падал духом и давил в себе чувство беспомощности, которое накатывало всякий раз, когда он вспоминал о диссидентской участи Арджуна Крипалани. С большим трудом, но Рун всё же сохранял ясность рассудка, однако на это уходили все силы. На изобретение какого бы то ни было плана их уже не хватало.

Да и что можно было придумать? “Эйдженс”, этот громадный монстр, слишком многолик, слишком обезличен, чтобы иметь жалость. В его подземельях – таких, как “Миллени-

ум” – миллионами умов и рук куётся будущее – красивое и, несомненно, светлое. Никто не станет останавливать флагман прогресса ради нескольких чудаков, что случайно или умышленно оказались у него на пути. И было бы странно, если бы кто-то попытался – что же это за прогресс такой, стоящий на месте? Нет, прогресс не остановить... А для тех, кому не повезло, есть два ёмких, всё объясняющих слова: “сопутствующий ущерб”.

По дороге в “Миллениум” Рун не мог отделаться от ощущения, что добровольно спускается в утробу механического чудовища. Туда, где нет места тонким душевным переживаниям и свободным взглядам. Где всё человеческое обрезается по стандартам целесообразности и эффективности. Туда, где в клубке силовых кабелей и трубок покоится металлическое сердце идеальной кубической формы, наполненное не пустотой даже – антивеществом, противным каждому атому этой вселенной. Историк чувствовал себя бесконечно ничтожным и наивным на фоне этого искусственного совершенства, воплощения порядка, не знающего человеческих слабостей, но понимал, что этими слабостями он и лучше равнодушной машины. И потому не собирался сдаваться.

Вежливо улыбаясь и отвечая на приветствия, Рун прошёл в свой отдел. В кабинете сидел его штатный коллега Рэми Гренье. Тихо поздоровавшись, на что второй аналитик даже не отреагировал, Этингер опустился в соседнее кресло.

У Рэми были мощные надбровные дуги, широкий рот и на

диво острый нос, что вкупе с небольшим ростом придавало ему поразительное сходство с каким-нибудь фольклорным гоблином. Сейчас этот гоблин сидел сгорбившись и, выпятив в задумчивости нижнюю губу, всматривался в стереоэкран. Рун мгновенно узнал снимок: он просматривал его уже дюжину раз и ничего интересного не нашёл. Похоже, Гренье получил по шапке за безделье и теперь просто создавал видимость работы. Во всяком случае таким сосредоточенным и вообще работающим историк застал его впервые.

Рун открыл на втором экране снимки, которые просматривал накануне, и тоже начал изображать мыслителя. То, что в кабинете он оказался не один, слегка раздражало. Этингер и так не мог сосредоточиться, а сидящий почти вплотную незнакомец никак этому процессу не способствовал.

Стараясь не обращать внимания на соседа, историк проработал чуть больше часа, пока Рэми не отлип от своего экрана. Странно посмотрев на Руна, аналитик поднялся и молча покинул кабинет.

Этингер тут же запустил внутренний мессенджер “Миллениума” и открыл чат с Флагстадом.

“Здравствуйте. Я нашёл кое-что странное на одном из снимков. Думаю, вы первый захотите на это взглянуть. Жду вас в своём кабинете”.

Отправив сообщение, Рун со вздохом откинулся в кресле. Первый шаг он сделал, так что пути назад уже не было. Он специально не стал вдаваться в подробности: историк хотел

заинтриговать Флагстада, чтобы тот подумал, что произошло нечто действительно важное. Этого от Руна и ждали: что в случае чего он не станет поднимать тревогу, а просто донесёт обо всём начальству.

Через несколько минут Флагстад прочёл сообщение и ответил: “Иду”. Этингер тем временем выкатил снимок в комнату с проекторами и мысленно повторил всё, что должен был сказать. “Главное – держаться как можно естественнее, – сказал он сам себе, глубоко дыша. – Притвориться, что не притворяюсь”.

Глава проекта вошёл и затворил дверь. Рун, поднявшись с кресла, пожал ему руку. Веки Флагстада снова так и норовили сомкнуться, но взгляд при этом каким-то чудом сохранял цепкость.

– Итак, в чём... дело? – сказал физик, на последнем слове коротко зевнув.

– Идёмте, – Этингер подошёл к стеклу смотровой. – Признаюсь, я не сразу заметил этот огрех. Выглядит всё так, будто настоящее, поэтому если не знаешь, куда смотреть, аномалия и не заметна...

– О какой аномалии речь?

– Да вот же, – Рун махнул в сторону информационного табло. – Сама новость, вчитайтесь.

Флагстад вчитался. Его брови чуть сошлись, а лицо даже немного оживилось удивлением.

– Я думаю, это какой-то дефект “Хроноса”, – продолжал

историк. – Сами понимаете, такой новости просто не могло быть, она абсурдна. Ручаюсь, “Свободная информация” не выпустила бы её даже по ошибке.

– Так что же это тогда по-вашему? – Флагстад колюче посмотрел на Руна. – Случайный набор символов?

– Определённо нет, – Этингер смущённо улыбнулся. – Но я не могу сказать точно, откуда эта строка взялась на снимке эпизода двухлетней давности. Я не физик. Вероятно, о таких артефактах стоит спросить технических специалистов.

– Я сам – технический специалист, – возразил Флагстад. – И у меня тоже нет версий. Невозможно представить сбой, при котором участок пространства генерируется сам по себе, да ещё и с такой точностью.

– Что ж, я могу ошибаться насчёт “Свободной информации”... – Рун развёл руками. – Тогда стоит проверить, проходила ли такая новость, но отсюда я это сделать не могу. Сами понимаете...

В этот момент в кабинет вернулся Рэми. Столкнувшись взглядом с Флагстадом, носатый аналитик смешался, вспотел, поздоровался и так глубоко залез в своё кресло, словно намеревался в нём спрятаться. Этингер невольно отметил, что на фоне Гренье держится просто отлично.

– Я понимаю, – кивнул физик, снова повернувшись к смотровой.

На несколько секунд в кабинете повисла тишина, нарушаемая только сопением Рэми. Руководитель проекта выглядел

по-настоящему озадаченным, из-за чего Этингеру подумалось: не может быть, чтобы главный инженер “Хроноса” не знал о махинациях с информацией. Выше него в “Миллениуме” сидел только директор, Оуэн Ламберт, который отчитывался напрямую совету директоров “Эйдженс”. Такие люди уже наверняка должны быть посвящены во многие тайны.

Неужели нет никаких тайн? Неужели эта новость о Сириусе-1 – и впрямь результат какого-то дефекта устройства, порождение цепочки ошибок инженеров и наладчиков?

– Кто ещё это видел? – спросил Флагстад.

– Пока только я, вы и теперь ещё... – Рун с сомнением посмотрел в сторону Гренье.

– Это хорошо... – пробормотал физик, словно думая вслух, и тут же заговорил громче: – Мы повторим этот снимок, попытаемся воспроизвести проблему. В ближайшие дни теоретики проверят все вероятности получения такого результата. Киберотдел шерстит все метаданные, связанные с этим опытом. Инженеры перепроверят сам Куб. Словом, ищем причину этого дефекта. Ваша задача пока что – снова пройтись по уже имеющимся данным на предмет подобных аномалий. Рэми, вас это тоже касается. Доктор Этингер вам всё объяснит.

– Да-да, конечно! – отозвался Гренье, не поворачивая головы. – Я только закончу тут...

– Потом закончите, – отрезал Флагстад. – Сейчас у этого дефекта наивысший приоритет.

– Хорошо...

– Рун, – глава проекта повернулся к историку. – Жду от вас подробный отчёт по этому делу.

– Он будет, – кивнул историк.

Флагстад, не прощаясь, вышел. Этингер растерянно посмотрел ему вслед.

Реакция руководителя оказалась не такой, какую он ожидал. Если бы Флагстад знал о подмене новостей, он попытался бы замаять эту историю, а для Руна придумал бы невразумительное научное объяснение, чтобы тот не копался там, где не надо. Значит, либо Флагстад не знает, либо нет никакой подмены.

В первом случае нужная информация дойдёт до главы проекта после того, как он доложит о найденной аномалии наверх. Это должно случиться довольно скоро – скорее всего в течение недели. Его убедят помалкивать о произошедшем и пресекать дальнейшую утечку. Тогда “дефект” наверняка спишут на недоразумение, в крайнем случае найдут козла отпущения.

Во втором случае это вовсе не “дефект”, а и впрямь дефект, и его попытаются исправить. Как ни странно, этот вариант даже больше похож на правду, потому что Флагстад, увидев невероятную новость на экране, явно взволновался. Здесь тоже есть две возможности.

Первая – Юрий сказал правду, и проект на грани закрытия. Тогда каждый недочёт может вколотить последний

гвоздь в крышку гроба “Хроноса”. Флагстаду нужно исправить дефект прежде, чем придётся о нём доложить, чтобы не потерять должность.

Вторая – выявление причины дефекта и его исправление могут наоборот привести к долгожданному прорыву.

Как бы там ни было, вышло так, что Рун своей находкой поставил на уши весь научный центр. Вот и не привлёк внимание, называется... Оставалось только надеяться, что прорыв всё-таки случится. В этом случае выиграют все. Даже Синклер.

Кстати о нём – две кандидатуры на роль шпиона Рун для себя исключил. Амину (потому что если не верить ей, то в этой жизни вообще верить не во что), и Флагстада (потому что за него уже брались и отпустили). Остальные двести с лишним сотрудников “Миллениума” оставались под подозрением.

Этингер объяснил Рэми что искать и, борясь с желанием навестить Амину, сел просматривать слепки по чёрт знает какому кругу. Он не рассчитывал ничего найти, потому что по-прежнему считал, что “дефект” – недосмотр корпоративной цензуры, и что на повторном снимке новость о крушении Сириуса-1 сменится чем-нибудь другим, более удобным. Будь воля Руна, он бы даже не притронулся к слепкам, об которые уже глаза намозолил, но рядом сидел Гренье, которому историк не доверил бы даже дверь придержать. Пришлось работать.

С трудом дождавшись обеденного времени, Рун пошёл в столовую, но не застал там Канзи, как рассчитывал. Он даже задержался за столом подольше, надеясь, что она появится. Без толку. “Наверное, решила пообедать в другое время”. Возвращаясь в кабинет, Этингер испытывал странное чувство тревоги – как когда причин для беспокойства вроде бы и нет, но внутри всё равно ворочается что-то мутное и неприятное.

15

Около четырёх часов вечера в кабинет аналитиков ввалился красный как рак Этан Лебронн. Буркнув с порога приветствие, он сразу взял быка за рога:

– Показывайте, где тут ваши “дефекты”! – последнее слово он выплюнул, словно слизня. – Чёрт знает что творится!

Рун недолюбливал Лебронна – слишком уж тот был отталкивающий человек – а потому не стал спрашивать, что он имел в виду под “чёрт знает что”. Молча открыл нужный файл и вывел его в смотровую.

– Вот, – он указал на интересующее физика место.

Тот, прочитав сообщение, насупился ещё сильнее. Как будто видел снимок впервые, хотя наверняка уже успел посмотреть его на своей рабочей станции.

– Увеличьте этот сегмент, – потребовал Лебронн. – Да не этот! Выше который.

Этингер, стиснув зубы, повиновался. Указанный кубический сегмент промасштабировался и занял всю смотровую. В фокус попала часть информационной доски с сообщением о Сириусе-1.

– По-моему, ничего необычного, – сказал Рэми, стоящий позади.

– Не могли бы вы не мешать? – бросил физик. – Я и сам вижу, что тут всё нормально. Для того, чтобы что-то понять, нужно сосредоточиться, а вы мне мешаете. Спасибо. Рун, увеличьте соседний сегмент, тот что справа.

Картинка переместилась в указанном направлении. Теперь они смотрели на другую часть сообщения. Лебронн задумчиво покусывал верхнюю губу.

– Когда будет повторный снимок? – спросил историк, воспользовавшись паузой.

– Уже готовится. Давайте-ка ещё вправо сместимся.

В фокус попал край экрана, где сообщение обрывалось. И тут Рун заметил кое-что странное: пластик на торце информационной доски будто очень мелко пузырился или отслаивался, но ни то, ни другое было не свойственно этому материалу. Этингер увеличил масштаб до максимума.

В непосредственной близости от поверхности доски словно замерли тысячи крохотных линз, искажающих перспективу, из-за чего пластик и выглядел “пузырящимся”.

– А вот это уже ненормально, – сказал историк, инстинктивно придвигаясь к смотровому окну. – Что это?

– Похоже, диффузия, – сказал Лебронн, скрестив руки на груди. – Разнородное антивещество смешивается. Странно. Чушь какая-то...

– И что это означает? – подал голос Рэми.

– Понятия не имею. В этом центре вечно что-то не так! – физик словно по щелчку перешёл из задумчивости в своё обычное возмущённое состояние. – То базу взломают, то шпионов ловят – наукой-то некогда заниматься. Теперь ещё эти дефекты бредовые! Совсем вот не удивлюсь, если это тоже чьи-то проделки, а устройство работает совершенно нормально.

– Намекаете на то, что этот снимок – подделка? – Рун понизил голос.

– Кто знает? Тут же чёрт знает что творится, а не исследования! – физик всплеснул руками.

– А кто первый видит снимки? Ну, после их создания? Лебронн побагровел.

– Я или мой заместитель, – ответил он. – Этот делали в мою смену.

– Там было это сообщение? – с нетерпением спросил историк.

– Да не помню я! Это что, обвинение? – окрысился физик. – Вы ещё меня будете обвинять в саботаже?

“Нет, этот идиот вряд ли к чему-то причастен, – подумал Рун, тоже закипая. – Он просто бесится, потому что ему якобы приходится расхлёбывать последствия чужой неком-

петентности”.

“Или же он искусно ломает комедию, – пришла другая мысль. – Как же тяжело никому не доверять”.

– Я просто пытаюсь понять, как получилось вот это, – историк ткнул пальцем в слепок.

– Мне тоже это интересно, – буркнул Лебронн. – Странно ещё, что так называемый дефект обнаружился именно в вашей снимке. Ведь это вы его заказывали, не так ли?

“Вот же кретин”.

– Я, – согласился историк. – И это, по-моему, только доказывает, что я своё дело знаю.

Лебронн шумно засопел, явно подыскивая ещё более унижающий ответ, но то ли не нашёл его, то ли решил не тратить время на споры. Вместо этого физик развернулся и вышел, пробормотав что-то вроде “понимали умников...”. Рун переглянулся с Рэми, который с интересом наблюдал за их перебранкой, и сел на своё место.

Этингер понимал, что в его положении лучше не обзаводиться врагами, но хамство этого недовольного всем и вся брюзги вывело его из себя. Хорошо хоть удержался от того, чтобы не добавить “в отличие от некоторых” – Лебронн наверняка не простил бы такого оскорбления.

Опасаясь снова утратить контроль над собой и сболтнуть лишнего, Рун до самого вечера просидел тише воды ниже травы. К нему заходила ещё пара человек – один ай-ти специалист (к сожалению, не Амина) и один теоретик. Оба ра-

за Рун показывал слепок под увеличением, вместе с гостем пожимал плечами и продолжал работать.

Ближе к восьми он получил знакомое оповещение: “Банк экспериментальных данных пополнен”. Рун к тому времени остался в кабинете один – Рэми – уже полтора часа как ушёл – поэтому решил задержаться, чтобы подтвердить свою гипотезу.

Он открыл новый снимок и...

Увидел вместо информационной доски белое пятно. Всё остальное было как на предыдущем изображении: и зевающий Рун, и другие люди, и другие экраны, но доски с сообщением о Сириусе-1 – не было. Только пустота, зияющая точно дырка от бублика.

Этингер ошарашенно откинулся на спинку кресла. Нет, он допускал, что и пятно может оказаться поддельным. Это даже выглядело намного логичнее – скрыть неудобную информацию под белым пятном было бы идеальным преступлением. Кто отличит такое белое пятно от пятен на остальных снимках? Но тогда следовало удалить из банка данных предыдущий снимок. А тот до сих пор нахально лежал на всеобщем обозрении, никем не тронутый.

А самое главное, если принять гипотезу, что часть белых пятен созданы специально, то какой вообще смысл в таком исследовании?

Неужели это всё-таки настоящий дефект?

Рун выключил экран, понимая, что ещё немного – и его

мозг в сжиженном состоянии покинет череп через первое попавшееся отверстие. “Домой, – сказал он себе. – День пережил, и то хорошо. “Хронос” никуда не убежит, подумаю над этим завтра”.

Тогда-то он и был в своём кабинете в последний раз.

16

По дороге к выходу Этингер успел удивиться тому, как мало людей осталось в этот час на работе. Ждали пересменки угрюмые охранники, двое лаборантов катили по коридору тележку со здоровенным контейнером, один учёный шёл наполнить чайник – и больше никого. Андроиды не в счёт. Из-за искусственного освещения в “Миллениуме” царил вечный день, и если бы не часы, можно было бы вовсе потеряться во времени.

У самого лифта Рун столкнулся с начальником службы безопасности. Валттери остановился в десятке метров от спасительных дверей и с высоты своего роста, точно готическая горгулья, проводил историка взглядом. Проходя мимо, Этингер непроизвольно втянул голову в плечи и не оглядывался, пока не вошёл в лифт.

Даже когда Рун назвал этаж и дверь подъёмника начала закрываться, Валттери не сводил глаз с историка, точно собирался взглядом, как стальным прутом, заклинить створку. Когда кабина устремилась вверх, Этингер неожиданно для

себя выдохнул и передёрнул плечами, пытаясь избавиться от ощущения, что его засунули в морозилку. Что это нашло на Валттери?

Всё ускоряя и ускоряя шаг, Рун оказался в вестибюле фермы. Тут же сработал сигнал на комме – устройство покинуло радиус глушилки и теперь принимало накопившиеся сообщения. Так было всегда: чтобы написать или позвонить кому-то во внешний мир, каждому сотруднику “Миллениума” приходилось подниматься на самый верх или вовсе выходить на парковку.

Собственно, непрочитанное сообщение в этот раз оказалось только одно. От Амины.

“Как можно скорее приходи ко мне. Есть новости, надо обсудить”.

Не голосовое, не голографическое. Текстовое. Мера предосторожности – на случай, если рядом с Руном окажется кто-то посторонний.

Словно ошпаренный, историк выскочил на парковку и чуть не бегом направился к отелю. Поначалу сообщение Амины занимало все мысли Этингера, но уже на мосту, соединяющем остров с материком, что-то отвлекло его – как муха, неустанно жужжащая над головой, постепенно перетягивает на себя всё внимание.

Кто-то шёл позади. Рун оглянулся: в десяти шагах, при шаркивая, за ним следовал мужчина в рубашке с коротким рукавом, шортах и сандалиях. Фермерская шляпа, чуть

сдвинутая набок, наползала ему на левый глаз; казалось, человек просто гуляет, размышляя о своём. Но Этингер точно помнил, что видел этого типа во время вчерашней прогулки по Кемперу, и что совершенно точно ни разу не видел его в “Миллениуме”, хотя именно оттуда они оба и шли.

Это мог оказаться работник фермы, который вчера по чистой случайности оказался в том же месте в то же время, но историк больше не верил в такие совпадения. Вывод напрашивался сам собой.

“Слежка”.

Незнакомец не отставал и не догонял Руна, а между тем на дороге кроме них двоих больше никого не было. Припомнился странный взгляд Валттери; Этингер чуть не споткнулся от удивления, смешавшегося со страхом, – так нагло и напоказ за ним ещё никогда не следили. Оставалась, правда, ещё небольшая вероятность, что преследователь свернёт на перекрёстке, потому что дальше на холме ему делать нечего – там стоял только дом-отель, в котором Рун знал каждого жильца. Дорога упиралась в здание и больше никуда не вела.

Этингер миновал перекрёсток. Незнакомец не свернул.

Историк остановился, встал от солнца и сделал вид, что читает сообщение на комме. Преследователь тут же замедлился, снял сандалию, и, прыгая на одной ноге, начал искать впившийся в ступню камешек. Все движения его выглядели до того естественно, что Рун на секунду почувствовал себя идиотом. Но стоило только снова двинуться к дому, как всё

встало на свои места – незнакомец мгновенно обулся и пошёл следом.

“Это уже ни в какие ворота, – подумал Этингер, стараясь не выдать волнения. – Он ведь даже не скрывается толком. Неужели меня совсем за барана держат?”

В голове затрепыхались мысли о самообороне. Под рукой не оказалось ничего похожего на оружие, да и драчуном Рун был посредственным. Зато он по счастливой случайности знал способ испортить электронный замок. “Если что, захлопну дверь у него перед носом. А потом что? В окно сигать? А, там видно будет”.

Но преследователь не вошёл за ним – остался на улице, делая вид, что любит вид. Этингер посмотрел на него через затемнённое окно и сразу направился к Амине. Красная лампочка на ручке двери говорила о том, что дверь заперта. Рун позвонил. Лампочка, словно немного поразмыслив, зажглась зелёным. Рун толкнул дверь и увидел ещё одного незнакомца, стоящего прямо напротив.

Потом мир пошатнулся.

Цепляясь деревенеющими пальцами за ручку, которую так и не успел отпустить, Этингер сполз вниз. Перед лицом оказались матовые чёрные ботинки, топчущие мягкое половое покрытие. На свёрхнизких частотах гудели чьи-то голоса. Горчил табачный дым.

Шею ломило до онемения. Руки онемели до ломоты. Мир снова вздрогнул, пол выскользнул из-под лица; всё вокруг

завращалось, запрыгало: краски смешались и опять разделились, но уже по-новому. Деталь за деталью Рун осмысливал возникшую перед ним картину.

Амина лежала на спине и смотрела вверх – статично, бессмысленно. Растрёпанная красная прядь лежала поперёк лица. Женщина не шевелилась.

Из груди Этингера, как из дырявой резиновой камеры под давлением, через глотку стравливался еле слышный сип. В глаза впивались острые осколки. Из приоткрытого рта по губе скользнула струйка слюны.

Время, натужно вздохнув, замерло, но его снова разбудили своим гулом голоса, лицо Руна накрыла чья-то рука – и дальше была только чернильная темень.

17

Миры один за другим ржавели и разваливались, и каждый раз ошмётки старого служили колыбелью для нового. Они обволакивали Этингера нестабильной, изменчивой материей – не сны и не галлюцинации, а что-то куда более реальное и осязаемое.

То он барахтался, запутавшись в водорослях, по другую сторону защитного стекла “Миллениума” и, задыхаясь, наблюдал за не замечающими его учёными. То вдруг за тем же самым стеклом оказывался круглый аквариум, в котором плавали скелеты рыб, а Рун смотрел на них из искажённой

водной линзой реальности. Он попытался пошевелиться – и не смог, потому что в один миг стал частью трёхмерного слепка, такого же, какие он изучал на работе. Разница состояла только в том, что слепок этот не имел пределов – он заковал в кандалы безвременья всю вселенную. Пустота словно превратилась в прозрачный камень, а Этингер застрял в ней, как насекомое в янтаре. Если движение – жизнь, то историк был на сто процентов мёртв.

Потом из ниоткуда возникла полутёмная комнатка, без окон, пустая, с одним только стулом и столом, и на первом Рун сидел, а ко второму был прикован. Шумела невидимая вентиляция, хотя холодный воздух и так пробирал до дрожи. Лампа над столом то и дело меняла яркость, словно под перепадами напряжения; её мерцание действовало на нервы. Историк у этого места не понравилось, поэтому он попытался выскользнуть из него усилием воли. Но не смог. Прошло немало времени, прежде чем в его голову закралась мысль, что комната – настоящая, а всё происходящее – взаправду.

Тогда Этингер осмотрелся совсем иначе. Одежда на нём оказалась явно чужая и явно самая обычная – без терморегуляции и прочих удобств. Коммуникатор с руки тоже пропал. Запястья были притянуты к столу стальными обручами на манер скоб – даже чтобы почесать лоб, пришлось изворачиваться. Лодыжки точно так же крепились к ножкам стула.

С некоторым трудом оглянувшись, Рун разглядел за своей спиной дверь. В комнате и в самом деле больше ничего не

было – только тени, жмущиеся по углам, да круглая коробка часов. Они висели на стене напротив Руна, массивные, архаичные – секундная стрелка при каждом рывке лязгала, словно билась о железный ограничитель. Часовая и минутная, образуя прямой угол, показывали на двадцать две минуты второго.

Этингер не знал, с какого момента кончилась реальность и начались видения, зато вспомнил недвижимую, точно изваяние, Амину. От этого воспоминания в гортани нещадно зажгло. Рун понятия не имел, где находится даже он сам, но при мысли о том, что пострадала Канзи, захотелось выскокить из собственной кожи.

– Эй! – крикнул он. – Есть тут кто-нибудь?!

Его голос разметался гулом по комнате, но быстро утих под неумолимыми щелчками часов. Те, как назло, тикали медленно, словно время загустело в дёготь.

– Твари, – пробормотал Рун, не дождавшись ответа. – Скоты.

Очень хотелось пить. Слишком туго притянутые запястья ныли, немели ступни, болела шея. Но все эти неудобства терялись на фоне пожара, что полыхал в те минуты у историка внутри. Неизвестность глодала его не хуже пламени, разгулявшегося в средневековом городе, а страх лишь подливал масла в огонь.

“Это Эйдженс. Больше некому. Они как-то узнали о том, что мы причастны к взлому. Синклер нас сдал. Или это его

подручные? Я уже давно очнулся, и никто не спешит меня допрашивать. Если меня здесь держат не ради допроса, то для чего? Может, решают, что со мной делать? Что-то там выяснили и теперь высчитывают оптимальный путь к наилучшему для себя исходу. Грёбанные тоталитаристы... Где Амина? Надеюсь, эти мрази обращаются с ней лучше, чем со мной. Она не должна пострадать... Не должна..."

Когда минутная стрелка описала полный круг, Рун начал думать, что о нём попросту забыли. Сначала он попробовал докричаться до похитителей, потом просто звал на помощь. Никто не ответил. Этингеру казалось, что он сидит в этой комнатухе по меньшей мере сутки, а часы показывали только без двадцати три.

Ещё через час Рун пережил приступ паники. Ему вдруг взбрело в голову, что он так и умрёт от голода и жажды, как похороненный заживо. Историк начал рваться изо всех сил, но не смог даже стул сдвинуть с места – тот оказался привинчен к полу, как и стол. Зато руки и ноги заболели сильнее. Это-то его и отрезвило.

Этингер понял, что думать лучше как можно меньше – а то до всякого можно додуматься. Не исключено, что этого похитители от него и добиваются. Он вздохнул поглубже и попытался утихомирить сердцебиение.

“Нет, обо мне не забыли. Никто не забывает людей в допросных. Они придут. Надо только...”

Закончить мысль он не успел, потому что сзади скрипнула

дверь.

Вошёл мужчина – тот самый, которого Рун успел увидеть в квартире Амины перед тем как отключиться. Незнакомец принёс ещё один стул и, не обращая никакого внимания на историка, невозмутимо уселся напротив него.

Он весь был словно пластиковый: кожа без морщин и без единой родинки, чистая и бледноватая; острый нос, узкая челюсть, ровный, точно отшлифованный скульптором, подбородок. В тусклом свете лампы это лицо походило на лик какого-то диковинного андроида. Из одежды на мужчине был серый невзрачный костюм, сидевший на его худом теле мешковато, из-за чего напоминал робу.

Незнакомец достал из кармана планшет и, водя по экрану узловатыми пальцами, начал на нём что-то читать.

– Кто вы? – спросил Рун, внимательно разглядывая своего похитителя.

Тот не отреагировал. По его лицу возраст не угадывался совсем, потому что вся его внешность прямо-таки кричала о собственной фиктивности. Следов операций Этингер не заметил, но форма черепа незнакомца явно плохо сочеталась с чертами его лица. Рун был почти уверен, что ни в одной базе данных этого человека не существовало.

– Эй! Не смейте меня игнорировать! – крикнул историк, дёрнувшись в кандалах. – Я вам не животное, чтобы...

– Помолчите, – сказал похититель, не поднимая глаз.

Рун отчётливо уловил в его голосе нотку раздражения и

тут же прикусил язык. Ему враз расхотелось спорить и качать права. Он вдруг увидел, насколько безразличен сидящему напротив человеку и понял, что лучше лишний раз его не провоцировать.

Похититель же продолжал невозмутимо читать с планшета. Историка, несмотря на холод, бросило в пот. Он пытался разглядеть, что происходит на экране, но не мог. Часы оглушительно тикали. Пальцы незнакомца бесшумно скользили по экрану. Мерцала лампа.

Это продолжалось около двух минут, после чего антроидоподобный человек – или крайне приближенный к человеку андроид – со вздохом убрал гаджет и достал из другого кармана маленькую коробочку. В ней лежала прозрачная капсула размером с горошину. Похититель закатал рукав, вставил купсулу во вживлённый инъектор, нажал на кнопку. Инъектор мигнул зелёным.

Пластиковое лицо за считанные секунды превратилось в железную маску, на которой горели разноцветными микродиодами два искусственных глаза. Под их прямым и острым, как шпага, взглядом Руну стало ещё больше не по себе, хотя неудобнее, казалось, уже некуда.

– Итак, Рун Этингер, – сказал антроидоподобный, идеально интонируя. – Вас, полагаю, интересует, где вы находитесь. Но ещё вас очень интересует, где госпожа Канзи.

В окулярах похитителя светилось вполне живое и очень знакомое: “я всё про тебя знаю”. Рун собрался было отве-

тить, но андроидоподобный его опередил:

– Она ближе, чем вы думаете. Госпожа Канзи уже рассказала нам всё о взломе базы “Миллениума” и пыталась взять всю ответственность за него на себя. Крайне трогательно с её стороны пытаться вас выгородить, не так ли?

Этингер подавился словами. Получеловек смотрел ему в глаза, держа паузу.

– Так или иначе, пытаться скрыть от нас что-либо бесполезно, – он развёл руками. – Мы выяснили, что взлом случился с вашей подачи. Более того, после его совершения госпожа Канзи всё вам рассказала. Как видите, у нас уже есть картина вашего сговора, осталось лишь подтвердить её и прояснить кое-какие детали. Сейчас вы станете примерным раскаивающимся преступником и ответите на все мои вопросы. Это понятно?

Лицо похитителя оставалось безэмоциональнее булыжника, зато микродиодные окуляры пожирали Руна заживо.

– А если я не захочу отвечать? – выдавил историк.

– Вы ответите, потому что в противном случае я признаю вас виновным в сговоре с целью промышленного шпионажа. Вас и госпожу Канзи. Можете быть уверены, ничего хорошего вам обоим это не сулит. Итак...

– Погодите-ка, – перебил Рун, у которого от внезапно нахлынувшей смелости губы затряслись, – откуда мне знать, что с ней сейчас всё в порядке? Вдруг вы с ней уже разобрались в своём фирменном стиле?

– Ниоткуда, – ровно ответил андроидоподобный. – Не я на допросе, а вы. И выбора у вас никакого нет.

Дав Руну несколько секунд на осознание сказанного, похититель продолжил:

– Итак, для чего вам понадобился взлом базы данных “Миллениума”?

Этингер думал, что ответить, следя за грохочущей стрелкой часов. Получеловек смотрел на него во все глаза, замерев в полной неподвижности.

За весь разговор он ни разу не моргнул.

– Мы не собирались ничего взламывать. Просто Амина слишком... увлеклась.

– Предположим, – сказал андроидоподобный. – Но что сподвигло её увлечься?

– Арджун Крипалани, – Рун глянул на похитителя исподобья. У того на лице не дрогнула ни одна мышца. – Мы пытались выяснить, что с ним случилось.

– Зачем?

У андроидоподобного двигалась только челюсть. Микродиоды в его глазах медленно переливались. Этингер догадывался, что каждый его ответ мгновенно анализируется на правдивость – поэтому допросчик и раскрыл окуляры так широко. Он следил за мельчайшими изменениями в мимике и языке тела. А может, видел и того больше.

Рун под его взглядом чувствовал себя стеклянным.

– Потому что с его именем связано несколько снимков,

которые заинтересовали меня.

Андроидоподобный помолчал.

– Вы не договариваете.

“Гадство, – подумал Рун, закусив губу. – От него и вправду ничего не скроешь”.

– Ещё потому что я стал подозревать корпорацию в его убийстве.

– На каких основаниях?

– На основании своей паранойи, – бросил Этингер в отчаянии. – Такой ответ подойдёт?

Допросчик снова замер на несколько секунд.

– Вполне, – отозвался он наконец. – Иными словами, доказательств у вас не было. Но вы хотели восстановить справедливость, не так ли?

– Хотел.

– Поэтому и последовал взлом?

– Нет. Говорю же, Амина просто увлеклась...

– Это уже несущественно. Вы по-прежнему считаете, что Арджуна Крипалани убила корпорация?

Возникла пауза. Историк смотрел в искусственные глаза получеловека. Тот весь состоял из своего рентгеновского взгляда. Оглушительно тикали часы.

“Живым я отсюда не уйду”, – понял Рун, и эта мысль, как ни странно, придала ему храбрости.

– Да, – он вдруг охрип.

– Хотя никаких доказательств по-прежнему нет?

– Нет. Если не считать массу странных обстоятельств, связанных с его смертью.

Андроидоподобный несколько секунд о чём-то размышлял.

– Вам приходилось до взлома “Миллениума” заниматься промышленным шпионажем или экстремистской деятельностью?

– Какая разница? – Этингер нервно усмехнулся. – Разве ответ “нет” что-то изменит?

Он очень устал. Не только от допроса и сидения в статичной позе – вообще от всего. Похищение просто помогло Этингеру понять, что сил у него не осталось ни первых, ни последних. И что лучше бы всё это наконец закончилось.

– Отвечайте на вопрос.

– Не занимался. – Рун подумал немного и добавил: – Если, конечно, не называть экстремизмом попытки докопаться до исторической правды. Сдаётся мне, для ваших нанимателей это вполне аналогично экстремизму.

– Что вы имеете в виду? – шевельнул губами допросчик.

– Именно то, что я сказал, – сказал историк и опёрся на спинку стула. – Ни больше, ни меньше.

По неподвижному лицу андроидоподобного невозможно было прочесть ровным счётом ничего. Даже если бы треклятый недочеловек в этот момент мысленно выносил Руну смертный приговор, в лице его ничего бы не изменилось. Впрочем, историк так вымотался, что ему даже на это стало

наплевать.

Этингеру всегда было интересно, что на самом деле произошло с людьми, которые по официальным данным пропали без вести. Теперь он апатично думал о том, что ему выпала исключительная возможность узнать об этом на собственном примере.

– Что вы знаете о человеке по имени Синклер? – спросил андроидоподобный после паузы.

– Что он якобы шпион. И что я – не он. И что Амина – тоже не он.

– Что ещё?

– Догадываюсь, что по его милости я здесь.

– А кто он, не догадываетесь?

– А хоть бы и вы, – пожал плечами Рун. – Понятия не имею. Много у вас ещё вопросов?

– Не очень. Кто ещё имел доступ к данным, которые добыла госпожа Канзи?

– Никто, насколько я знаю. Хотя она говорила что-то про записку с кусочком кода...

– Больше Синклер с вами никак не связывался?

– Я даже не уверен, что записка была от него. И что он вообще существует тоже не уверен... Слушайте, я не имею ни малейшего представления о том, что у вас там происходит за кулисами. Мне это не интересно. Во всяком случае теперь – точно.

Андроидоподобный тоже откинулся на спинку, но как-то

механически, словно на шарнирах. Он всё ещё смотрел на Этингера, а тот гадал, дадут ему ещё раз повидаться с Аминой или нет. Почему-то именно теперь ему до смерти захотелось её присутствия. Хотя бы мельком. Хоть просто посмотреть на неё.

– Вы можете быть свободны, – отчеканил получеловек, и кандалы на руках и ногах ошеломлённого историка расстегнулись.

От неожиданности Рун чуть не упал со стула. Растирая онемевшие запястья, он поглядывал на похитителя и всё ждал, что тот засмеётся: подарить надежду на спасение и тут же отнять её – вот так шутка вышла бы! Но андроидоподобный смотрел в пустоту перед собой и молчал – точно его вдруг отключили от питания.

Мелкими шажками, на неслушающихся ногах историк пошёл к двери. На полпути его остановил по-прежнему плавный, идеальный голос допросчика:

– Рун.

Этингер, холодея, обернулся. Андроидоподобный всё ещё смотрел сквозь пространство, словно пытался постичь его основу.

– Вы подписали договор о неразглашении. Очень рекомендую его соблюдать. В противном случае мы встретимся снова.

Совершенно ничего не понимая, Рун снова повернулся к двери. Его отпускают?

Отпускают?!

Нажал на ручку. Потянул.

Часы, в последний раз щёлкнув секундной стрелкой, замолкли. За дверью вместо выхода белела сплошная стена.

– Так вы отсюда не выйдете, – протянул андроидоподобный голосом зажёванной плёнки. – Сейчас...

Пол скакнул вбок и ударил по плечу, став стеной. Открытая дверь оказалась у Руна под ногами, распахнутая, точно ворота ада. Стена за ней, мигнув, исчезла, потом исчез и сам проём, потом растворились в пустоте остальные части комнаты – и вот историк уже остался один на один с нищезанской бездной, которая властно заглянула прямо в него безглазым всевидящим взором. Взгляд этот выжигал, проедал насквозь; пустая шкурка по имени Рун не могла уже чувствовать, но имела ещё понятие о времени – оно и прекратило страдания Этингера, величественно и вместе с тем бестолково схлопнувшись в точку.

18

Рун сидел на носу старинного поезда. Вокруг, съедая и искажая пространство, клубилась белёсая мгла. Густой дым толкался из трубы локомотива и вытягивался в бурый шлейф, который в свою очередь разворачивался покрывалом и укутывал кажущийся бесконечным состав. Кабина машиниста, как всегда, пустовала. В вагонах покачивались на сво-

их местах пассажиры. Этингеру даже не нужно было оборачиваться, чтобы всё это увидеть – он и так прекрасно знал, где находится.

Вот только в этот раз чего-то не хватало. Рун на несколько мгновений вынырнул из задумчивости и сосредоточился на своих ощущениях. Что же не так?

И вдруг – услышал. Точнее, не услышал: ни скрипа панелей, ни стука колёс, ни шума ветра. Поезд словно летел сквозь тишину – внизу не было ни привычных рельс, ни даже земли. Только густой, как извёстка, туман.

Рун посмотрел ещё в молочную бездну, где раньше видел мельтешение шпал, и подумал, что всё правильно, так оно и должно быть. Это всё объяснило бы. Но что объяснило? Что должен объяснить полёт через пустоту?

Ответов на эти вопросы Рун так и не нашёл, потому что туман вдруг раздался в стороны, и из него вынырнуло лицо Амины.

– Рун! – позвала она. – Ты слышишь меня? Слышишь?

Из тающей потусторонней мглы медленно проступала комната. Не допросная, а другая – знакомая, почти домашняя. Горел прикроватный светильник. Этингер ждал, когда туман из сна окончательно рассеется и смотрел на склонившуюся над ним Амину. Она не исчезла.

– Ты... – пробормотал историк, с трудом подняв руку, чтобы коснуться её плеча. – С тобой всё хорошо?

– Лучше, чем с тобой, – на лице хакерши мелькнуло по-

добие улыбки.

Рун сел на постели, и, покачнувшись, зажмурился. Его слегка мутило. Голову словно обили изнутри ватой, в которой вязла и запутывалась любая мысль. Однако комнату он всё же узнал: это оказалась спальня Амины, и они были в ней одни.

– Эти... люди ушли, – сказала Канзи. – Ещё до того, как я очнулась. Ничего не понимаю...

– Я тоже, – пробормотал Рун, пытаясь прогнать цветные пятна, скачущие перед глазами.

– Я думала, нас уже не отпустят. Я ведь всё им рассказала...

Этингер повернулся к подруге. Та выглядела неважно: растрёпанные волосы, тени под глазами, непривычно бледная кожа – историк догадывался, что и сам не краше. Но теперь до него наконец стало доходить, что она здесь, в целостности и сохранности, а то, что он увидел перед допросом – в прошлом, да и вообще, может, не настоящее...

Прежде, чем историк успел сообразить, что делает, Амина оказалась в его объятиях. Она охнула от неожиданности, но не отстранилась. Её руки медленно и даже робко обвились вокруг его шеи.

– Ловко они нас поймали, – сказал Рун, грустно усмехаясь. – Я тоже всё рассказал, когда они пригрозили, что с тобой что-нибудь сделают. Мы с тобой раскололись как миленькие.

– Может, это нас и спасло? – прошептала Канзи.

Этингер отстранился и посмотрел ей в глаза.

– С тобой нормально обращались?

– Можно было и повежливее, – Амина шмыгнула носом. –

Но ничего такого уж страшного. Мы ведь даже квартиры не покидали, знаешь?

– Симуляция? – догадался Рун.

– Ага. Через какой-то ультрасовременный нейронный интерфейс, видимо. Даже я эту виртуальность приняла за чистую монету. Только когда очнулась, поняла что случилось.

Этингер глянул на окно.

– Стемнело. Интересно, сколько прошло времени?

Комм оказался выключенным – должно быть, мешал допросчику – поэтому Рун включил его и посмотрел на часы.

“22:39”

– Странно, – хмыкнул он.

– Посмотри на дату, – вздохнула Амина.

“07.09.2265”

– Двое суток?!

Историк хоть и удивился, но тут же понял, что это объясняет их с Канзи измождённое состояние – двухдневный трип в симуляции кого угодно выжмет, как тряпку.

Хакерша заползла на кровать и, рухнув на подушки, уставилась в потолок. Рун неловко лёг рядом.

– И что теперь?

Амина задала вопрос, который и без того уже висел в воз-

духе. Вязываясь в эту авантюру, они оба мнили себя бунтарями – верили, что смогут что-то поделаться с произволом корпорации.

Не смогли.

Реальность на следующий же день расставила всё по своим местам. Вчерашние бунтари пошли на попятную, поджали хвост, точно пёс, что по глупости цапнул медведя. Всё, на что их хватило – жалкие попытки не дать себя поймать, слепое мыканье из стороны в сторону в надежде, что само обойдётся.

Не обошлось.

Всю дорогу они думали, что знают свои перспективы. И “не питали иллюзий”, и “готовились к худшему”, и вообще “назад дороги нет”. Рун даже не думал о том, что с ними сделают, если поймают – понимал, что скорее всего убьют.

Не убили.

Так что же теперь?

– Теперь нам надо поесть для начала, – сказал историк, глядя на рисунок теней, отбрасываемый включённым торшером.

– Это точно, – тут же отозвалась Амина. – Поесть нужно.

Ужин из полуфабрикатов хоть и утолил голод, но оставил чувство тяжести в животах – сказались двое суток без еды. Слабость и ломота во всём теле после этого только усилились. Рун еле ворочал языком, Амина с трудом доносила кружку до рта. Закончив свои дела на кухне, они, не сговари-

ваясь, вернулись в спальню. После двух дней в статичной позе Этингер ожидал иной усталости, но чувствовал себя так, словно его впрягли в плуг и вспахали целый гектар.

“Наверное, это от той дряни, которой нас накачали, – подумал он. – Или от интерфейса”.

Канзи почти сразу отключилась в обнимку с подушкой. К историку сон не шёл.

Их отпустили. Даже несмотря на взлом, который иначе как агрессию по отношению к корпорации расценить нельзя. Даже несмотря на враждебность, которую Рун выказал при допросе. Несмотря на прямую угрозу тайне, в которую вгрозаны суммы с совершенно неприличным количеством нулей. Известно множество случаев, когда разные организации убивали и за меньшее. А “Эйдженс” за всё это... отпустили?

Этингер с кряхтением сунул ноги в тапочки и прошаркал на кухню. Машинально сделал окно непрозрачным. Включил кофемашину.

Да, отпустили. Потому что двое наивных чудаков, которые по глупости влезли куда-то не туда – вовсе даже не препятствие. Вот они, как на ладони – живут в домах, напичканных следящими устройствами, беспомощные и запуганные. Все их данные внесены в тысячи баз, так что задумай взломщики набедокурить, их легко будет найти, вооружившись нарушенным договором о неразглашении. Деньги, собственность, списки контактов – всё извлекается из всемир-

ной сети по предъявлении ордера. Глупым чудакам некуда будет деваться. Сама земля начнёт полыхать у них под ногами. Две жалких букашки – щёлкни ногтем, и головёнки отлетят так, что потом не найдёшь...

Густой и чёрный, как нефть, напиток тянулся из краника в кружку. Рун замороженно следил за тем, как поднимается уровень жидкости. Казалось, ещё несколько капель – и хватит захлебнуться.

Их с Аминой оставили в живых, потому что они просто не могли нанести непоправимого ущерба компании. Арджуна Крипалани, руководителя “Хроноса”, убили, потому что он – мог. Это значит, что он узнал или сделал больше, чем узнали или сделали два приглашённых эксперта, изобретатель просто вынудил корпорацию прибегнуть к крайним мерам. Вот и вся разгадка. Эксперты живы потому, что их не за что убивать. И это в свою очередь означает, что теория заговора, в которую так легко поверил Рун – чушь собачья.

Теперь, повстречавшись с человеком без лица, признать свои ошибки оказалось не так уж трудно. Да, Этингер всегда имел склонность к паранойе и довольно легко ей поддавался. Эта паранойя была частью его аналитической мозговой машины, из неё бралась вьедливость, с которой историк брался за свои профессиональные изыскания. Рун знал, что его порой заносит, а потому всегда легко бросал поражённые паранойей теории.

Всегда, но не сейчас. На сей раз в нём взбунтовалась ло-

гика.

Если нет никакой подмены информации, то каким же образом оказалась на снимке новость о гибели Сириуса-1? Из-за дефекта в прежде непогрешимой машине?

Кофе стыл, а Этингер всё не мог поднести кружку ко рту. Смотрел, как по чёрной поверхности бежит кольцевая рябь, сообщаемая дрожью руки. Историк очень не нравилось, что рука дрожит. Слишком уж было похоже, что дело не в руке, а в планете, которая ходила ходуном под его ногами.

“Как же тяжело никому не верить. Как же тяжело не доверять самому себе”.

Подмены информации нет. Дефекта тоже нет – если бы он был, повторный снимок не отличался бы от первичного. Есть только белое пятно, нависшее над проектом с претенциозным названием “Хронос”. Куда ни ткнишь – всюду попадёшь в молоко; вопросы возникают один за другим, но правильных ответов на них словно и не существует. Как будто у этой мозаики все детали от разных картинок.

Почему вот Руна с Аминой не подозревали в том, что они – Синклер? Ведь такой вывод напрашивался сам собой! Но нет, андроидоподобный спросил лишь, что Этингер знает о шпионе. Конечно, допросчик невероятно тонко чувствовал фальшь, но разве профессиональный агент не смог бы обдурить этот ходячий детектор лжи? Неужели человек с искусственным лицом и глазами этого не понимал?

Понимал, не мог не понимать. Значит, знал что-то ещё.

Что-то такое, что сняло подозрения с парочки экспертов. Это единственное логичное объяснение.

“Я ничегошеньки не знаю. С самого первого дня здесь я словно ребёнок, которому никто ничего не хочет объяснять. Только подумаю, что нащупал истину, как оказывается, что это всего лишь наивные выдумки. Всё, на что меня хватает – раз за разом чувствовать себя идиотом. И ничегошеньки от меня не зависит. Даже моя собственная жизнь... Кукла, вот кто я! Как персонаж в долбаном фильме, который может лишь смиренно следовать букве сценария. Говорящая оболочка, бесправный, безвольный, безмозглый раб!”

Кружка с треском раскололась о стену, вдоль которой хлестнул чёрный фонтан брызг, кухонный агрегат покрылся бурыми кляксами. От чересчур сильного броска Руна занесло, он потерял равновесие и повалился на пол вместе с подвернувшимся под руку стулом. Зашипев от боли и отчаяния, историк оттолкнул его ногой в другой конец комнаты. Руки тряслись. Треклятая планета вращалась, порождая смертельный водоворот, в котором впавший в истерику Этингер совсем не по-героически тонул.

“На хер всё! – стиснув зубы, Рун тяжело дышал. – Пусть кто-нибудь другой копается во всём этом дерьме. Пусть ищут что хотят – хоть дефекты, хоть шпионов, хоть сам святой Грааль! Клал я на всё это с прибором. Отныне я считаю, что “Хронос” работает правильно, и пусть попробуют для начала доказать мне обратное!”

На лицо Этингера вползла гадкая улыбка.

“Хронос” работает правильно. Чем не версия? Белые пятна на снимках? То искажения пространства. Ну вот представьте-ка: во вчерашнем дне ещё есть что снимать, а в позавчерашнем – уже нет, исчезло всё. Вот так теория, а? Бери и развивай!

Если, скажем, прошлое – это след настоящего. Шлейф, который тянется за “сейчас”, как дым за поездом; клубы по инерции остаются на месте, пока их источник движется вперёд. Тогда получается, что чем дальше от источника, тем менее цельным и оформленным становится облако. А если дунет ветерок, то он может и вовсе оборвать эту ленту...”

Улыбка постепенно сползла с лица Руна. Чем дальше он рассуждал, тем больше становилось не до смеха.

“Каждая секунда, отжив своё, превращается в отголосок самой себя и уступает место преемнице. Эта цепь проплывает мимо нас, звено за звеном. Впереди они формируются и сцепляются между собой, а позади ржавеют и рассыпаются в прах. Вот почему путешествия во времени невозможны. Потому что далёкого будущего, как и далёкого прошлого, ещё или уже не существует. А “Хронос” всего лишь хватается то, что пока не распалось до конца, и сохраняет в виде трёхмерного слепка.

Но как же тогда объяснить новость про Сириус-1?

Нет, не складывается”.

Рун облегчённо усмехнулся.

“Да это же очередная чушь! Надо было мне в писатели...”

Этингер со вздохом поднялся с пола, подобрал разбитую кружку. Только сейчас он осознал, что за стенкой спит Амина; раз она не пришла выяснить в чём дело, значит звукоизоляция и усталость сохранили её сон. Рун критически осмотрел результаты своего буйства и нашёл их не такой уж высокой платой за чуть улучшившееся настроение.

Кружка раскололась на две части, так что её ещё вполне можно было склеить. Историк составил их в изначальном порядке и, удерживая одной рукой, провёл пальцем по стыку. Тот оказался почти не ощутим.

“Почти не ощутим, – мысленно повторил историк. – Почти не ощутим... Если в момент исчезновения прошлого происходит короткое смыкание с той частью времени, которая находится по другую сторону от настоящего, то новость о космической станции вполне объяснима. Сириус-1 действительно до сих пор цел и функционирует. Просто в неопределённом будущем она может погибнуть при столкновении с обломками астероида. Если мне случайно удалось попасть снимком именно в момент смыкания... Что ж, вполне вероятно. Это также объясняет диффузию, которую обнаружил Лебронн, и его слова про разнородное антивещество.

Что, если Крипалани обнаружил именно это? Вот так ирония – правильно работающее изобретение доказало собственную бесполезность, потому что абсолютного доступа к прошлому не давало. Светлый ум изобретателя мог и до-

гадаться: “Хронос” годится только на то, чтобы выудить несколько кадров из недавнего прошлого, и ни на что более. Но что ещё важнее, так это истинная природа времени, которое сжалось до бесконечно короткого “сейчас”. На фоне этого открытия всё остальное меркнет и обращается в ничто... Проект бы неизбежно закрыли, выплыви такая правда на свет. Да, за такое могли убить. Могли и убили”.

Рун потрясённо разглядывал половинки кружки, словно держа в руках собственный мир, вдруг лопнувший по швам. Он пытался представить себя во вселенной, где времени не существовало, и не мог.

“Но так ведь просто не может быть! Правда?.. Это ведь только мои выдумки, не обязательно же им быть правдой. Или...”

– Под нашим поездом нет рельс, – сказал Рун в пустоту, и его слова тут же перестали существовать где-то там, за границей настоящего момента. – Нет рельс...

“Если такая информация выплывет в свет, что же будет? – ужаснулся Этингер, плавно оседая на пол. – Ведь получается, что Вселенная не хранит информацию о прошлых своих состояниях, а лишь непрерывно течёт и меняет форму. Шлейф отработанных секунд волочётся следом, но быстро истончается, рвётся – и вот они, белые пятна на снимках. Это значит, что история... нет, даже сама наша память – это голая фикция, дефект восприятия, основанного на запоминании. Мы храним прошлое у себя в головах, хотя сама вселенная это-

го не делает. Она просто изменяется по каким-то своим законам, а мы катимся, катимся в единственном бесконечном мгновении, наивно считая, что имеем “вчера” и “завтра”...”

Этингер представлял, как именно люди начнут действовать, узнав обо всём этом. Баланс, с таким трудом достигнутый сотнями поколений, наверняка нарушится, хотя сама по себе новость ни на что не влияет – так было всегда, и так есть, и так будет, но разве люди смогут просто переварить эту информацию и остаться прежними? Нет, исключено. Историк словно наяву видел, как появляются конфессии и учения, призывающие не задумываться о прошлом, а то и вовсе отказаться от него; как встаёт вопрос о полном упразднении истории как науки; как проект “Хронос” начинает ветвиться, и изобретается новое оружие, способное выталкивать объект из настоящего мгновения, что означает быстрое и бесследное уничтожение этого объекта. Лженаука, которой Рун посвятил жизнь, буквально кричала своей статистикой: человечество рано или поздно попытается оседлать единственное мгновение, в котором способно существовать, и из-за этого-то и отстанет от него на долю секунды, таким образом оставшись в исчезающем дымном шлейфе.

Рун смотрел на трясущиеся руки и чуть не умолял их перестать; казалось, эта дрожь вот-вот войдёт в резонанс с движением вселенной, и незадачливый историк выпадет из “сейчас”, растворится в текучем пространстве, провалится сквозь дырку в кармане реальности... Он очень хотел забыть

о том, к чему привела его логика, но уже не мог – безупречная память, злобная садистка, всё схватила, всё записала. Он хотел вернуться в прошлое и никогда не приближаться к “Миллениуму”, но тут же вспомнил – нет ведь никакого прошлого!

В ночной тишине внутренний слух Этингера терзали барабаны, отбивающие ежесекундный четырёхтактный ритм. Лязгала, разрывая перепонки, стрелка старых часов на стене допросной. Каждое мгновение ножовкой проходило по натянутым нервам, заставляя их вибрировать, а руки тряслись всё сильнее. Рун говорил себе, что нельзя так бояться, нельзя, так ведь можно сойти с ума, но...

... Таймер на нижней грани пятиметрового металлического куба остановился на нуле, а затем стал отсчитывать время в минус. Крупицы песка внутри песочных часов застряли в воздухе и одна за другой исчезли. Сердце сократилось – и не разжалось.

Уютная кухня спрессовалась в нестерпимо тесный клочок пространства, в котором совсем не осталось воздуха. Рун жадно дышал, но словно прокачивал через лёгкие мёртвую атмосферу истёкших секунд; перед глазами плыли пятна – зелёные, синие, пурпурные – и закручивались в калейдоскоп на запредельной скорости, нисколько при этом не смешиваясь. К горлу подкатила тошнота, и через мгновение Этингера согнуло пополам рвотной судорогой – недавний ужин оказался на полу.

Только после этого разум историка немного прояснился. Постояв немного на четвереньках над кисло пахнущей лужей, Рун сел, откинулся на спину, воздел взгляд к потолку... И в следующий же миг весь свет погас.

19

Этингер быстро пожалел, что закрыл окна. Электроэнергия отключилась, запасной генератор по какой-то причине тоже не завёлся. Мало что соображая и тыкаясь в невидимые предметы, как слепой котёнок, историк ощупью искал выход.

Поначалу он даже не понял, что произошло. То ли сон вытолкнул его в явь, то ли сама явь вдруг оборвалась. Но багровый туман паники постепенно истаивал, мысли прояснялись, Рун вспомнил, где находится и тут же сообразил – где-то что-то сломалось.

Его всё ещё трясло от слабости. Опорожнённый желудок сжался в комок и отзывался болью при каждом вдохе. Страх отступил, но пришла апатия, такая, что даже думать не хотелось. Может быть именно поэтому Этингер не сразу вспомнил, что у него на руке есть коммуникатор, в котором хоть и не было фонарика, но зато имелась подсветка.

В тусклом свете комма Рун наконец нашёл дверь и оказался в спальне. Подошёл к кровати – Амина безмятежно спала. Двинулся к входной двери.

Рун мог вызвать наладчиков и никуда не ходить, но у него

даже мысли такой не возникло. Темнота вкупе с ватной тишиной создали в его воспалённом мозгу стойкую иллюзию безвременья, в которую историк тотчас канул с головой.

Он будто оказался на корабле, затерявшемся в далёком космосе. За бортом не было уже ни звёзд, ни астероидов – всё это осталось далеко позади. Остальное человечество перестало существовать для историка; он не знал, сколько ещё протянет корабль, прежде чем выскочит за пределы бытия. Этингер боялся этого момента, но не собирался останавливаться. Он покидал вселенную, потому что не хотел жить там, где нет ничего, кроме одного единственного мгновения.

Спускаясь по лестнице, Рун воображал, что идёт на нижнюю палубу, где остывал заглохший двигатель. Слух вроде бы даже улавливал звон пустоты, замораживающей внешнюю обшивку, а затхлость воздуха из-за отказавшей вентиляции чувствовалась всё сильнее. Этингер остановился перед металлической дверцей и дёрнул её на себя; внутри он ожидал найти что-то вроде кнопки перезапуска, но вместо этого увидел панель с несколькими тумблерами. Все они были опущены.

В этом месте иллюзия наконец дала трещину. Рун потряс головой и один за другим поднял все переключатели. На последнем в коридоре зажёгся свет. Хмыкнув, историк закрыл дверцу, но отойти не успел.

Рука в перчатке зажала ему рот, ещё одна болезненно выкрутила локоть.

– Не брыкайся, – сказали ему в самое ухо. – Поговорим и вернёшься в квартиру.

Эта встряска мгновенно привела Этингера в чувство. Он узнал голос, но не мог понять, чей он, а потому счёл за лучшее послушаться.

Историка быстро втолкнули в тёмную подсобку, где вдоль стен громоздились всякие инструменты, стремянка, контейнеры и прочая утварь. Хлопнула, закрываясь, дверь. Щёлкнул переключатель; зажглась лампа под потолком. Локоть отпустили, так что Этингер смог наконец обернуться.

И, обернувшись, остолбенел.

– Давай сэкономим друг другу время, Рун, – сказал тот, что стоял напротив. – Мы с тобой не враги, поэтому сразу перейдём к делу. Ты ведь выяснил, что с “Хроносом”?

– Так это вы – Синклер, – сказал историк.

– Угадал, – ответил Венсан.

– Понимаю, почему вас до сих пор не вычислили.

Лаборант пожал плечами.

Если бы у Клода Венсана был брат-близнец, то так бы он, наверное, и выглядел. Униформа “Миллениума”, в которой Рун всегда видел лаборанта, сменилась повседневной одеждой, но не такой, какую стал бы носить девяностолетний старик. Да и вообще Венсан больше не выглядел на девяносто, скорее уж на семьдесят с хвостиком. Главная перемена заключалась в его поведении: движения уверенные, плечи расправлены, взгляд прямой, острый, даже голос окреп – словно

в теле старой развалины поселился дух зрелого мужчины.

– Ты выяснил? – повторил Синклер медленнее.

– Да.

Рун не боялся. Может, потому что старик не внушал ему страха, а может потому, что историк просто устал бояться. Так или иначе, он сразу решил говорить начистоту. К этому времени ему стало по-настоящему безразлично, что будет потом.

– Он ведь правильно работает, так? – взгляд Синклера буравил зрачок Этингера.

В лице лаборанта ничего не изменилось, но интонация, с которой он задал вопрос, своей неспешностью слишком уж походила на обречённость.

Рун кивнул.

– Наше время... только настоящее?

– Да.

Венсан глубоко вздохнул.

– Я так и знал, – сказал он. – Крипалани перед смертью сделал какое-то сверхважное открытие. Поделился он им только со своим заместителем. А тот ему не поверил. В тот день, когда Флагстада арестовали, я остался в его кабинете и влез в документы.

– Вот оно что, – протянул Этингер. – Это вы его подставили?

– Я знал, что долго обман не продержится, но это было и не важно. Важнее то, что Крипалани устранили из-за Флаг-

стада. Тот шепнул кое-кому из совета директоров, что главный инженер собирается саботировать проект.

– Зачем? – удивился Рун.

– Ты умный парень, вот и пошевели мозгами, – Синклер прищурил один глаз. – Крипалани писал статью об открытии, которое начисто лишило бы смысла строительство “Миллениума” и пятнадцатилетнюю работу над “Хроносом”. Флагстад подумал, будто тот сошёл с ума или продался, а статья эта – выдумка от начала до конца.

– Понятно, – кинул историк. – В совете директоров поверили Флагстаду.

– Именно, – шпион задумался. – Да я и сам не сразу решился в такое поверить...

Он потёр лицо руками и ещё раз вздохнул. Видно было, что на душе у него сильно беспокойно. Рун не знал, прикидывается лаборант или решил сбросить все маски, но будь смятение неподдельным – историк бы отлично понял.

– Скажите, – подал он голос после паузы, – это вы нас выдали?

– Кто же ещё, – усмехнулся Венсан. – Не обижаешься, надеюсь?

Этингер не нашёлся с ответом. Разумеется, его возмутила такая небрежность, но...

– Ничего бы с вами не сделали, – словно читая его мысли, махнул рукой Синклер. – Я написал донос на таком же клочке бумаги, что и записку про Флагстада. Они с самого начала

знали, что вы – не я, а за взлом без утечки самое строгое наказание – увольнение. Плюс к тому госпожа Канзи помогла выявить уязвимость защитных систем. Да они же счастливы были, что взломали двое балбесов, а не профессиональный агент!

– Но зачем?!

– А затем, чтобы ты вернулся оттуда и всё мне рассказал, – улыбка исчезла с лица шпиона. – Заметь, я с тобой щедро поделился информацией, которой владел. Теперь ты мне расскажи-ка, как было дело.

Рун рассказал. О том, как протекал допрос и о том, как он дошёл до теории исчезающего прошлого. Иногда Синклер задавал уточняющие вопросы. Этингер с готовностью отвечал – в его памяти деталей было хоть отбавляй.

Когда он закончил, в подсобке повисла тишина.

– Пятнадцать лет... – проговорил Венсан, покачав головой. – Пятнадцать лет я убил на это дело. Само время уже не помнит того момента, когда я впервые переступил порог “Миллениума”. И всё ради вот этого...

Он смотрел куда-то в сторону, а Рун терпеливо ждал продолжения. И дождался.

– Что-то много я стал болтать, – снова уверенным голосом сказал старик. – Видимо, пора на пенсию. А, Рун?

Этингер растерялся и только пожал плечами.

Синклер и не ждал ответа. Он развернулся и открыл дверь, собираясь уйти, но остановился на пороге. Обернул-

ся, чтобы ещё раз пронзить историка взглядом.

– Уезжайте, герр Этингер, – сказал он вкрадчиво. – Берите в охাপку госпожу Канзи и сегодня же уезжайте. Как можно дальше.

С этими словами старик скрылся за углом, и больше Рун его не видел.

20

Тем же утром Этингер рассказал Амине обо всём, что она проспала. Она восприняла новости намного легче, чем сам Рун, хотя и не сразу поверила в самое главное. Может даже быть, что она так и не смогла до конца поверить. В любом случае, историк не мог её за это винить. Он вообще подумывал умолчать о своих догадках, но просто не смог солгать хакерше в глаза.

Около девяти утра им обоим пришло по сообщению от Флагстада. Амине – бланк заявления об уходе по собственному желанию. Руну – “последнее предупреждение”. В конце обоих писем имелась короткая приписка с намёком на то, что в случае чего корпорация вынуждена будет принять меры. “Не болтайте” в переводе на человеческий язык.

Амина, несколько не расстроившись, подписала документ, прикрепила к нему свою цифровую сигнатуру и отправила ответным сообщением. Недолго думая, Этингер тоже заполнил бланк об увольнении. Затем он вспомнил, что у

него накопилось несколько выходных, зашёл в корпоративную систему учёта рабочего времени и использовал их все до последнего.

Последние слова Синклера не давали Руну покоя. Так он в тот миг смотрел, что у Руна по спине пробежал холод, а желание задавать накопившиеся вопросы мгновенно отпало. И чем дальше, тем больше внутри историка крепло желание поступить так, как велено.

Он поделился своими соображениями с Аминой. Предложил съездить в Кемпер, хотя бы на пару дней. Та не возражала – всё равно они оба теперь безработные.

Уехали в тот же день. А тем же вечером произошла катастрофа.

Грохот взрыва было прекрасно слышно даже на расстоянии двадцати километров, а слабые подземные толчки не прекращались добрых пару часов. В новостях показывали уродливый кратер, почти полностью затопленный и окутанный паром. Рун быстро узнал местность – последние несколько недель он каждый день ходил туда на работу. Теперь же острова, на котором стояла ферма, не существовало, обломки моста валялись на суше, а на побережье появился новый залив, над которым точно вороньё кружили квадрокоптеры спасателей и полиции.

Новость на неделю заняла первое место в чартах самых громких событий. Поначалу мировое сообщество недоумевало – что могло случиться на морской ферме, если так ба-

бахнуло? Потом установили причину – взрыв большого количества антивещества. Постепенно вскрылось существование “Миллениума”, хотя название “Хронос” на поверхность так и не выплыло. Мир узнал, что под фермой располагалась секретная лаборатория “Эйдженс”, в которой проводились секретные разработки, но на этом и всё. Дальше – сплошные теории и версии. Подняли голову любители теорий заговоров. Всплыло забытое еще век тому назад слово “терроризм”. Энтузиасты через мировые суды разворошили несколько секретных проектов “Эйдженс”, но в корпорации, видимо, предпочли скормить общественности что-то более мелкое, чем “Хронос”. В конце концов все расследования прекратились, а новообразованный залив стал достопримечательностью. Техногенная катастрофа – так называли случившееся, а правда так и не увидела свет.

И только Рун с Аминой знали, что произошло на самом деле. В “Эйдженс” провели собственное расследование, так что бывшим экспертам пришлось ответить на множество вопросов, прежде чем им дали увольнительную. На сей раз это был не человек с пластмассовым лицом, а обычные следователи из отдела внутренней безопасности. Эти парни были прекрасно информированы о том, почему Канзи и Этингер решили уволиться, а потому особо не старались. Первый допрос экспертов стал их алиби – следователи знали, почему за последние трое суток Канзи и Этингер не объявлялись в научном центре. Они физически не могли подготовить са-

ботажа, и уж тем более привести его в действие. Им даже не пришлось лгать – удалось обойтись полуправдой.

Их снова отпустили с миром. Тут-то, казалось бы, их пути должны разойтись, но нет – ни Рун, ни Амина так и не подняли эту тему, а потом для этого уже стало поздно. Сначала они поехали в Лондон, затем на заработки в Рио, потом навещать семью Канзи в Техас... Этингер всё это время – почти год – оглядывался через плечо, опасаясь нового столкновения с “Эйдженс”. Но время шло, а жуткий андроидоподобный человек всё не объявлялся.

И вот в июне 2266 года историк прочёл в новостной ленте: “Космическая станция Сириус-1 уничтожена в результате неудачной бомбардировки астероида SAT67. Данные получены с крейсера “Навуходоносор”, производившего бомбардировку. Погибло 13 человек, большей же части экипажа станции – ещё 74 астронавтам – удалось спастись. Капитан крейсера сложил с себя командные полномочия и согласился вернуться на Землю для суда...”

Дальше Рун читать не стал. Главное, что он вынес из этой новости – его догадки оказались верными от начала и до конца. И после этого, вопреки собственным ожиданиям, Этингер успокоился.

Ему пришло в голову, что раз человечество ухитрилось просуществовать в одном мгновении несколько десятков тысяч лет, то ничего с ним уже не случится. Может, тайна “Хро-

носа” и выплывет когда-нибудь снова, но вряд ли при жизни Руна. Не зря ведь тот, кто первым добыл это знание, погиб из-за того, что ему банально не поверили. Это знание, не неся в себе абсолютно никакой практической пользы, в то же время смертельно опасно для своего носителя. Именно поэтому Этингер больше не переживал о будущем. Он твёрдо решил, что больше никому и никогда не расскажет о том, что узнал. И раз на данный момент жизнь у него не отняли, значит и в дальнейшем это вряд ли случится. Историк, как и капитан крейсера, который вернётся на Землю разве что дряхлым стариком, ушёл безнаказанным.

И всё же он иногда просыпался среди ночи в холодном поту и лихорадочно искал взглядом часы, опасаясь увидеть на них отрицательное число, но находил лишь лежащую рядом Амину. Она стала для Руна лекарством от всех кошмаров и якорем, за который он цеплялся что было сил, когда казалось, что Мгновение вот-вот его отторгнет.

Однажды, много лет спустя, Этингер не удержался и все свои открытия всё-таки записал.

«В конце концов, – написал он в конце, – ведь именно это мы, люди, и делаем всю дорогу. Накапливаем и таскаем в себе то, чего уже больше нет. Создаём память вселенной, именуемой «прошлое». Самой вселенной оно без надобности, а вот мы за него цепляемся отчаянно, ведь кроме прошлого у нас, в сущности, ничего и нет. Мы – машины времени, единственно возможные и совершенно бесполезные для все-

го, кроме себя самих. Кому нужны хрупкие капсулы с безнадежно устаревшим барахлом? Всё, что мы можем – это рассказывать вселенной о том, какой она была раньше. Но однажды мы отстанем от вечного «сейчас» на мгновение, и рассказать о нас станет уже никому».

Рун попросил Амину зашифровать чип с записями самым криптостойким шифром. “Я свою функцию исполнил” – подумал он напоследок и запрятал чип подальше.

А со временем и вовсе с чистой совестью его потерял.